

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№5 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №5 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 128.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина, Ван Кэсюй</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КИТАЙСКИМ ПЕРЕВОДЧИКОМ ТАЙВАНЯ ЦЮ ГУАНОМ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	7
---	---

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>И.С. Леонов</i> РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОЗЫ	12
<i>Е.П. Лынова</i> ВЛИЯНИЕ РОМАНТИЗМА НА РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	15
<i>Чжан Хуайминь</i> БОРЬБА МЕЖДУ «АПОЛЛОНОМ» И «ДИОНИСОМ»: АНАЛИЗ ОБРАЗА ДОЛОХОВА В РОМАНЕ «ВОЙНА И МИР»	18

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова, В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин, Г.Р. Мустафина, Ф.Б. Рахматова, С.Р. Ханнанов</i> ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ И ОТЛИЧНИКА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ВЕНЕРЫ БАЯНОВНЫ КАРАМЫШЕВОЙ	21
<i>А.К. Малаховский, Банифадель Мотаз</i> ПАЛЕСТИНСКИЕ СМИ ПОСЛЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1967 Г.: ДИСКУРС СОПРОТИВЛЕНИЯ	24
<i>Ю.В. Шуйская, Е.Л. Малышева, И.В. Чеснокова</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ТОК-ШОУ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ЖАНРА	27

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, Е.Ю. Тупицына</i> ЭФФЕКТИВНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	30
<i>Н.Н. Быкова</i> МИР ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА	33
<i>К.В. Еленская</i> ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ НАСИЛИЕ)	38
<i>Е.Н. Ильина, А.В. Крюкова, М.И. Леготина</i> УСТНЫЕ РАССКАЗЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ О ТРУДЕ: КОГНИТИВНЫЙ, ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА	41
<i>Е.Н. Ильина, М.А. Паничева</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХЭШТЕГОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ	44
<i>О.А. Казакевич</i> КОМПИЛЯТИВНЫЕ ЖАНРЫ ДЕЛОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ НА ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ XVII В.	46
<i>С.С. Камшук, А.А. Немыка, Е.Н. Рожик</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА	50
<i>В.В. Карпова</i> МУЛЬТФИЛЬМ «МАЛЕНЬКАЯ ВАСИЛИСА» (2007): КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	53

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Д.А. Борисов, Н.В. Жарёнова, Ю.Н. Зинцова</i> СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА <i>GRÖLEN</i> В СОВРЕМЕННОМ ШВЕЙЦАРСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	56
<i>В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк</i> РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ	60
<i>А.В. Гуркова</i> КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ	63
<i>И.А. Дини, С.Б. Цолоева, А.В. Арёньев</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	66
<i>Л.Е. Корнилова</i> ФОНОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КИТАЙСКИХ КСЕНОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ)	69
<i>Б.А. Мхитарьян, И.В. Уварова, А.М. Бальян, А.А. Бекетова</i> ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ИРОНИИ В СЕМАНТИКЕ АТРИБУТИВНО-НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЯДЕРНОЙ ЛЕКСЕМОЙ "IRONY"	75
<i>М.В. Репина, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НАЗВАНИЙ СПОРТИВНЫХ ПИЩЕВЫХ ДОБАВОК)	78
<i>А.С. Рыбакова</i> ОДНОКОМПОНЕНТНЫЕ И МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	81
<i>О.А. Хабибуллина</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	84
<i>М.С. Харченко, М.Н. Палеха, Е.С. Глухова</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОНСТРУКЦИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ АНГЛИЙСКИМ ГЛАГОЛОМ TO HAVE	87
<i>С.С. Шумбасова</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	91

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Г.В. Галавова</i> ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ	94
<i>Ю.А. Дубовский Т.Б. Заграевская, С.М. Заграевская</i> АНГЛО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗНАКИ	97
<i>З.И. Евлоева, А.М. Льянова</i> МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ	100
<i>М.А. Егорова</i> КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА	103
<i>П.А. Магомедова, М.У. Магомедова</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БЕРТИН/РИГБИН» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА)	109
<i>Н.О. Орлова, О.Ю. Богданова, О.Л. Крамаренко, Ю.В. Мошкина</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА	112
<i>С.М. Юсупова</i> КОНЦЕПТ «НАДЕЖДА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	115

АННОТАЦИИ

119

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.R. Khusnulina, Wang Kexu</i> INTERPRETATION OF THE NOVEL "WHITE NIGHTS" (1848) BY F. M. DOSTOEVSKY BY THE CHINESE TRANSLATOR OF TAIWAN QIU GUANG	7
---	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>I.S. Leonov</i> RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ORIGINS OF MISSIONARY PROSE	12
<i>E.P. Lynova</i> THE INFLUENCE OF ROMANTICISM ON THE DEVELOPMENT OF THE THEME OF DUALITY IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY	15
<i>H. Zhang</i> STRUGGLE BETWEEN "APOLLO" AND "DIONYSUS": ANALYSIS OF DOLOKHOV'S IMAGE IN THE NOVEL "WAR AND PEACE"	18

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.R. Yunusova, V.D. Chistonov, V.A. Perminova, A.V. Zainullin, G.R. Mustafina, F.B. Rakhmatova, S.R. Hannanov</i> CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF JOURNALISM OF THE HONORED WORKER OF CULTURE AND EXCELLENT HEALTH CARE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN VENERA BAYANOVNA KARAMYSHEVA	21
<i>A.K. Malakhovsky, Banifadel Motaz</i> PALESTINIAN MASS MEDIA AFTER 1967 ARAB-ISRAELI WAR: RESISTANCE DISCOURSE	24
<i>Yu.V. Shuyskaya, E.L. Malysheva, I.V. Chesnokova</i> COMMUNICATIVE FAILURES IN TALK SHOWS IN ENGLISH AS A BACKBONE FACTOR OF THE GENRE	27

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafieva, T.A. Koloskova, E.Yu. Tupitsyna</i> EFFECTIVE INNOVATIVE METHODS OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING THE MORPHOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE	30
<i>N.N. Bykova</i> THE CONCEPT OF «CHILDHOOD» IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV: A LOOK FROM THE XXI CENTURY	33
<i>K.V. Yelenskaya</i> CHANGES IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF NEOLOGISMS REPRESENTING VIOLENCE)	38
<i>E.N. Ilyina, A.V. Kryukova, M.I. Legotina</i> ORAL STORIES OF RURAL RESIDENTS ABOUT LABOR: COGNITIVE, PERSONOLOGICAL AND PRAGMATIC ASPECTS OF ANALYSIS	41
<i>E.N. Ilyina, M.A. Panicheva</i> WORD FORMATION OF HASHTAGS IN THE FRAMEWORK OF MEDIA LINGUISTICS	44
<i>O.A. Kazakevich</i> COMPILATION GENRES OF BUSINESS WRITING BASED ON THE TRAVEL LITERATURE IN THE XVII CENTURY	46
<i>S.S. Kamshuk, A.A. Nemyka, E.N. Rozhik</i> FUNCTIONING OF THE MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF THE HISTORICAL TEXT	50
<i>V.V. Karpova</i> CARTOON "SMALL VASILISA": COGNITIVE BASE AND LANGUAGE PECULARITIES	53

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>D.A. Borisov, N.V. Zharenova, Yu.N. Zintsova</i> SEMANTIC-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE VERB <i>GRÖLEN</i> IN MODERN SWISS PUBLIC DISCOURSE	56
---	----

<i>V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk</i> THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS IN NARRATIVE DISCOURSE	60
<i>A.V. Gurkova</i> CATEGORY OF ART TIME	63
<i>I.A. Deeney, S.B. Tsoloeva, A.V. Arepjev</i> SOME FEATURES OF MEN'S SPEECH BEHAVIOR IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE	66
<i>L.E. Kornilova</i> PHONOGRAPHIC VARIATION OF CHINESE XENONYMS IN GERMAN (BASED ON THE WORKS OF MODERN CHINESE AUTHORS)	69
<i>B.A. Mkhitaryan, I.V. Uvarova, A.M. Balyan, A.A. Beketova</i> REFLECTION OF THE COMMUNICATIVE EFFECT OF IRONY IN THE SEMANTICS OF ATTRIBUTIVE-NOMINATIVE WORD COMBINATIONS WITH THE SUPERORDINATE LEXEME "IRONY"	75
<i>M.V. Repina, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova</i> LEXICAL MEANS OF LANGUAGE INFLUENCE OF COMMERCIAL ADVERTISING (IN THE MATERIAL OF THE ENGLISH NAMES OF SPORTS FOOD SUPPLEMENTS)	78
<i>A.S. Rybakova</i> SIMPLE AND COMPOUND PHRASEOLOGICAL UNITS OF IT-SPHERE	81
<i>O.A. Khabibullina</i> FEATURES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE WITH THE COMPONENT «NUMERAL» INTO RUSSIAN	84
<i>M.S. Kharchenko, M.N. Palekha, E.S. Glukhova</i> IN RELATION TO THE DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTIONS FORMED BY THE ENGLISH VERB TO HAVE	87
<i>S.S. Shumbasova</i> NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE GERMAN LANGUAGE	91

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>G.V. Galavova</i> LANGUAGE AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN ATHLETES	94
<i>Yu.A. Dubovsky, T.B. Zagrayevskaya, S.M. Zagrayevskaya</i> ANGLO-RUSSIAN PARALLELS IN INTERNET-COMMUNICATION: PUNCTUATION MARKS	97
<i>Z.I. Evloeva, A.M. Lyanova</i> THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF KINSHIP TERMS IN FRENCH AND INGUISH LANGUAGES	100
<i>M.A. Egorova</i> THE CATEGORY OF INTERTEXTUALITY AS THE BASIS FOR THE RECONSTRUCTION OF INDIVIDUAL COGNITIVE SPACE	103
<i>P.A. Magomedova, M.U. Magomedova</i> THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT "BERTIN/RIHIN" IN THE NATIONAL LINGUOCULTURE (BASED ON THE AVAR LANGUAGE)	109
<i>N.O. Orlova, O.Y. Bogdanova, O.L. Kramarenko, Y.V. Moshkina</i> LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF AMERICAN AND RUSSIAN SLANG	112
<i>S.M. Yusupova</i> THE CONCEPT "HOPE" IN PHRASEOLOGY (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)	115

ABSTRACTS	119
------------------	-----

10.02.19

¹Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук, ²Ван Кэсюй

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru,

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода,
Москва, 王珂戌 kexuwang9@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КИТАЙСКИМ ПЕРЕВОДЧИКОМ ТАЙВАНЯ ЦЮ ГУАНОМ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

У тайваньца Цю Гуана, воспитанного в японской манере перевода, в силу исторического развития Тайваня, сложился свой особый взгляд на трактовку героя. Цю Гуан считает, что главный герой русских романов - это душа. Поэтому читатели его поколения с интересом переосмысливают наследие Достоевского, в том числе повесть «Белые ночи». Образ Мечтателя является одним из самых волнующих центральных персонажей произведений Ф.М. Достоевского. С одной стороны, одиночество Мечтателя происходит из-за отчуждения межличностных отношений, вызванного развитием промышленности и городской цивилизации; с другой стороны, его собственный темперамент, считает переводчик, определяет его поведение.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, образ, развитие, переводчик, поведение.

О влиянии Достоевского на китайскую литературу XX века на примере переводов «Записок из подполья» и «Кроткой» Цзан Чунленем и Ван Вэйгао автор статьи уже писала в выпусках «Казанской науки» (2019, №3, № 5, 2020, №4). В данной статье впервые в переводоведении рассмотрена специфическая взаимосвязь между собственно китайскими теоретическими взглядами на перевод и реальной практической интерпретацией повести «Белые ночи» (1848) Ф.М. Достоевского китайским переводчиком Тайваня Цю Гуаном.

В действительности, «Белые ночи» Достоевского в разные годы переводили лучшие переводчики Китая: Лу Синь (1881–1936), Чжэн Чжэндо (1898–1958), Су Сясун (1907–1986), Шао Цюань-Линь (1906–1971), Ю Дафу (1896–1945), Шэнь Яньбин (1896–1981) и Мао Дун (1896–1981) и др.

Но у тайваньца Цю Гуана, воспитанного в японской манере перевода, в силу исторического развития Тайваня, сложился свой особый взгляд на трактовку героя. Кроме этого, именно этот перевод получил высокую оценку китайских тайваньских читателей. Эти нюансы переводов исследуются, исходя из современной российской [1: 1-544] и, в том числе, китайской науки о переводе [2:3-143].

Литературный перевод Цю Гуан не только точно воспринимает и передаёт мысль и особенности стиля оригинального произведения, но также воплощает в себе поэтические характеристики и глубину китайского языка и литературного очарования. Основываясь на собственном опыте и размышлениях об истории, обществе и жизни, он исследует и изучает классика русской литературы Ф. М. Достоевского и находит межъязыковой диалог с ним в своем письменном переводе, имеющем высокую эстетическую ценность. Интересно, что в вопросах художественного перевода Цю Гуан всегда признаёт «субъективность» переводчика - творческую роль переводчика в понимании оригинального текста и создании перевода. Многие из его переводческих работ вошли в контекст современной китайской переводческой литературы и стали ее неотъемлемой частью.

Цю Гуан - выпускник отдела иностранных языков и литературы Тайбэйского Национального Университета (Тайвань) и магистратуры филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1998). В 2010 г. он основал издательство "Вишневый сад" в Тайбэе для продвижения русской литературы XIX века, по-своему применив лозунг пьесы «Вишневый сад»: "Добро пожаловать в новую жизнь". «Вишневый сад» является первым издательством на Тайване, которое специализируется на публикации переводов произведений русской литературы. В нем изданы переводы А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева. Из перечисленных писателей Цю Гуан выделяет Ф.М. Достоевского и называет его «классиком из классиков». При издательстве функционирует «Книжный клуб Достоевского».

В целях продвижения русской литературы на Тайване Цю Гуан не только переводит русских классиков, издает произведения русской литературы. Он также читает лекции по русской культуре XIX века в Тайбэйском Национальном университете Тайваня, в Ассоциации Образования Тайваня для родителей и школьников старших классов (уроки «Эмоционального восприятия в обучении русской литературе»), проводит тематические вечера (поэзия «серебряного века»), ведет фан-страницу в Фейсбуке «Любовь к чтению русской литературы».

Первая книга, выпущенная издательством, «Дама с собачкой. Избранные сочинения А. Чехова» (перевод Цю Гуана), имела повышенный спрос и коммерческий успех на рынках не только Тайваня, но и материкового Китая. Об этом свидетельствуют репортажи: «Издательство "Вишневый сад" снова освятит русскую литературу», China Times, 2010.08.08, «Шесть издателей рассматривают перспективы публикации книги», UNITAS, № 315, 2010.12.

За время существования издательства Цю Гуаном переведены: Избранные сочинения А. Чехова» (2010; 2015), «Чайка» (2016), «Герой нашего времени» М. Лермонтова (2018), «Первая любовь» И. С. Тургенева (2011), «Шинель» и «Петербургские повести» Н.В. Гоголя (2015). «Записки из подполья» Ф. Достоевского (2018), а также многие произведения российской литературы Б. Акунина, С. Лукьяненко, Л. Улицкой, И. Денежкиной.

Однако наибольшим спросом у тайваньских читателей по-прежнему пользуется именно русская литература. С особым интересом была встречена публикация сборника «Белые ночи. Маленький герой. Сон смешного человека» Ф. Достоевского (2017) в переводе Цю Гуана. Талантливый, энергичный, разносторонний, Цю Гуан считает, что главный герой русских романов - это душа; поэтому у читателей его поколения происходит философское переосмысление наследия Достоевского.

«Белые ночи» - раннее произведение Ф.М. Достоевского, в повести описана романтическая история любви: Мечтатель почти получает любовь и, наконец, упускает ее. Образ Мечтателя является одним из самых волнующих центральных персонажей произведений Ф.М. Достоевского. С одной стороны, одиночество Мечтателя происходит из-за отчуждения межличностных отношений, вызванного развитием промышленности и городской цивилизации; с другой стороны, его собственный темперамент определяет его поведение. В предисловии китайскому изданию Цю Гуан пишет, что Достоевский создал «Белые ночи», чтобы изобразить это сладостное чувство страдания; автор пытается найти выход для Мечтателя, а в его лице и для всего человечества, которому пришлось впасть в одиночество.

Мечтатель - человек одинокий, без друзей: "...я, конечно, человек простой, бедный, такой незначительный, только не в том дело..." [3: 72]. Цю Гуан добавляет слово 問題 (проблема) и тем самым намекает, что жизнь Мечтателя подменена мечтами: 我當然是一個普通、貧窮、不那麼重要的人，只是問題不在這裡 ()。 [4: 63]. Он усиливает мысль другой фразой - 是為什麼像是著了魔法，在莫名的任性下，脈搏加速，淚水從夢想者的眼裡湧出，他蒼白溼潤的臉頰發燙，還有他整個生命洋溢著這種迷人的喜悅？ [4: 29] Это усиление происходит заменой фразы «всё существование» на 他整個生命 «его реальную жизнь».

Подобный подход Цю Гуана положил начало новой тенденции в переводе «Белых ночей» - не «сглаживать» своеобразную стилистику текста в соответствии со вкусами среднего читателя (как поступали переводчики до него, опираясь, в том числе, и на традицию французских переводов-адаптаций), а пытаться, по крайней мере, частично отразить ее особенности в переводе.

Продолжая свое повествование о Мечтателе, Достоевский показывает, что, действительно, его реальная жизнь скромна: "...в комнатке было темно, на дворе пасмурно..." [3: 79]. Цю Гуан добавляет иероглиф 小 – **маленький** [4: 70], чтоб подчеркнуть, что герой, конечно, стеснен. Но, переводя следующую фразу Достоевского: "...и с недоумением осматривал я **свои** зеленые закоптелые стены..." [3: 8], Цю Гуан несколько отходит от текста оригинала; слово **свои** Цю Гуан заменяет на **тот**, кроме того, переводит **несколько стен**, а не только слово **стены**: «我困惑不解地仔細看看那幾堵熏黑了的綠色牆壁，以及掛著蜘蛛網的天花板，那可是瑪特留娜栽培有功的，我也重新檢視我所有的家具，仔細看每一張椅子，心想，問題不會是在這裡吧？ [4:8]

Комментируя место жительства Мечтателя, Цю Гуан акцентирует внимание читателя на размере самого дома, в котором он снимает угол: "...Да, такой большой дом..." -對，是那棟好大的房子。 [4: 67]. "Да, такой" является положительной оценкой места жительства и роста самоутверждения Мечтателя. Но, став добровольным одиноким мечтателем, он стал почти неспособен адаптироваться к реальной жизни: "...Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях..." [3: 18]. Предложение «у меня так мало действительной жизни» Цю Гуан переводит 我沒什麼實際的生活經驗 как «у меня нет практического жизненного опыта» [4: 16]. При этом он много мечтает и это доставляет Мечтателю удовольствие: «Я создаю в мечтах целые романы..." [3: 15].

Цю Гуан конкретизирует и переводит: «**Во сне я сочинил романтическую историю в мечте я編造了成篇的浪漫故事** [4:70]. Цю Гуан использовал дословный перевод, чтобы выразить характер персонажа изнутри. Понятие «Чжи Чжи» («Суть и дословность») включает в себя сохранение смысла оригинала и передачу смысла оригинала с помощью «подстрочника», т.е. «буквального перевода» или «дословного перевода».

Самым сильным доказательством мысли является основная линия повести. У Мечтателя была случайная встреча с женщиной Настенькой. Они весело провели четыре ночи настоящего общения, их отношения изменились: от незнакомцев до приближенных. Он даже полюбил Настеньку. Настенька считает его умным, добрым и обходительным человеком: «Я была бы каменная, если б не чувствовала этого..." [3:62]. Цю Гуан переводит описательно: «Если я этого не почувствую, то буду слишком безжалостна» «假如我沒感受到這點，那我就太無情了 [4: 54]. Из чего можно заключить, что различия в организации разноязычных дискурсов создают трудности в переводе культурных текстов, поскольку культурный фон, создаваемый в тексте, во многом обеспечивает интерес к русской культуре. Точно также и фразу Достоевского: «"...Я отвечаю за себя» [3: 19] Цю Гуан переводит «**Я делаю то, что говорю**» - 我說到做到 [4:17], подчеркивая, что у Мечтателя слова не расходятся с делом. Достоевский отмечает, что его герой – «оригинал, это такой смешной человек!...». Здесь оригинал Цю Гуан переводит как **чудак** 怪人 [4: 21].

Символично параллельное введение Достоевским образа Настеньки – простой девушки-мечтательницы: "Я простая девушка, я мало училась, хотя мне бабушка и нанимала учителя..." [3:40], Цю Гуан переводит **я мало училась** на китайский язык **Но я училась немного** 但我學得不多 [4:34], приведя эвфемизм.

В этих нормах по существу акцентируется "верность" оригиналу, только на разных уровнях. Из этого следует, что основной критерий китайского традиционного переводоведения - принцип «верности» перевода оригиналу - не только определил смысловое значение в представлении Цю Гуана о переводе. Настоящая «верность» означает сохранить стиль и вкус оригинала в переводе, избегать нагромождения иностранных слов

или предложений в переводе. Отсюда следует, что понятие «верности» по своему смыслу и содержанию в известной мере перекликается с современной концепцией «эквивалентности на уровне языковых знаков».

Цю Гуан заменил «мало» на другое наречие «немного». В таком способе перевода, по его мнению, сходятся «дословный перевод» (直译) и «смысловой способ перевода» (意译). Хороший перевод, на его взгляд, как раз и состоит из «дословного перевода» и «смыслового перевода». Его мнение дополнил Линь Юйтан, который, говоря о критерии достоверности, мотивировал его следующими понятиями: 直译 чжи «дословный перевод», 死译 сыи «буквальный перевод», 意译 ии «смысловой способ перевода» и 胡译 хуи «произвольный перевод». То есть сохранять смысловое содержание и дух оригинала [5].

В работах российских ученых значение придается «важности следования стилю оригинала» [1:73]. Китайские переводчики, говоря о переводе, любят сокращать свое словесное выражение, и давать читателям большее пространство для понимания. Расплывчатость и скромность является особенностью китайской теории перевода. Китайцы считают, что значение любой теории не зависит от того, какие ей дают определения, ибо у каждого человека есть свое понимание и объяснение. И далее фразу Достоевского "...я ведь простая девушка; я ведь мало еще видела на свете..." [3: 63], Цю Гуан переводит *я ведь мало еще видела на свете* как *я видела на свете еще очень мало* 見的世面也還很少 [4:55]. Цю Гуан в особенности указывает степень значения числа, чтобы показывать простую Настеньку. От радости "...черные глазки ее засверкали..." [3: 67]. У Цю Гуана – дословный перевод; 閃閃動人- *засверкали*; этот глагол придает ее образу больше экспрессии, то есть «閃閃動人» - «**волнующие черные глазки её засверкали**» [4:58]. Переводчик подчеркивает, что именно такую Настеньку Мечтатель не мог не полюбить с первого взгляда. Ведь она также чувствует себя мечтательницей: "...я сама мечтатель! <...> Ну, вот и начнешь мечтать, да так раздумаешься – ну, просто за китайского принца выхожу [3:23]. Цю Гуан перевел раздумаешься как *задуматься* – 越想越深. [4:21] Цю Гуан указывает, что Настенька погрязла в мечтах, как Мечтатель. Тем самым он намекает, что Мечтатель и Настенька относятся к одному типу людей. А к фразе Достоевского: "Я буду хранить эту память, буду ей верна, не изменю ей, не изменю своему сердцу: оно слишком постоянно" [3:80] Цю Гуан добавляет слово «永遠» – «**навечно**», а *постоянство* 堅貞 переводит как «твердо и чисто» «堅貞» –, подчеркивая добавочными словами значение памяти [4: 71].

Цю Гуан с большим уважением относится к традиционным идеям национальной школы перевода, в частности, к концепции «верности». Быть верным своему начальству, своим родителям, своему мужу является нормой нравственности в семье и обществе. В области теории перевода эта общая нравственная категория находит отражение в понятии верности оригиналу. Главное теоретическое положение теории перевода в Китае этого периода нашло свое отражение в концепции «верности». Сердцевиной этого многогранного понятия является требование к переводу служить полноценной заменой оригинала. Это мнение разделяет и Цю Гуан, соглашаясь, что понятие «верности» близко по своему смыслу к понятию эквивалентности на уровне языковых знаков. В итоге в переводе Цю Гуан создается впечатление подлинности героя, аутентичности жизни, и читатель относится к герою как к живому человеку.

Список литературы

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М: Изд-во Моск. ун-та, 2007 - 544 с.
2. *Ван Мэняо.* Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития. Канд. диссертация. М.- 2014 -143.
3. *Достоевский Ф.М.* Белые ночи. – Москва: издательство АСТ, 2019 – 320.
4. Достоевский, Белые ночи. Цю Гуан, Переводчик, Тайвань: Тайваньское издательство Вишневого сада, 2019. (陀思妥耶夫斯基. 白夜。丘光. 译, 台湾: 樱桃园文化出版有限公司, 2019) - 312 с.
5. «Литературный кружок» (1921) был создан в Пекине. Его представителями были Чжоу Цзожэн, Шэнь Яньбин, Чжэн Чжэньдо, Гэн Цзичжи, Ван Тунчжао и др. (всего более 170 человек). «Литературный кружок» не только публиковал журналы, редактировал книги, но и создал «Семинар чтений», в котором работали китайский литературный кружок, английский литературный кружок, русский литературный кружок, японский литературный кружок, кружок поэмов, кружок романов.
6. *Хуснулина Р.Р.* Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. Казань. 2005 - 260 с.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА*10.01.01***И.С. Леонов д-р филол. наук**

Государственный институт русского языка,
филологический факультет,
кафедра мировой литературы,
Москва, ISLeonov@pushkin.institute

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена художественной специфике миссионерской прозы как течению православной художественной литературы XXI века. Основное внимание уделяется религиозно-философским истокам ее зарождения и последующего формирования. С опорой на труды, В.В. Зеньковского, С.Н. Булгакова рассматриваются основные содержательные категории творчества писателей-миссионеров: духовная эволюция, встреча и примирение с Творцом, обожение.

Ключевые слова: *православная художественная литература, миссионерская проза, духовная природа человека, нравственная эволюция героя, кризис-ситуация, выбор-ситуация.*

Православная художественная проза постепенно становится неотъемлемой частью современного отечественного литературного процесса. Вниманием к духовной жизни человека XXI века характеризуется творчество ряда писателей, среди которых есть как православные священнослужители, так и воцерковленные миряне. В настоящее время среди критиков и литературоведов ведутся дискуссии о т.н. «иерейской» и ли «священнической» прозе [5], [6]. Также увеличивается количество научных исследований, посвященных художественной специфике православной прозы [7], литературной духовной прозы [9], литературе духовного реализма [4]. Несмотря на различные термины, используемые исследователями при определении данного феномена, можно сказать, что речь в их идет о литературе с четким теологическим вектором [1], при этом указанный вектор обусловлен православными пониманием проблем этического, метафизического и институционально-иерархического характера.

В настоящее время существует несколько подходов к изучению православной прозы. Так, М.С. Краснякова предлагает типологию сюжета, включающую паломнический, монастырский, семейно-бытовой [7]. Н.В. Пращерук уделяет внимание генезису данного явления и его жанровым разновидностям [9]. Наряду с указанными подходами к исследованию православной художественной литературы, следует отметить попытку выявить типологию ее наиболее крупных течений, в основу которой положен принцип отбора и презентации жизненного материала. С этой точки зрения выделяется три разновидности: миссионерская, приходская и монастырская проза [8].

Цель настоящей работы – раскрыть духовно-философские основы миссионерской прозы, выявить ее основные этические, метафизические и художественные категории.

Миссионерскую прозу составляют художественные тексты, общая установка которых связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Богопознание может осуществляться разными путями и способами: через болезнь, несчастье, одиночество, сближение с людьми, имеющими богатый опыт духовной жизни и др. К создателям миссионерской прозы следует отнести писателей-священнослужителей Николая Агафонова, Александра Торики, Алексия Мокиевского, а также мирян, среди которых выделяются Валерий Лялин, Борис Споров, Сергей Козлов, Татьяна Шипошина и другие.

Миссионерскую прозу характеризует выходящая на первый план тема нравственного поиска и духовной эволюции человека. Обстоятельства, в которых оказывается персонаж, как правило, однотипны: поиск и обретение веры, а через нее – осознание смысла собственного существования. В центре подобных произведений находится личность, вокруг которой сконцентрированы другие персонажи и события. Читатель имеет возможность проследить жизнь героя на наиболее ответственном этапе его духовного развития. Важность этого этапа обусловлена тем, что на его протяжении происходит внутренняя трансформация личности, которая, будучи в постоянном поиске, лишена статичности и меняется от начала к финалу повествования.

В основе миссионерской прозы лежат представления о христианской метафизике, нашедшие отражения в трудах ученых-богословов. Так, протоиерей Василий Зеньковский рассматривает личность в трех аспектах: «1) Человек в его первоизданном состоянии; 2) Человек после грехопадения и изгнания из рая; 3) Человек, входящий в благодатный организм Церкви» [3, с. 268]. В данном случае делается акцент на биполярность как следствие грехопадения, что вносит идею изначальной свободы выбора между добром и злом: «Человек после грехопадения несет в себе два различных начала: с одной стороны, образ Божий, через который струится в нашу душу свет Божий, творческие искания добра и правды, а с другой стороны, в человеке есть начало греховности, которое как бы паразитирует на всем светлом и творческом, что рождается в нашей душе, т.е. искажает движения души или разрушает их» [3, с.272].

Вопрос о соотношении образа и подобия Бога в человеке, а также проблема обожения становятся предметом размышлений протоиерея Сергия Булгакова: «Человек, созданный по образу Божию, через осуществления в себе богоподобия предназначенный к обожению, отклонился от этого пути. Но сам Бог, давший свой образ, сделался человеком. <...> Возведя человеческую природу к ее первоизданному естеству, Он соединил ее – нераздельно и неслиянно – с Божеской и через то обожил его» [2, с. 125]. Таким образом, спасение человека, освобождение его от греха, обретение утраченного в процессе грехопадения изначального совершенного состояния, согласно христианскому учению, возможно через обожение человеческого естества. Но этот акт требует самого активного личного участия, а главное – подкрепления веры наличием конкретных добрых дел как живого свидетельства духовного обновления: «Вера и дела есть участие самого человека в своем обожении силою Христовой» [2, с.126].

Непростой путь центрального персонажа к примирению с Творцом через освобождение от инерции прошлой (греховной) жизни в миссионерской прозе раскрывается через два ключевых сюжетных элемента: *кризис-ситуацию* и *выбор-ситуацию*.

Кризис-ситуация – состояние персонажа в наивысший момент напряжения духовных сил, когда физическая и / или душевная боль достигает апогея. Кризис-ситуация чаще всего несет опасность для жизни человека, может сочетаться с суицидальными мотивами. В ряде случаев глубокие душевные переживания могут быть вызваны сочувствием и сопереживанием к страданию других людей, чаще всего друзей или родственников. Подобная ситуация представлена во многих рассказах протоиерея Николая Агафонова («Мы очень друг другу нужны», «Утешение в старости», «Красное крещение» и т.д.), повестях о. Александра Торики «Флавиан», Татьяны Шипошиной «Полигон», Бориса Спорова «Наследники», «Монах-спаситель».

Выбор-ситуация – наиболее сложный и ответственный этап духовной эволюции героя. Он связан с восприятием человека как обладателя свободной воли, что отражено в православном вероучении. Спасение личности не представляется возможным без ее деятельного участия. В наиболее сложный, кризисный, момент персонаж должен принять важнейшие жизненные решения, часто не поддающиеся рациональному истолкованию и требующие выхода за пределы плоского позитивизма. Человек переступает границу рационального и иррационального, обращается за помощью к Богу, так как осознает, что логика повседневности в силу своей слабости не способна направить его жизнь в здоровое и

стабильное русло. Выбор-ситуация требует от человека принятия волевого решения изменить жизнь, построить ее согласно христианскому учению, поставить в центр Богочеловека. В этом смысле представляется уместным обратиться к мысли протоиерея Сергия Булгакова: «Личное спасение есть духовное рождение самого себя своею свободой для вечной жизни через усвоение благодатного дара искупления и обожения» [2, с. 126]. В православной литературе наиболее яркие моменты, связанные с метафизическим выбором героя, читатель может наблюдать в романе о. Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия», произведениях Сергея Козлова «Время любить», Татьяны Шипошиной «Полигон», Валерия Лялина «Нечаянная радость», Бориса Спорова «Монах-спаситель».

Список литературы

1. *Бойко С.С.* Мир глубинной упорядоченности, или от чего отличается теоцентрическая проза // Жанрово-стилевые искания в мировой литературе. – Астрахань: АГУ, 2020. – С. 225 – 231.
2. *Булгаков С.*, прот. Православие. Очерки учения Православной Церкви. – СПб.: Изд-во Олега Абышко; Православное изд-во «Сатисъ», 2011.–224 с.
3. *Зеньковский В.В.* Христианская философия / сост. и отв. ред. О.А.Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. –1072 с.
4. *Казанцева И.А.* Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». –2015.– №1. – С. 52–59.
5. *Каплан В.* Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? [Электронный ресурс].–URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 12.05.2021).
6. *Кононенко Ю.* Феномен «священнической прозы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html>(дата обращения: 11.05.2021).
7. *Краснякова М.С.* Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016. –22 с.
8. *Леонов И.С.* Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: автореф. дисс... док. филол.наук. – Волгоград, 2019. – 38 с.
9. *Пращерук Н.В.* Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учеб. пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 2018. –116 с.

10.01.01

Е.П. Лынова

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
Краснодар, lin_krasnodar@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РОМАНТИЗМА НА РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и развитием темы двойничества в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» под влиянием романтических идей Э. Т. А. Гофмана и Э. По. Автор попытался показать, что разработка темы двойничества у реалиста Ф.М. Достоевского явилась более глубокой по сравнению с романтическим видением проблемы. Приведены мнения ведущих критиков реалистического направления в трактовке данной темы в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: двойничество, романтизм, реализм, «маленький» человек, расколотое сознание, действие социальной среды.

Тема двойничества в русской и зарубежной литературе представлена довольно широко и привлекает исследователей. Однако каждое исследование по этой теме преследует свою цель. Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать, как с помощью реалистических принципов изображения действительности были преобразованы романтические приемы, использованные романтиками Гофманом и По в раскрытии темы двойничества у Достоевского.

Известно, что взгляды Федора Михайловича, великого русского реалиста, формировались под воздействием романтических представлений в том числе и немецких писателей-романтиков Гете, Гейне, Гофмана.

По выражению исследователя Клеха И.Ю., Достоевский «вдоль и поперек» проштудировал Гофмана «в русских переводах и по-немецки», «что не могло не наложить отпечаток на творчество и оказалось созвучно психическому складу нашего писателя». [5]. Гофман создавал злые карикатуры на социальные язвы современного ему общества, в том числе и прибегая к теме двойничества. Так, его кота Мурра можно считать двойником-антагонистом капельмейстера Крейсера. Эти двойники, как единство противоположностей одной сущности, выражают одновременно многообразие конфликтов современной Гофману жизни. С помощью этих образов автор показывает психологическую сложность характеров, их неоднозначность, проникает в глубины внутреннего мира. Несомненно, подобные идеи оказали свое влияние на формирование психологической составляющей в творчестве Достоевского, во многих его произведениях появляются разные пары двойников, с помощью которых автор также запечатлевал сложные психические процессы, происходящие в душах его типических героев, живущих в типических обстоятельствах, представляющих собой уродливую действительность.

Повесть «Двойник» (1846) положила начало будущим великим произведениям писателя, именно в ней автор представил серьезный психологический анализ расколотого сознания маленького человека. Ущербность жизни в описаниях Достоевского обнаруживается во всем: серых осенних дней в Петербурге, «грязной каморки», служащей жилищем героя; в его неброской, неяркой, серой, незапоминающейся внешности; в типе поведения, подчеркивающим крайнюю неуверенность в себе и боязнь всего происходящего. Зарождение идеи двойничества происходит буквально с первых страниц произведения. Гофмановские приемы показа чувств обывателя, осмотрительного и осторожного, у Достоевского

изображаются в зависимости от условий существования героя. Неуверенность «маленького» человека, однажды, как бы втайне от всех, возжелавшего себя почувствовать значительным, нанявшим экипаж для прогулки, приводит к неперемennomу казусу – встрече с начальником. В «неописанной тоске» герой размышляет, как быть: «Отозваться иль нет? Признаться, иль нет?». «Прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною, и смотреть, как ни в чем не бывало?» [5]. Каждое движение в жизни героя дается с необычайной трудностью, даже рядовой визит к доктору, потребовал от господина Голядкина тяжелейших мучительных метаний. Герой «терялся и опадал», постоянно конфузился, делал одну глупость за другой, краснел, выразительно молчал, наконец «обеспечил себя тем же самым вызывающим взглядом, который имел необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять в прах всех его врагов» [5]. На приеме у врача герой как на исповеди признается, что он «человек маленький», но и не жалеет об этом, говорит о прямолинейности, открытости, бесхитростности своего характера, противопоставляя себя в сущности двойной морали светского общества с его клеветой, ложью и сплетнями. Решительность и «действие» его в том, что он решил не таить от всех свои истинные качества, а принять себя и всем рассказать, чтобы его приняли. Но у окружающих это вызывает либо недоумение, как у доктора, либо приступ хохота, как у сослуживцев. И этот процесс унижения и оскорбления окружающими все более усугубляется, разворачиваясь в душевное расстройство, результатом которого и становится появление двойника. Сцена бегства в ночном Петербурге напоминает сцену из «Шинели» Н. В. Гоголя, где «маленький» человек полностью раздавлен, а пейзаж подчеркивает состояние душевного надрыва героя. Но в использовании реалистических приемов гротеска и типизации достигается эффект достоверности всего происходящего, что дает возможность судить об эволюции рассматриваемой темы в реализме.

Также интересно проследить влияние романтика Эдгара По на развитие идеи двойничества у реалиста Достоевского. Близость мироощущения обоих писателей – в мистическом представлении взаимодействия человека со своим роковым двойником. В повести Э. По «Вильям Вильсон» (1839), написанной в реалистической манере, двойник представляет совесть героя, он также его alter ego. Герой живет в не менее ужасающих условиях, чем герой Достоевского. Пансион он сравнивает с тюрьмой: «Двор - ... окруженный со всех сторон высокой и массивной кирпичной оградой, верх которой был утыкан битым стеклом» [6]. Двойная мораль, лицемерие и ложь также являются важнейшими принципами жизни в этом пансионе, который можно считать аллегорией жизни всего общества. Двойственность жизни сквозит во всем: директор пансиона «сердитый и угрюмый», творящий расправу над воспитанниками «по драконовским законам», демонстрирует чудесное перевоплощение в «почтенного проповедника» с «благословенно милостивым» лицом. Подобная раздвоенность жизни вызывает крик души героя: «О, безмерное противоречие, ужасное в своей непостижимости!» ([6] Это противоречие лежит в основе воспитания нравов молодого поколения, оно же приводит героя к провозглашению тех принципов, которые рассмотрит Ф.М. Достоевский в «Двойнике». Но Эдгар По двойника Вильсона делает воплощением добра, совести, показывая, как герой убивает в конце концов свою совесть, свое доброе начало. С реалистической достоверностью он прослеживает историю нравственной деградации человека.

У Достоевского же двойник напротив – это воплощение темной стороны души героя, это «ужас господина Голядкина, стыд господина Голядкина, вчерашний кошмар господина Голядкина» [5]. Достоевский пошел дальше Гофмана и По, показав двойника, как мечту героя, которую он и лелеял, и ненавидел одновременно. Если у По двойник возникает в образе тени – это совесть, пытающаяся остановить героя перед совершением какого-либо порочного действия, то у Достоевского – это смертельная опасность, вытеснившая героя из жизни полностью. Появление двойника Достоевский показывает, как закономерный этап развития психических процессов «маленького» человека. Ведь он не мог защитить себя даже от маленького «щелчка», протестовать не мог в принципе, а потому в качестве средства

защиты вынужден был иногда идти на «некоторую подлость», часто совершаемую как раз-таки из «своей беззащитности» [5]. Интересно, что В.Г. Белинский, хоть и увидел отход писателем от идей реализма в повести, однако указал на социальное происхождение всех страхов героя, готовность жертвовать своими личными интересами в угоду общественному мнению. Это чувство опустошенности и социальной незащищенности преследует героя на протяжении всей повести. [2]. В «Двойнике» Достоевского раздвоенность сознания неоднократно происходит в мечтах героя, где воплощается идеал поведения, который абсолютно недостижим для него из-за забитости, запуганности, набора других комплексов, выработанных двойной моралью общества – приемы явно романтического метода, но реализованные в совершенно иной плоскости художественной реальности.

Н.А. Добролюбов отнес героя Достоевского к типу «забитых людей» [4]. Добролюбов объясняет раздвоение сознания господина Голядкина тем, что он, с одной стороны, всем пытается доказать свои особенные качества, что «он идет своим путем», он – «не интригант», а с другой – прослеживается его подсознательное стремление как раз к мелким интрижкам [4]. Голядкин-младший поэтому и есть проекция этой нереализованной стороны «забитого» Голядкина-старшего – «ветошки», в глубине души которого еще теплится задавленное человеческое достоинство. И вот остатки нравственного начала все же не позволяют герою принимать все задуманные им интриги как свои собственные, этим и объясняет Добролюбов появление двойника. В образе Голядкина автор реализует черты типа «маленького» человека, открытого реалистами. Благодаря использованию этого метода стало возможно большее проникновение в психологию героя и объяснение причин его поведения. Достоевский называл образ Голядкина-младшего «главнейшим подпольным типом», положив основание проблеме душевного подполья своих героев.

Романтизм, при всем совершенстве и многообразии форм выражения, все-таки мог дать однобокое развитие этой темы. Оно заключалось либо в торжестве добра над злом, либо в утверждении идеалов высокого искусства над бытательскими представлениями и т.д. Однако, романтизм несомненно повлиял на трансформационные процессы в теме двойничества. Новый художественный метод реализма открыл колоссальные возможности в ее трактовке, используя романтические наработки в области психоанализа и давая развитие новым формам, обозначившимся уже в литературе 20 века.

Список литературы

1. Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 132. с.
2. Белинский В.Г. Петербургский сборник. 1846 : сайт. – Москва. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1846.shtml (дата обращения 10.02.2021)
3. Гофман Э.Т.А. Житейские воззрения кота Мурра. – М.: Вече, 2018. – 478 с.
4. Добролюбов Н.А. Забитые люди (1861) : сайт. – Москва. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/dobrolyubov-zabitye-lyudi/dobrolyubov-zabitye-lyudi.htm> (дата обращения 10.02.2021)
5. Достоевский Ф.М. Двойник. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 256 с.
6. По Э.А. Падение дома Ашероу : рассказы, повесть, стихотворения : [перевод с английского] / Эдгар Аллан По. – М.: Эксмо, 2019. – 448 с.

*10.01.01***Чжан Хуайминь**

Ланьчжоуский университет,
институт иностранных языков,
кафедра русского языка и литературы,
Ланьчжоу, КНР, 280661645@qq.com

**БОРЬБА МЕЖДУ «АПОЛЛОНОМ» И «ДИОНИСОМ»:
АНАЛИЗ ОБРАЗА ДОЛОХОВА В РОМАНЕ «ВОЙНА И МИР»**

В характере Долохова переплетены противоречия между духом Аполлона и духом Диониса. Однако Долохов – пример не трагической жизни, а жизни сильного человека без страха перед несправедливой судьбой. Статья посвящена анализу этого образа через призму идеи Ф. Ницше, изложенной в книге «Рождение трагедии», и на интерпретацию уникального эстетического значения, которое Лев Толстой придал этому персонажу.

Ключевые слова: *дух Аполлона, дух Диониса, Ницше, Долохов, Лев Толстой.*

В романе Толстой создал многосторонний образ Федора Долохова. В фабуле романа он маленький персонаж, отражающий жизненный процесс. Это образ блудного сына, Долохов – один из представителей многих образов аристократов, живущих в погоне за честью. Однако у него есть черта, которой нет у подобных персонажей, – «дух Диониса». Долохов патетичен, энергичен и полон жизненных сил.

В своей работе «Рождение трагедии» Ницше предложил концепцию духа Аполлона и духа Диониса и полагал, что древнегреческая трагедия была комбинацией духа Диониса и духа Аполлона. С точки зрения Ницше, Аполлон и Дионис представляли два разных состояния: сон и опьянение. Аполлон – символ внешней красоты. Он, как психоделический сон, встречает мир красотой и олицетворяет человеческую цивилизацию. Но ото сна надо пробуждаться, и люди все-таки не могут избежать невзгод реальности. Так появился Дионис и принес людям душевное наслаждение. Состояние Диониса, по Ницше, это «полное возбуждение и полное высвобождение эмоций», «состояние опьянения», которое является «наивысшим состоянием утверждения для жизни» [5, с.10]. Истинный смысл духа Диониса – встретиться лицом к лицу с болезненной природой жизни, принять эту боль в радостном и пьяном состоянии и наслаждаться ею. Этот опыт может быть реализован только после самозабвения и отказа от личной субъективности.

Ницше отмечал: «Аполлона следует рассматривать как великолепный священный образ принципа индивидуализации. Его выражение лица и взора показывают нам всю радость, мудрость и красоту “внешности”» [1, с.27]. Образ Долохова отражает прекрасную внешность Аполлона: Долохов – красивый мужчина среднего роста, с вьющимися волосами, тонким ртом, ярко-голубыми глазами. «И всё вместе, а особенно в соединении с твердым, наглым, умным взглядом, составляло впечатление, что нельзя было не заметить этого лица» [4. Т. 9. С.39]. Как бог света Аполлон обладает еще одной примечательной чертой – справедливость в исполнении закона и строгое наказание. Если Зевс является символом законов естественной вселенной, то Аполлон символизирует законы культуры и цивилизации, рожденные человеческой мудростью и разумом [3]. Хотя большинство людей видят в Долохове блудного сына с разнузданным поведением, на самом деле он относится к своим родственникам тепло и разумно. После дуэли пораженный Долохов показал другую сторону своего характера, удивившую Николая: «Долохов, этот буян, бретёр-Долохов жил в Москве с старушкой-матерью и горбатой сестрой, и был самый нежный сын и брат» [4. Т. 10, с.27]. Это сторона духа Долохова, которую контролирует Аполлон. На глазах у родственников он скрывает свою «дионисийскую» сторону, он послушен и рассудителен в это время и изо всех сил старается защитить свою семью.

Ницше считает, что разум, представленный духом Аполлона, – это прекрасная мечта, в которой люди скрывают свое истинное «я» и маскируются. Люди в состоянии духа Аполлона живут только в созданных ими иллюзорных снах, а не в реальном мире. Дух Аполлона – это совершенная внешность, созданная в условиях сдержанности разума и страсти. По сути, красивая внешность Долохова – всего лишь человеческая иллюзия. «А что, что характер? – спросил полковой командир. – Находит, ваше превосходительство, днями, – говорил капитан, – то и умен, и учен, и добр. А то зверь. В Польше убил было жида, извольте знать...» [4. Т. 9, с.145] Долохов показывает чрезвычайно сложный, противоречивый двойственный характер. Две противоположные личности живут на нём в гармонии, по сути, это результат борьбы между духом Аполлона и духом Диониса. Разум духа Аполлона умеренно уравновешивал безумие духа Диониса, позволяя Долохову выжить в этом хаотическом мире в свободном состоянии.

Что касается любви, то любовный опыт Долохова также похож на опыт бога солнца Аполлона. Его любовь часто заканчивалась трагедией, и он часто испытывал боль «не быть любимым», отчего некоторые болезненные переживания вызывали у него сильное чувство мести. Долохов тоже такой любвеобильный и влюблённый персонаж. Он может играть в любовные игры с любой женщиной; но в его сердце существует чистое желание: «Я не встречал еще той небесной чистоты, преданности, которых я ищу в женщине. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее» [4. Т. 9, с.43]. Девушка, которую он так жаждал, Соня, отклонила его предложение, поскольку она всегда любила Николая. Этот инцидент вызвал большое недовольство и месть Долохова Николаю, хотя раньше между ними была очень крепкая дружба. Дружба и дальше могла помочь сохранять разум, но неудачная любовь напрямую привела к его безумию. В Долохове карнавал Диониса начал побеждать разум Аполлона, поэтому из-за жажды мести он пожертвовал своей дружбой. Месь Долохова отражает пробуждение его дионисийского духа, его действия походили на поклонение Дионису.

И на вечеринке, где Долохов держал пари с англичанином, что «выпьет бутылку рому, сидя на окне третьего этажа с опущенными наружу ногами» [4. Т. 9, с.38], поступок Долохова похож на самоубийство, в чем, несомненно, проявляется дух Диониса. В его природе скрыт еще один более сильный импульс, который состоит в том, чтобы разрушить иллюзию внешнего вида, разрушить все границы повседневной жизни, избавиться от оков индивидуализации и вернуться в объятия вечной жизни матери природы [1, с.12]. Под призывом духа Диониса карнавальные люди нарушают всякие границы и ограничения, отказываются от правил и заповедей, различных светских табу, сливаются с первобытной природой и входят в состояние опьяняющего самоотвержения. Однако этот карнавал стал причиной трагедии – Долохов был понижен в звании до солдата. Но несправедливость не победила Долохова, он храбро сражался против французов, и его выдающаяся храбрость позволила ему восстановить свои позиции. Здесь дионисический дух Долохова проявляется в воле к власти. Воля к власти – это метафизический псевдоним духа Диониса, прототип Супермена [6]. Квинтэссенция духа Диониса состоит в том, чтобы утверждать человеческую жизнеспособность, «это можно объяснить только избыточной силой» [2, с. 23]. У Долохова огромное желание совершить подвиг, он желает обрести славу и богатство, если даже мир несправедлив к нему. В этой трагической жизни он не сдавался, он настаивал на том, чтобы быть хозяином своей судьбы.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу. Из вышеописанного художественного конфликта между духом Диониса и духом Аполлона в греческой трагедии в тщательно созданной атмосфере, где сила Аполлона и дух Диониса взаимно уравновешены, Толстой изображает противоречие и борьбу между ними в Долохове, что демонстрирует многогранность персонажа и усиливает уникальное эстетическое значение этого образа. Аполлон создает завесу красоты, чтобы украсить мир и заставить людей полюбить жизнь – это мудрость Аполлона. Но Дионис сорвал эту пелену, посмотрел прямо на жестокое лицемерие и крикнул миру в своей, казалось бы, безумной и уникальной манере: даже если

жизнь – трагедия, мы должны исполнить эту трагедию ярко и красочно, не потеряв её великолепия.

В хаотическом обществе Долохов выжил, благодаря своей сильной воле, он, казалось, прожил свою жизнь с выдающимися актерскими способностями, но на самом деле он был мудр и глуп одновременно. Он силен и храбр, у него свой образ жизни в этом мире, и он может выжить в любых обстоятельствах. За его разнузданным поведением, как у Диониса, спрятана тонкая душа. У него своя система действий, и никто и ничто не поколеблет его. У него не было высокого социального статуса, но он был готов рисковать жизнью, чтобы стремиться к той жизни, которую он хотел.

Список литературы

1. *Ницше Ф.* Рождение трагедии. Пер. Чжоу Г. Нанкин: Илинъ, 2012.
2. *Ницше Ф.* Сумерки богов. Пер. Чжоу Г. Пекин: Гуанминжибао, 1996.
3. *Сюн М.* Борьбы между «Аполлоном» и «Вакхом»: комментарий к образу Гумберта в книге «Лирика» // Журнал Харбинского института. 2010. №4 (31). С. 67-70.
4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л.: Художественная литература, 1937. – Т. 9; 1938. – Т. 10.
5. *Цинь Ч.* Дионисийский дух: идеальное состояние искусства и жизни – об эстетических ценностях Ницше // Исследования китайской литературы. 2009. № 3.
6. *Чжоу Г.* Ницше: на поворотном моменте века. Нанкин: Илинъ, 2012. С. 83.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ¹Р.Р. Юнусова, ²В.Д. Чистонов,
¹В.А. Перминова, ¹А.В. Зайнуллин, ¹Г.Р. Мустафина, ¹Ф.Б. Рахматова, ¹С.Р. Ханнанов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА
КУЛЬТУРЫ И ОТЛИЧНИКА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН ВЕНЕРЫ БАЯНОВНЫ КАРАМЫШЕВОЙ**

С 2015 года в Министерстве здравоохранения Республики Башкортостан учреждена премия имени журналиста В.Б. Карамышевой. Четверть века проработала журналист В.Б. Карамышева в газете «Вечерняя Уфа» и вела рубрику «здравоохранение». Впервые в республике заслуженному работнику культуры Республики Башкортостан была вручена ведомственная награда Министерства здравоохранения «Отличник здравоохранения Республики Башкортостан» за огромный вклад за просветительную деятельность в области оздоровления населения. Венера Баяновна Карамышева — одна из организаторов медицинской журналистики в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: журналистика, медицина, общественное здоровье, газета.

Журналист Венера Баяновна Карамышева родилась 15 июня 1938 года в Уфе. Она начала свою журналистскую деятельность литературным сотрудником в молодежной республиканской газете «Ленинсе-Ленинце» под руководством А.С. Татарченковой. Во время работы у неё возникло желание и необходимость учиться на филологическом факультете Башкирского государственного университета, который она успешно окончила в 1965 году по специальности «журналист». С 1967 года работала старшим литературным сотрудником, в 1968—1974 годы — заведующая отделом писем, заведующая отделом учащейся молодежи газеты «Ленинец», именно в молодежной газете она сформировалась как активный и разносторонний журналист, но ее привлекала медицина и здравоохранение. В Уфе с 1 января 1969 года ежедневно стала выходить газета «Вечерняя Уфа», что стало большим информационным событием для столицы республики. Первый редактор газеты «Вечерняя Уфа», видный журналист и организатор печати Башкортостана, заслуженный работник культуры БАССР Явдат Бахтиярович Хусаинов руководил газетой почти 32 года. Он пригласил молодого журналиста Венеру Баяновну в газету «Вечерняя Уфа», с которой вместе начинали работать в молодежной газете «Ленинец». С 1974 года и до выхода на пенсию в 2001 году Венера Баяновна Карамышева работала в газете «Вечерняя Уфа»: корреспондент отдела партийно-политической работы, с 1978 года — заведующая отделом городского хозяйства, торговли и быта, с 1989 года — обозреватель по вопросам торговли, общественного питания и медицины, с 1993 года — заведующая отделом торговли и услуг населению, с 1999 года — специальный корреспондент. На протяжении всего периода работы в газете В.Б.Карамышева курировала вопросы медицины и здравоохранения: сюжеты об открытии новых медицинских организаций, деятельность врачей в различных областях (акушерство и гинекология, организация здравоохранения, терапия, хирургия и др.). Неоднократно заметки о неординарных врачах помогали им избежать выговора по служебной или партийной линии — Венера Баяновна, прежде чем опубликовать свою статью

о терапевте, хирурге или организаторе согласовала её с руководством поликлиники или больницы [1, 2]. Быть в постоянной гуще событий системы здравоохранения ей помогал сын — Азат Мурадович Карамышев, который с отличием закончил Башкирский государственный медицинский институт имени 15-летия ВЛКСМ, работал анестезиологом-реаниматологом в Республиканской клинической больнице имени Г.Г. Куватова, он стал первым заведующим отделением гравитационной хирургии. В 1986—1989 годах А.М. Карамышев был секретарём комитета ВЛКСМ Республиканской клинической больницы имени Г.Г. Куватова. Быть в гуще системы здравоохранения, постоянно рассказывать и показывать лучших медицинских работников, разоблачать недочеты в работе руководителей, подсказывать направления улучшения деятельности медицинских организаций — стало «фирменным почерком» её заметок [3, 4]. Поддерживать и направлять молодых журналистов, «ставить их на крыло», своевременно критиковать и по-доброму делать замечания — в этом было её журналистское кредо. Венера Баяновна проходила стажировку в газетах «Вечерняя Москва», «Вечерняя Рига», «Вечерний Таллин». С большой благодарностью её вспоминают опытные и маститые журналисты Р.А. Аюпов, Т.В. Барабаш, В.Н. Голов и др. наставничество Венеры Баяновны в первые годы работы в газете «Вечерняя Уфа». 11 марта 2021 года Глава Республики Башкортостан Радий Хабиров вручил государственные награды Российской Федерации — главный редактор газеты «Вечерняя Уфа» муниципального бюджетного учреждения «Издательский дом «Уфа» г. Уфы Вячеслав Николаевич Голов получил звание «Заслуженный журналист Российской Федерации» (один из первых в Республике Башкортостан). В.Н. Голов начинал свой путь в журналистику под руководством В.Б. Карамышевой, поэтому в 2015 году он стал инициатором создания журналистской премии памяти В.Б. Карамышевой. Министр здравоохранения Республики Башкортостан Анвар Акрамович Бакиров поддержал инициативу «вечеркинцев» и впервые Министерством здравоохранения республики учреждена премия памяти Венеры Карамышевой - лучшему журналисту, пишущему на медицинскую тему, которая была вручена Тамаре Пересыпкиной, корреспонденту уфимского филиала «Российской газеты» [5, 6].

В.Б. Карамышева не ограничивалась только редакторской работой, в течении десяти лет она избиралась народным заседателем Кировского народного суда Уфы (1970—1980 гг.). Участвуя в судебных процессах, написала цикл материалов на криминальные и правовые темы. Вела в «Ленинце» целевую полосу «Подросток», рубрики «Ты и закон», «Профессия, а не полустанок», в "Вечерней Уфе" опубликованы материалы под рубриками «Медицина, проблемы и перспективы», «Ничто так дорого не ценится», «Торговля: на стол горожанина», «Как вас обслуживают?». ...

Автор книги «Риза Магазов: прожить свою жизнь, а не чужую» (Уфа, 2007 г.); очерков в литературных сборниках «Слово – молодым» (Уфа, 1968 г.), «Зажги свою звезду» (Уфа, 1969 г.), «Воспитывает коллектив» (Уфа, 1975 г.). «Современницы» (Уфа, 1979 г.), «Дорога длиною в век» (Уфа, 2005 г.). Печаталась в "Медицинской газете" (Москва), республиканских журналах «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), «Пионер», «Хэнэк» («Вилы»), «Бельские просторы».

Награждена Почетной грамотой Башкирского обкома ВЛКСМ (1968 г.), Уфимского горкома КПСС (1977 г.), Уфимского горисполкома (1977 г.), медалью «Милосердие» Международного благотворительного фонда «Меценаты столетия» (2006 г.), знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле» (1973 г.). В 1988 году за многолетнюю активную работу в области журналистики В.Б. Карамышевой присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Башкирской АССР». В 2000 году впервые в Республике Башкортостан работник печати, журналист В.Б. Карамышева была награждена нагрудным знаком «Отличник здравоохранения Республики Башкортостан» за вклад в развитие республиканской медицинской журналистики. Умерла Венера Баяновна 6 февраля 2014 года.

Выводы: 1) Один из ветеранов газеты «Вечерняя Уфа», заслуженный работник культуры Республики Башкортостан Венера Баяновна Карамышева внесла значительный вклад в развитие медицинской журналистики Республики Башкортостан.

2) Венера Баяновна Карамышева первый журналист в республике, удостоенный нагрудного знака «Отличник здравоохранения Республики Башкортостан», за вклад в развитие оздоровления населения Башкортостана.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У., Зиятдинов Р.З., Шарафутдинова Н.Х., Фаюришин А.З., Ахмадиева Г.Р., Салемгареев И.И. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины. Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
2. Киньябулатов А.У., Амиргулов И.А., Ибрагимов А.А., Курдиман Г.О., Трофимов Н.О., Шамсутдинов С.М., Шарафутдинов А.В. Литературные встречи в библиотеке университета как метод воспитания будущих врачей. Казанская наука. 2017, №3. – С.82-84.
3. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Азаматов Р.Ш., Гимадова Э.Г., Дьякова Н.А., Карпова Е.С., Ефремов И.С. Преподавание истории медицины в музеях Башкортостана. Казанская наука. 2016, №11. – С.151-153.
4. Киньябулатов А.У., Амиргулов И.А., Ибрагимов А.А. и др. Литературные встречи в библиотеке университета как метод воспитания будущих врачей. Казанская наука. 2017, №3. – С.82-84.
5. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Чистонов В.Д. и др. Значение журнала «Ватандаш» для медицинской, спортивной и военной журналистики Башкортостана на современном этапе. Казанская наука. 2019, №9. – С.33-34.
6. Киньябулатов А.У., Аксёнов С.Г., Усманов В.Ф. и др. Вклад в журналистику России медицинских работников (Анализ энциклопедии «Журналисты России. XX—XXI»). Казанская наука. 2020, №2. – С.21-23.

*10.01.10***А.К. Малаховский, Банифадель Мотаз**

Российский университет дружбы народов,
филологический факультет,
кафедра теории и истории журналистики,
Москва, malakhovskiy_ak@pfur.ru, 1042185184@rudn.ru

ПАЛЕСТИНСКИЕ СМИ ПОСЛЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1967 Г.: ДИСКУРС СОПРОТИВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования палестинских СМИ в условиях оккупации палестинских земель Израилем после войны 1967 г. Авторы приводят конкретные примеры функционирования радиовещания, информационного агентства и прессы, главными целями которых было выработка единой информационной политики и апелляция в арабскому и мировому общественному мнению. Делается вывод о дискурсе сопротивления, доминирующем в СМИ Организации освобождения Палестины.

Ключевые слова: палестинские СМИ, израильская оккупация, палестинские радиостанции, Организация освобождения Палестины, агентство новостей, палестинская пресса.

В ходе июньской войны 1967 г. израильская армия оккупировала Полосу Газа, Западный берег, включая Восточный Иерусалим, египетский Синайский полуостров и сирийские Голанские высоты. В результате данной военной оккупации палестинские средства массовой информации оказались в совершенно новом положении. В результате насильственных действий палестинцы оказались еще более фрагментированы, на оккупированных территориях начало действовать законодательство военного времени. Часть палестинской прессы, попала под оккупационный режим на оккупированном Западном берегу и в Полосе Газа, часть была вынуждена работать в условиях изгнания. Последние могли воспользоваться поддержкой симпатизировавших палестинскому делу политических сил, на оккупированных территориях множество газет и журналов было закрыто, и в этих регионах палестинцы на время остались без своих СМИ.

В январе 1964 г. на арабской встрече в верхах в Каире была образована Организация освобождения Палестины (ООП) как единственный законный представитель арабского народа Палестины в Лиге арабских государств. Осознавая, что на том этапе радиовещание являлось важнейшим инструментом формирования общественного мнения в арабском мире, палестинцы организовали собственную радиостанцию – «Саут Филастын» («Голос Палестины») [4]. В 1964 г. она стала первой палестинской радиостанцией, представлявшей палестинское сопротивление в лице ООП [4]. Начав палестинские передачи еще до этого на волнах «Ближневосточного радио Каира», «Голос» внес огромный вклад в формирование палестинской идентичности в радиоэфире. Одним из отцов-основателей «Голоса» был Раджи Сахьун, подготовивший массу передач.

Раджи Сахьун, один из основателей палестинского радиовещания, приложил много усилий для выработки своеобразного стиля, создав многочисленные программы, произвел много записей, в том числе музыкальных, который производились в основном арт-бюро ООП в Бейруте [4]. Сахьун также сформировал структуры администрации службы радиовещания, опираясь на помощь палестинских и ливанских радиожурналистов, пишущих авторов и артистов [4]. Сахьун также набрал профессионалов для того, чтобы организовать радиопрограммы в Каире. В эту группу входил видный палестинский поэт Хишам Рашид и палестинский адвокат Ибрахим Ишаак. Палестинское радиовещание стало центром притяжения для талантливых молодых журналистов из различных арабских стран, которые включились в его работу в качестве авторов текстов, идей и редакторов передач [1, р. 206].

Со временем ряд палестинских радиостанций, представлявших различные отряды палестинского движения, вышли в эфир. Это такие радиостанции, как «Саут аль-асифа» («Голос шторма»), «Саут ас-саура филастыния» («Голос палестинской революции») и «Саут Фатх» («Голос Фатх»), расположенные в различных арабских столицах: Багдад, Дамаск, Каир, Алжир [3]. Политическая атмосфера, возникшая после войны 1967 г., в начале 1970-х гг., неизбежно повлияла на палестинские масс-медиа в силу изменений, происшедших в организациях, входивших в ООП. Палестинский публицист Мухаммад Сулейман пишет в этой связи следующее: «Наиболее весомым событием в истории палестинских СМИ стал «Конгресс народа Палестины», состоявшийся в апреле 1972 г. собравшийся в ходе заседания Палестинского национального совета. Целью конгресса было помочь Национальному совету воссоздать ООП, укрепить палестинское национальное единство после событий «черного сентября» в Иордании. Конгресс рекомендовал призвать к вооруженной борьбе и объединить органы СМИ всех палестинских организаций в объединенный Фонд палестинских СМИ. Конгресс призвал различные палестинские организации публиковать прекратить разрозненные заявления и начать выпуск единой публикации под названием «Палестинская революция» [3].

Радиостанция «Голос Палестины», орган ООП, претерпела структурные изменения [3]. ООП назначило новое руководство палестинскими масс-медиа под названием «Объединенный фонд палестинских СМИ» во главе с Камалем Нассером [5, р. 42.], который объединил радиостанции «Голос Палестины» и «Голос шторма» в единую радиослужбу, получившую название «Голос Палестины – голос палестинской революции». Президент Египта Гамаль Абдель Нассер подарил палестинскому лидеру Ясиру Арафату радиостанцию, выразив поддержку ООП в деле сопротивления палестинского народа [3], данная радиостанция стала частью палестинской системы радиовещания.

Один из главных радиопередатчиков расположился в сирийском городе Дараа, при этом на различных частотах вещание велось и из других арабских государств: Египта, Алжира, Ирака, Йемена. Сирийское правительство, правда, довольно быстро закрыло радиостанцию в Дараа, однако та была воссоздана в Бейруте [3].

В апреле 1972 г. Исполком ООП принял решение образовать палестинское агентство новостей «Вафа», которое стало официальным информационным органом палестинцев. Агентство задумывалось, прежде всего, как единый источник официальных заявлений руководства ООП по важнейшим политическим событиям, в особенности вооруженным стычкам, то и дело происходившим между палестинцами и Израилем, однако тематика «Вафа» расширилась, стала включать в себя широкий круг новостей [6, р. 244].

ООП также выпустило еженедельный журнал «Филыстын ас-саура» («Палестинская революция») под редакцией Ахмада Абдель Рахмана, создало «Фонд палестинского кинематографа» и «департамент фотографий», задачей которых было запечатлеть ход вооруженной борьбы палестинцев против израильской оккупации [2, р. 12.].

Палестинский публицист Мухаммад Сулейман так высказался о данном периоде истории палестинских СМИ: «Масс-медиа палестинской диаспоры сконцентрировались на достижениях палестинской революции таких, как принятие Палестины в ООН. СМИ внесли свой вклад в то, чтобы голос палестинцев был услышан большим количеством людей во всем мире. СМИ внесли решающий вклад в мобилизацию палестинского общества, к сопротивлению вне зависимости от местонахождения палестинцев, призывая на борьбу с израильской оккупацией [3].

Необходимо отметить, что палестинские СМИ работали в крайне трудных условиях, в частности в зонах вооруженного конфликта, таких, как ливано-израильская граница. Так, радиорепортажи из мест боевых действий были весьма рискованными, были случаи гибели радиорепортеров на полях сражений [4].

В период оккупации Израилем палестинских земель (1967–1987 гг.), палестинская журналистика в Полосе Газа и на Западном берегу была вынуждена функционировать в условиях прямого действия оккупационного режима, используя любые лазейки в

оккупационном законодательстве, предусматривавшем цензуру и жесткие ограничения палестинских СМИ. В данный период приобретает важное значение возникшее палестинское радиовещание, действующее с территории сопредельных с Палестиной арабских государств. Тема сопротивления израильской агрессии и оккупации стала доминирующей в повестке дня СМИ Организации освобождения Палестины.

Список литературы

1. *Berg J.S.* Broadcasting on the Short Waves, 1945 to Today. McFarland, 2008. 415 p. P. 206.
2. *Gertz N., Khleifi G.* Palestinian cinema: landscape, trauma and memory, traditions in world cinema. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 302 p.
3. Interview with Mohammed Suleiman. URL: <http://www.alwatanvoice.com/arabic/content-68364.html> (дата обращения: 17.03.2021)
4. *Khawaldeh M.N.* Etha'at al-muqawama al-felasteeniya, 1968–1982 // HaifaLana. January 2007. URL: <http://www.haifalanaa.net/spip.php?article274> (дата обращения: 17.07.2020)
5. *Rubin B. and J. R.* Yasir Arafat: a political biography. Oxford: Oxford University Press US, 2003. 354 p.
6. *Shrivastava K.M.* News agencies from pigeon to internet. Pvt. Ltd, 2007. 336 p. P. 244.

10.01.10

Ю.В. Шуйская д-р филол. наук, Е.Л. Малышева, И.В. Чеснокова

Институт Международного Права и Экономики имени А.С. Грибоедова,
Москва, shujskaya@yandex.ru, chanel579@mail.ru, sens44@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ТОК-ШОУ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ЖАНРА

Статья посвящена намеренно организуемым коммуникативным неудачам как системообразующему фактору жанра ток-шоу. Разобраны примеры намеренно организованных неудач в англоязычных ток-шоу, показаны способы их преодоления героями шоу. Проанализированы стратегии поведения ведущих и героев в практике спонтанного говорения на английском языке.

Ключевые слова: журналистика, ток-шоу, коммуникативная неудача, английский язык.

Ток-шоу – телевизионный жанр, возникший, как принято считать, в 60-е годы на американском телевидении [5, с. 18]. Современное ток-шоу предполагает свободный диалог с приглашенными в студию гостями на заданную тему. В ряде случаев «темой» ток-шоу является приглашенная звезда, а смысл происходящего заключается в её интервьюировании при участии зрителей. В ходе шоу, как правило, приветствуются и всячески провоцируются сильные эмоциональные реакции: приглашенные в студию грубо выражаются, плачут, возмущаются или бурно радуются. Задача ведущего – построить диалог так, чтобы вызвать у человека сильнейшие эмоции, заставить его прочувствовать заново пережитые события и передать эти эмоциональные ощущения слушателям. В случае конфликта, при этом, не предполагается примирения конфликтующих сторон: зачастую после рекламной паузы в студии уже сидит другой гость, а продолжение истории остается за кадром.

Исследователи условно делят ток-шоу на два типа: «проблема» и «личность» [2, с. 123]. В первом случае ток-шоу посвящено какой-либо конкретной социальной проблеме (например, приемным детям и их судьбе в семьях), приглашенные сменяют друг друга, автор шоу старается чередовать экспертов по данному вопросу (юристов, врачей, психологов), известных личностей и простых людей, попавших в данную ситуацию. Некоторые ток-шоу используют прием с приглашенными экспертами, которые постоянно находятся в студии (обычно это звезды или компетентные в обсуждаемом вопросе люди) и обсуждают все высказанные идеи. Также в проблемных ток-шоу в зависимости от формата может даваться или не даваться слово зрителям: иногда формат предполагает только эмоциональную реакцию зрителей (смех, аплодисменты, крики), иногда ведущий дает им слово для вопросов и комментариев.

Ток-шоу типа «личность» подразумевает, что в студии есть гость, представляющий собой главную тему программы: человек, которым интересуются многие, так как он имеет устойчивую славу (певец, писатель, общественный деятель) или сиюминутную (герой определенной ситуации). В этом случае формат ток-шоу предполагает вопросы приглашенному от ведущего, зрительного зала, а также от телезрителей в формате сообщений или звонков. Живой диалог предполагает в том числе коммуникативные неудачи, для анализа которых необходимо обратиться к существующим их классификациям.

Исследование коммуникативных неудач опирается на источники [3, 4], и в указанном контексте наиболее интересным представляется выделение намеренных и ненамеренных коммуникативных неудач. В качестве примера выбрано шоу “Women’s Hour” [1] телеканала BBC. Тематика шоу ориентирована на деятельность представительниц женского пола, задействованных в так-называемых «мужских профессиях», согласно стереотипному распределению гендерных ролей в обществе. Рассмотрим конкретные примеры

коммуникативных неудач, записанные с аудиоподкастов BBC (перевод наш – Е.М.).

- Well, we're aware of this, we're constantly trying to change this shocking statistic that there were only three. And we're constantly aware that the South Bank is most of the performance, the grace on stages of men..

- Ну, мы осознаем это, мы постоянно пытаемся изменить эту шокирующую статистику, что их всего трое. И мы постоянно осознаем, что на «South Bank» выступают в основном мужчины.

Прямым вопросом с вопросительным словом “why”, количественным наречием “few”, усиленным частицей “so” адресант одновременно выражает свою оценку относительно малой численности представительниц женского пола, задействованных в роли организаторов и участниц крупномасштабных мероприятий. Говорящая приводит пример, используя имя собственное и демонстрируя свою осведомленность. Вводное предложение “I have to say” указывает на намерение гостьи получить прямой ответ на провокационный вопрос. Однако по ответу мы можем судить о нереализации данной интенции. Так, вместо конкретного пояснения мужчина, интерпретировав высказывание гостьи как завуалированное обвинение, пытается найти себе оправдание. При этом он использует личное местоимение первого лица множественного числа «мы», причисляя себя к определенному коллективу и снимая личную ответственность. Кроме того, грамматическая форма глагола continues подчеркивает интенсивность и продолжительность предпринимаемых попыток решить обозначенную проблему.

Коммуникативная неудача в данном примере может считаться намеренной. Провокация со стороны гостьи не удалась; адресат сумел расшифровать косвенное обвинение в свой адрес и ушел от прямого ответа.

В этой же программе в продолжении разговора про Йоко Оно возникает еще одна коммуникативная неудача, - ответ на вопрос полностью не соответствует спрогнозированному ведущим варианту:

- But she is known primarily through her husband John Lennon's music. How important is she in her own role?

- Она известна прежде всего как жена Джона Леннона, через его музыку. Что насчет ее собственной роли?

- She is incredibly important I think it's quite frustrating every time she is reaching about. They vote for peace in a particular context with Lennon. And she also important as a musician, a particularly incredible musician of our country. She has her own particular right, she had bright success before Lennon and she made a lot of arms, what she's been reading she is very productive in the last time. And three times of this year she's been collaborated with younger artists to endure them on the songs. And she is 79, she's still very-very relevant, as think staff, this is the moment that she should celebrate for her [WH, 08.11.2013].

- Она чрезвычайно важна, я думаю, для нее каждый раз большое огорчение вспоминать об этом. Она голосовала за мир с Джоном Ленноном. Она также является музыкантом, замечательным музыкантом нашей страны. У нее есть свои права, она добилась большого успеха до Леннона, она создала много оружия (?), она читает (?), она была очень продуктивна в последнее время. В этом году она трижды помогала молодым музыкантам продвинуть их песни. Ей 79 лет, она очень-очень востребована, и, как мы думаем, она может позволить себе отмечать этот праздник для себя.

Акцентирование личных и притяжательных местоимений женского рода she и her в начале нескольких предложений призвано подчеркнуть важность роли Йоко Оно как личности, ее самостоятельности. Однако имплицитно акцентируется тот факт, что Йоко Оно воспринимается, прежде всего, как вдова Джона Леннона. Задающий вопрос побуждает адресата рассказать о личных достижениях Йоко Оно, о ее заслугах перед страной. В ответе в 4 предложениях 12 раз повторяется личное местоимение she и 2 раза притяжательное местоимение her, которые намеренно вынесены говорящим в начало предложений. Однако из имен собственных – идентификаторов – звучит только имя Джона Леннона.

Несогласованность реплики, конструкции «she made a lot of arms», «what she's been reading», не связанные по смыслу с основным диалогом, показывают попытки говорящего составить связный текст о заслугах Йоко Оно, так как ток-шоу является феминистским, и ведущему важно подчеркнуть именно роль женщины в обществе в целом и Йоко Оно на данном музыкальном фестивале в частности. Однако гость продолжает говорить о Джоне Ленноне.

Коммуникативная неудача является неотъемлемой частью коммуникации, это часть общения людей, реализующая так называемый человеческий фактор. Коммуникативной неудачей следует считать нереализованную по каким-либо причинам коммуникативную интенцию говорящего, которая в дискурсе может проявлять себя как незаконченная фраза, вербализованная с помощью разноуровневых языковых средств, таких как: стилистические фигуры и тропы, коммуникативное молчание, неверные грамматические формы и согласования, междометия, смена темы и т.д. Так же для коммуникативных неудач характерно контаминация временных форм в сложных предложениях, прерывание и парцелляция предложений.

Среди коммуникативных неудач наиболее частотными являются намеренные, так как сам жанр ток-шоу подразумевает диалоги на «неудобные» темы, предполагает не только срежиссированное интервью, но и ответы на внезапные вопросы без предварительной подготовки. Кроме того, вопросы часто касаются неприятных и провокационных тем, поэтому участники коммуникативной ситуации не оценивают ее как комфортный диалог в благоприятных условиях.

Намеренные коммуникативные неудачи обычно реализуются как уход от темы, перевод темы, высказывания по отвлеченным вопросам. Второй способ реализации коммуникативных неудач, спровоцированных собеседником, - оговорки и ошибки, которые выдают эмоциональное состояние говорящего.

Список литературы

1. Women's Hour // Электронный ресурс <https://www.bbc.co.uk/programmes/b007qlvb>
2. Локан Ж. Телевидение. – М.: Флинта, 2001. – 34 с.
3. Полякова С.Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-prichiny-vozniknoveniya-kommunikativnyh-neudach>
4. Садыкова И.А. Корректирующие высказывания как способ передачи коммуникативного опыта // Русская и сопоставительная филология: Исследования молодых ученых. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 114-123.
5. Сапунов Б.М. Культурология телевидения. Основы истории мировой и российской культуры. – М.: АСТ, 2001. – 111 с.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***О.А. Астафьева канд. филол. наук, Т.А. Колоскова канд. филол. наук, Е.Ю. Тупицына**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет, кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru

**ЭФФЕКТИВНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Данная статья посвящена исследованию проблеме использования инновационных образовательных технологий при изучении морфологии на уроках русского языка. В работе рассматриваются понятия «инновации в образовании», инновационные методики, а также новые приемы организации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроках изучения морфологических тем, характеризуются коммуникативно-диалоговые и проблемно-поисковые технологии, описываются приемы «вошебный стул», акродиктант, кластер на материале изучения частей речи. Авторами делается вывод о том, что инновационные педагогические технологии необходимо использовать в преподавании морфологии, чтобы развивать интерес учащихся к русскому языку.

Ключевые слова: педагогическая технология, инновационные образовательные технологии, обучение, русский язык, морфология, коммуникативно-диалоговые технологии, прием «вошебный стул», проблемно-поисковые технологии, акродиктант, кластер.

Новая организация общества, новое отношение к жизни предъявляют и новые требования к школе. В соответствии с ФГОС основная цель обучения сегодня состоит не только в том, чтобы передать определенную сумму знаний, умений, навыков обучающимся, но и подготовить школьников как самостоятельных активных субъектов образовательной деятельности с развитыми творческими способностями. В этом процессе важны уроки русского языка и литературы. Чтобы подготовить выпускников с развитыми познавательными потребностями, нацеленных на саморазвитие и самореализацию, умеющих оперировать полученными знаниями, ориентироваться в современном информационном пространстве, учитель использует в обучении современные образовательные технологии. [2, с. 144]

Актуальность данного исследования обусловлена обобщением научных сведений о применении инновационных педагогических технологий на материале преподавания морфологии русского языка.

В связи с этим цель данной статьи – рассмотреть инновационные образовательные технологии и предложить их новые приемы, методики для развития интереса учащихся к морфологическим темам русского языка и повышения качества формирующихся знаний и умений.

Изучение морфологии на уроках русского языка дает учащимся представление о знаменательных и незначительных частях речи, их грамматических признаках, синтаксической функции в предложении. В соответствии с Рабочей программой по русскому языку 5-9 классы (ФГОС), на морфологию традиционно отводится наибольшее количество времени: в 5-ом классе – 56 часов; 6 классе – 113 часов и в 7 классе – 117; всего – 286 часов. Это объясняется не только значительным объемом сведений о частях речи, определенных программой для усвоения, но и значимостью этого материала для интеллектуального развития школьников, для развития всех видов речевой деятельности. [3, с. 5]

Специфику современного этапа развития методики обучения морфологии составляет системно-деятельностный и личностно-ориентированный подходы, при которых учитель широко использует инновационные методики в образовательном процессе. [1, с. 24]

Инновационные методики позволяют учителю по-новому организовать учебно-познавательную деятельность обучающихся, чтобы активизировать процесс познания

учащихся, организовать их совместную деятельность, коллективные формы работы, обмен мнениями, инициировать самостоятельную учебную работу. Это приемы, пути и средства преподавания, которые нацелены на деятельностное участие и активное вовлечение учащихся в учебно-образовательный процесс.

Обычно любое новшество в учебном процессе называют инновацией, а оценку ее эффективности выражают в градации от «приводящей к позитивным изменениям в образовании» до «негативно влияющей на образовательный процесс» [4, с. 63]

Ю. К. Бабанский, В. А. Сластенин, Л. С. Подымова рассматривают инновации в образовании как введение нового в цели, содержание, формы и методы обучения и воспитания, в организацию совместной деятельности учителя и учеников. [4, с. 8]

Т. И. Шамова, П. И. Третьяков и Н. П. Капустин разграничивают понятия «инновация», «нововведение» и «новшество». По их мнению, инновация понимается как привнесение нового в содержание и организацию образовательного процесса, нововведение подразумевает привнесение новизны только в организацию процесса, а новшество несет в себе сущность нового способа, методики, технологии. [4, с. 9]

Стенякова Н.Е. определяет педагогическую технологию как: «продуманную во всех деталях *модель* совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя (В.М. Монахов)». [4, с. 34]

Педагогические инновационные технологии помогают учителю оптимизировать учебный процесс, программировать деятельность учащегося и преподавателя, исключить из учебного процесса все лишнее, получить адекватную оценку результатов учебной работы. Выбор той или иной инновационной технологии на современных уроках русского языка зависит от профессиональной компетентности педагога.

Развитию коммуникабельности, формированию коммуникативных компетенций способствуют коммуникативно-диалоговые технологии. Один из приемов такой технологии – упражнение «волшебный стул», которое возможно применить на уроках по морфологии и в 5-ом, и в 6-ом, и в 7-ом классе. Пожелавший ученик садится на «волшебный стул» перед классом, отвечает на вопросы одноклассников, затем ученики оценивают его ответы, он выбирает самый интересный для него вопрос. Тематика вопросов определяется темой урока по изучению частей речи: «Имя существительное как часть речи», «Местоимение как часть речи», «Глагол как часть речи» и др. С помощью такой технологии на уроке можно повторить пройденный материал по морфологии, обобщить знания о какой-либо части речи. Прием позволяет учителю формировать у учащихся коммуникативную компетентность, снять монотонность и однообразие устных ответов, учащимся – приобрести и развить навыки общения между собой.

Атмосферу активной и творческой деятельности каждого учащегося на уроке создают проблемно-поисковые технологии. Они развивают логическое, креативное мышление, формируют у учащихся самостоятельность, самоорганизацию, умение работать в группе и в паре, развивают общенаучные компетенции. Эффективный прием такой технологии - акродиктант, который мы используем, например, в 7-ом классе по теме «Роль частей речи в построении текста». Обучающиеся дают письменные ответы на поставленные вопросы, включающие знания о частях речи, подчеркивают соответствующие буквы и приходят к правильному результату, находят изобразительно-выразительное средство. Ср.: 1) Часть речи, заменяющая имена. (подчеркнуть 4-ю букву). (Местоимение); 2) Что обозначает глагол? (подчеркнуть 8-ю букву). (Действие); 3) Что обозначает имя существительное? (подчеркнуть 7-ю букву). (Предмет); 4) Самостоятельная неизменяемая часть речи. (подчеркнуть 2-ю букву). (Наречие); 5) На какую морфему оканчивается основа наречия? (подчеркнуть 3-ю букву). (Суффикс); 6) Служебная часть речи, которая служит для соединения однородных членов предложения или предложений. (подчеркнуть 2-ю букву). (Союз); 7) Служебная часть речи, которая устанавливает подчинительную связь между словами в предложении. (подчеркнуть 2-ю букву). (Предлог); 8) Служебная часть речи,

которая вносит дополнительные смысловые оттенки, служит для образования форм слова. (подчеркнуть 7-ю букву). (Частица) - Какое слово зашифровано? Назовите это слово. (Метафора) Как видим, содержание материалов акродиктанта поддерживает интерес учащихся к морфологии, их желание самим составлять подобные загадки.

Для формирования творческого мышления на уроках изучения морфологии мы используем прием «составления кластера». Смысл данного приема заключается в систематизации имеющихся знаний. Например, в 7-ом классе при изучении темы «Причастие как часть речи» на протяжении нескольких уроков или на итоговом уроке при обобщении изученного материала учащиеся составляют кластер по причастию. Основанием таких кластеров служат разные модели систем: «планета и ее спутники», «дерево и его ветви», «дорога и дорожные знаки», «море и острова», «корабль и лодки» и т.д. Посередине чистого листа учащиеся пишут ключевое слово «причастие» – «сердце» темы. Вокруг накидывают образы - слова или предложения, связанные данной темой: особая форма глагола (или самостоятельная часть речи); признак предмета по действию; вопросы какой? какая? какое? какие?; совершенного и несовершенного вида, настоящего и прошедшего времени; изменяются по числам, падежам, только в единственном числе по родам; синтаксическая функция в предложении – согласованное определение / сказуемое; действительные и страдательные причастия; полные и краткие страдательные причастия и т.д. По мере записи слова соединяются прямыми линиями с ключевым понятием. Центральное слово обрастает новыми образами, выстраивает с ними логические связи. С каждым новым уровнем составления кластера возрастает интерес учеников к теме, обновляются знания о частях речи и их особенностях. Школьники запоминают итоговую структуру, графически отображающую размышления, содержащую информационное поле данной темы.

Учащиеся составляют кластер под руководством учителя в ходе фронтальной беседы. Учитель строит свою модель на доске, учащиеся изображают полученные знания по морфологии в тетрадях. Кластер наглядно раскрывает мыслительные процессы, которые происходят при погружении в ту или иную морфологическую тему. Система кластеров охватывает большое количество информации о частях речи, использовать их можно на различных этапах урока по морфологии.

Таким образом, инновационные образовательные технологии поддерживают интерес учащихся к вопросам морфологии, стимулируют их учебно-познавательную деятельность, способствуют эффективности обучения морфологии на современных уроках русского языка, а языковое обучение через «методы визуальных интерпретаций является не только возможным, но необходимым в современной <...> образовательной среде». [5, с. 8]

Список литературы

1. Астафьева О.А., Колоскова Т.А. Компетентностный подход к формированию орфографических и пунктуационных навыков студента-филолога // Реализация компетентностного подхода в подготовке современного специалиста : Сборник материалов VI учебно-методической конференции, Орехово-Зуево, 22 мая 2012 года / Московский государственный областной гуманитарный институт. – Орехово-Зуево, 2012. – С. 24-30.
2. Астафьева О.А., Колоскова Т.А. Тестовые методики при организации самостоятельной работы бакалавров-филологов // Казанская наука. – 2017. – № 5. – С. 144-146.
3. Рабочая программа по русскому языку 5-9 классы (ФГОС). – Электронный адрес (infourok.ru) (Дата обращения 09.05.2021)
4. Стенякова Н.Е. Инновационные процессы в образовании. Учебно-методическое пособие для магистров, бакалавров, студентов очного и заочного отделений, слушателей программ дополнительного образования педагогического университета // Пенза: Пензенский государственный университет, 2013. – 98 с.
5. Тупицына Е.Ю. Повесть В.М. Шукшина «Калина красная» и её экранизация на уроке литературы. Педагог-словесник XXI столетия: сборник материалов V студенческой научно-практической конференции, 20 февраля 2020 г. / отв. ред. Е.В. Гетманская; редколл.: Н.А. Миронова, Н.А. Попова. – М.: Буки Веди. 2020. – С. 4-9

10.02.01

Н.Н. Быкова

Ивановский государственный университет,
институт профессионального развития,
центр русистики и международного образования,
Иваново, instudent@ivanovo.ac.ru

МИР ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Для художественной литературы характерна демонстрация антагонистических отношений при передаче взаимодействия мира ребёнка с миром взрослых людей. В произведениях детство часто рассматривается через призму восприятия взрослого человека. При этом в некоторых случаях данное понятие обесценивается. В статье рассматривается вопрос репрезентации концепта «детство» на материале повести А.П.Чехова «Степь».

Ключевые слова: *детство, ребёнок, образ, А.П.Чехов, «Степь».*

«Детство» является универсальной категорией, рассматриваемой такими науками, как психология, педагогика, социология. Именно детство является важным отправным пунктом, в котором закладываются основы для дальнейшего жизненного пути. Тема детства раскрывается и в художественной литературе. К ней обращались многие русские писатели. В произведениях Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, А.Н.Толстого, В.Г.Короленко, В.А.Каверина, А.П.Гайдара не только излагаются истории, связанные с детьми, но и происходит постижение мира через детское восприятие; писатель и читатель имеют возможность увидеть большие проблемы маленького человека и через «мелочи» заметить важное.

С конца XIX века жизнь ребёнка привлекает к себе особый интерес писателей. В данной работе будет рассмотрен детский образ, созданный А.П.Чеховым на страницах повести «Степь». Автор точно передаёт важные для маленького человека жизненные ситуации, обращая внимание на мельчайшие подробности. Зачастую в центре событий оказывается ребёнок, к которому окружающие несправедливы. Возникает противостояние непосредственного детского мира и мира взрослых с устоявшимися, порой жестокими правилами, где нет времени на то, чтобы вникнуть в проблемы, скрывающиеся в детской одинокой душе.

В повести «Степь» перед читателем предстаёт образ Егорушки – мальчика *«лет девяти, с тёмным от загара и мокрым от слёз лицом»* [8, с. 1]. В произведении не даётся его подробный портрет. Писатель сосредотачивает внимание на его внутреннем мире, его ощущениях, общении со взрослыми. Автор даёт собственные комментарии происходящего, но за его словами скрываются речь и мысли ребёнка: *«он ехал куда-то поступать в гимназию»* [8, с. 2] (дано наречие места, но само место не определяется), *«ненавистная бричка бежала мимо и оставляла всё позади»* [8, с. 2] (использование экспрессивного прилагательного позволяет передать отношение Егорушки к происходящему).

Взрослые не видят в отрыве от дома и учёбе в другом городе ничего выходящего за рамки обычного, поэтому Кузьмичёв, когда видит плачущего Егорушку, использует лексику и фразеологию с ярким коннотативным значением: *«Ну, не отревелся ещё, рёва! Опять, баловник, слюни распустил!»* [8, с. 2]. Решение проблемы для взрослого человека является простым, в тексте оно выражается с помощью сложноподчинённого предложения с придаточным условия: *«Не хочешь ехать, так оставайся»* [8, с. 2].

Поскольку взрослые не всегда понимают и хотят понять мир ребёнка и его чувства, маленький человек ищет компанию, где ему было бы интересно. Психолог И.С.Кон в конце XX века приходит к выводу, что «мальчики во всех возрастах общительнее девочек. Чувство принадлежности к группе сверстников и общение с ними для мужчин всех возрастов значительно важнее, чем для женщин» [3]. Егорушка пытается завести знакомство с маленьким мальчиком из посёлка. Но тот, страшась другого человека, только называет своё имя, сразу хочет вернуться домой и быстро исчезает за бугром. Егорушка играет с двадцатилетним Дениской, возраст которого не является препятствием для интересного времяпрепровождения. Главного героя, как и многих других детей, не пугает разница в возрасте, т.к. на первое место выходят задор и беззаботность, способность полностью отдаться игре: *«пусть играет, лишь бы не дрался!»* [8, с. 11]. В бессюзном сложном предложении мысли автора постепенно уступают место мыслям детей. Частица «пусть» знаменует этот переход.

В игре для ребёнка младшего школьного возраста важен не только процесс игры, но и результат. Именно поэтому мальчик здраво оценивает свои силы и не берётся за выполнение трудных заданий: *«Дениска... предложил Егорушке, не хочет ли тот проскакать с ним по дороге и оттуда, не отдыхая, назад к бричке? Егорушка отклонил это предложение, потому что очень запыхался и ослабел»* [8, с. 11].

Воображение ребёнка способно стереть границу между реальностью и вымышленным миром. Фантастический образ можно обнаружить в чертах знакомых людей, например, Егорушка замечает метаморфозы, происходящие с Соломоном: *«тень от его длинного носа пересекала всю левую щеку; презрительная улыбка, смешанная с этой тенью, блестящие, насмешливые глаза, надменное выражение и вся его оципанная фигурка, двоясь и мелькая в глазах Егорушки, делали его теперь похожим не на шута, а на что-то такое, что иногда снится, – вероятно, на нечистого духа»* [8, с. 20]. Созданию образа способствует использование групп эмоционально-оценочных слов (*презрительная улыбка, надменное выражение*), в значении которых заключён элемент оценки.

Ощущение таинственного часто передаётся с помощью изобразительно-выразительных средств (метафор, сравнений, эпитетов и др.): *«Направо темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой чего-то неведомое и страшное»* [8, с. 24]. *«Он видел, как зажглась вечерняя заря, как потом она угасала; ангелы-хранители, застилая горизонт своими золотыми крыльями, располагались на ночлег»* [8, с. 37]. *«Черные лохмотья слева уже поднимались кверху и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне»* [8, с. 51].

Не всегда в воображении ребёнка есть образ сказочного персонажа, иногда обычные предметы способны «ожить». Для изображения этой картины А.П.Чехов использует олицетворение: *«Егорушка, <...>, стоял около Пантелея и смотрел, как огонь ел траву»* [8, с. 38], *«ему стало казаться, что это пела трава»* [8, с. 10]. Иногда образ знаком ребёнку, поэтому в тексте используется сравнение: *«Это был дождь. Он и рогожа, как будто поняли друг друга, заговорили о чем-то быстро, весело и препротивно, как две сороки»* [8, с. 51].

Волшебный мир способен изменяться. В некоторых случаях он вновь превращается в привычную и легко объяснимую реальность. Образ человека принимает знакомые очертания (выражены приложением, противопоставлением): *«Внизу около воза стояли Пантелеи, треугольник-Емельян и великаны. Последние были теперь много ниже ростом и, когда взгляделся в них Егорушка, оказались обыкновенными мужиками, державшими на плечах не пики, а железные вилы»* [8, с. 52].

В реальном мире мальчик размышляет о многом. Особое место занимают мысли о других людях. Чаше Егорушка думает о взрослых. Психолог Л. И. Божович утверждает, что к 6-7 годам у ребёнка возникают «моральные инстанции» [4, с. 157]. В ходе этого процесса он способен овладеть системой моральных и нравственных норм и ценностей социума. У него формируется образец поведения, который будет одобрен обществом, и в сознании возникает

категория «надо». Это ведёт к зачаткам чувствам долга. При этом Л. И. Божович говорит, что для ребёнка младшего школьного возраста наиболее характерно сопереживание, а для подростков – сочувствие.

У Егорушки сформировано понятие о том, как надо себя вести. Иногда оно основано на ощущениях. Он имеет представление о грубой лексике и об отношении к ней: *«Егорушка не понимал значения подобных слов, но что они были дурные, ему было хорошо известно. Он знал об отвращении, которое молчаливо питали к ним его родные и знакомые, сам, не зная почему, разделял это чувство»* [8, с. 29].

Мальчику лишь девять лет, но он способен не только пережить то, что испытывает другой человек, но и сочувствовать ему: *«Егорушка почему-то подумал, что Емельян, вероятно, очень несчастлив. Он вспомнил его дирижирование, сильный голос, робкий вид во время купанья и почувствовал к нему сильную жалость. Ему захотелось сказать что-нибудь ласковое»* [8, с. 34]. В этот он становится «взрослее» многих мужчин, стоящих рядом.

Чувство ненависти так же характерно для ребёнка, как и сочувствие. Но ненависть рождается обоснованно. Перед этим маленький человек должен сделать выводы о характере и моральных качествах окружающих. Фигура Соломона противопоставляется всем присутствующим в комнате: *«<...> презрительное выражение придал он себе нарочно, чтобы разыграть шуту и насмешить дорогих гостей»* [8, с. 18].

Когда Егорушка видит, что поступки человека расходятся с общепринятой моделью поведения и его личными представлениями о правильных действиях, он становится резким в своих суждениях. Но ненависть не рождается без причины, т.к. ребёнку в произведениях А.П.Чехова «присуще острое чувство справедливости» [6, с. 6]: *«Он вспомнил убийство ужа, прислушался к смеху Дымова и почувствовал к этому человеку что-то вроде ненависти»* [8, с. 29]. Это чувство рождается после анализа антитезы «убийство-смех». Егорушке непонятно поведение Дымова, который своим смехом пытается скрыть всеобщее неодобрение собственного поступка.

Ненависть к Дымову является формой проявления агрессии, под которой понимаются «осознанные действия, которые причиняют или намерены причинить ущерб другому человеку, группе людей или животному» [4, с. 181]. *«А Егорушка уж всей душой ненавидел его русую голову, чистое лицо и силу, с отвращением и страхом слушал его смех и придумывал, какое бы бранное слово сказать ему в отместку»* [8, с. 30]. Перед читателем появляется образ, в котором внешность (*русская голова, чистое лицо, сила*) вступает в противоречие с сущностью (способность убить ужа), и это вызывает неприятие мальчиком фигуры Дымова. Более того, чувство ненависти к Дымову постепенно нарастает. Для передачи усиления негативных эмоций А.П.Чехов обращается к полисиндетону.

В напряжённые моменты у мальчика появляется возможность выразить это зло. Плавное течение мыслей нарушено. Это отражено на нескольких уровнях языка: сложные предложения сменяются простыми двусоставными и односоставными, нейтральная лексика уступает место оценочной, а повествовательные восклицательные предложения заменяются восклицательными побудительными: *«Дурак! Я тебе в морду дам!»* [8, с. 31]. *«Вдруг затрясся всем телом, затопал ногами и закричал пронзительно: «Бейте его! Бейте его!»* [8, с. 49]

Но после случившегося ребёнок чувствует стыд. Единственный человек, которого он хочет видеть, это мама. Но громко произнести свои мысли Егорушка не может, поэтому переходит на шёпот: *«Лежа на тюке и плача, он дергал руками и ногами, и шептал: «Мама! Мама!»* [8, с. 49]

В ходе исследования, проведённого в 2009 году психологом А. О. Колесовой, выяснилось, что 22% из числа опрошенных детей (в возрасте от 8 до 11 лет) отметили важнейшую роль матери в жизни ребёнка. Мать воспринимается как «олицетворение эмоциональной и психологической поддержки в семье» [2, с. 301].

Такое восприятие свойственно и для главного героя повести «Степь». В моменты, когда он чувствует свою слабость, одиночество, он вспоминает её. Все мысли сосредоточены в

одном слове: *«И только когда он шептал: «мама! мама!» ему становилось как будто легче...»* [8, с. 50].

Находясь в мире взрослых людей, Егорушка задумывается над «взрослыми» вопросами, но осмысляет их через призму детского восприятия. О социальном статусе: *«Мокрые подводчики с грязными ногами, вялые и сонные, как осенние мухи, бродили возле или сидели на оглоблях. Егорушка поглядел на них и подумал: «Как скучно и неудобно быть мужиком!»* [8, с. 55]. Социальные роли пока мало изучены ребёнком, они таят в себе неизведанное, поэтому в тексте появляются вопросительные предложения и предикаты, выражающие психоэмоциональное состояние: *«Зачем люди женятся? К чему на этом свете женщины?»* [8, с. 45]. *Пришла ему почему-то на память графиня Драницкая, и он подумал, что с такой женщиной, вероятно, очень приятно жить; он, пожалуй, с удовольствием женился бы на ней, если бы это не было так совестно»* [8, с. 45-46].

Но на первый план должны выйти другие заботы. Д. Б. Эльконин выделяет в качестве ведущего вида деятельности у ребёнка 7-11 лет учебную [9]. Так как Егорушка ещё не знаком с процессом обучения, то он черпает свои знания о нём из суждений окружающих его людей. В большинстве случаев ему даётся положительная оценка. О.Христофор успокаивает мальчика. В речи мужчины присутствует антитеза, в которой прослеживается оценочный компонент значения: *«Призывай бога... Не за худом едешь, а за добром. Ученье, как говорится, свет, а неученье – тьма...»* [8, с. 2].

Пантелей тоже поддерживает обучение, но при этом отмечает, что оно является лишь составляющей хорошей жизни. В его речи, используются местоимение и числительные, которые позволяют сосредоточить внимание слушателя на главной мысли: *«Один ум, с каким мать родила, другой от учения, а третий от хорошей жизни. Так вот, братуша, хорошо, ежели у которого человека три ума»* [8, с. 27].

Лишь Кузьмичов доказывает, что можно было бы прожить и без учёбы, при этом автор прибегает к разговорной речи: *«ежели все пойдут в ученые да в благородные, тогда некому будет торговать и хлеб сеять. Все с голоду поумирают»* [8, с. 4]. Но в момент прощания с мальчиком Иван Иванович даёт такой наказ: *«Если будешь, Егор, хорошо учиться, то я тебя не оставляю»* [8, с. 63]. От желания учиться зависит отношение близких людей к мальчику. Для того чтобы передать важность и серьёзность мысли, мужчина обращается к ребёнку по его полному имени (*Егор*), не используя при этом традиционного диминутива с суффиксом – ушк – (*Егорушка*).

Для о. Христофора обучение важно, т.к. образование для него является неотъемлемой частью честного человека: *«Ежели ты выйдешь в ученые и, не дай бог, станешь тяготиться и пренебрегать людьми по той причине, что они глупее тебя, то горе, горе тебе!»* [8, с. 59].

После того, как Егорушка остаётся у Настасьи Петровны, автор прощается с ним. Впереди у мальчика новый период, ведущий его во взрослую жизнь.

В повести А. П. Чехова реализован многогранный подход к личности ребёнка. Автор посредством слова сумел передать то, что скрыто от многих взрослых – мир ребёнка. Опираясь на данные Русского семантического словаря [5], можно сказать, что концепт *мир детства* раскрывается в повести «Степь» через различные лексико-семантические группы.

По отношению к Егорушке взрослые используют в речи слова, выражающие безволие, покорность, зависимость, робость, избалованность, плаксивость, недоверчивость, ревнивость, трусость (*«рёва»*) [5, с. 114], непоседливость, ловкость, бойкость, весёлость, общительность (*«баловник»*) [5, с. 98], но при этом могут обращаться к нему, используя фамильярные, дружеские, ласковые обращения (*«братуша»*) [5, с. 347].

Языковая картина мира самого ребёнка отражается в разнообразной лексике. Это группы слов, отражающие реальность:

- земля, её строение. Природные образования (*«горизонт»*) [5, с. 583],
- атмосфера Земли, воздушное пространство. Небесное свечение. Общие обозначения (*«заря»*) [5, с. 588],

- небесные тела. Планеты. Созвездия («луна») [5, с. 567],
- возвышенности, высоты («холм») [5, с. 598],
- собственно названия родства, свойства, породнения («мама») [5, с. 182],
- части тела, органы; органы жизнедеятельности («лицо», «голова») [5, с. 379]. Иногда нейтральную группу слов дополняет негативно окрашенная лексика, изначально принадлежащая к группе слов, описывающих части тела, туловища, элементы организма животного («морда») [5, с. 501],
- части тела, туловища, элементы организма («лапа») [5, с. 500],
- дикие, домашние, экзотические птицы («сорока») [5, с. 339],
- слова, характеризующие людей по принадлежности к простому народу, к непривилегированным слоям общества («мужики») [5, с. 371],
- признак по месту, исхождению, направлению, пределу в пространстве. Но Егорушка не выезжал за пределы знакомых мест, поэтому его познания о неизведанном пространстве выражаются с помощью слова с семантикой неопределённости («куда-то») [5, с. 37].

В языковой картине мира ребёнка находит отражение не только реальная жизнь, но и религиозные, мифологические представления:

- религиозные, мифологические, сказочные, фантастические, человекоподобные существа в религии, религиозной мифологии («ангел») [5, с. 388],
- злые, тёмные силы («дьявол», «нечистый дух») [5, с. 391].

В речи главного героя отражаются характеристики, которые он даёт окружающим его людям, их поведению:

- притворство, беспринципное, лживое поведение («разыграть шута») [5, с. 104],
- брань, хула («дурак») [5, с. 345].

Одной из составляющих «детской линии сюжета» (по мнению Н. В. Францовой) является «противостояние взрослого и детского миров» [1]. В этом противостоянии чаще всего одерживает верх сложившийся взрослый мир, а ребёнку приходится изменяться самому, чтобы быть в нём. Но при этом маленький человек способен не потерять всё лучшее, что есть в нём.

Список литературы

1. Емец Д. Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века: К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. И. Куприн : дис. ... канд. филол. наук // Русь : [Электронный ресурс]: URL: http://www.literatura1.narod.ru/texts2/posl_tr.html (дата обращения: 10.09.2020).
2. Колесова А. Семья в восприятии детей младшего школьного возраста // Вестник СПбГУ. 2010. Вып.2. С.298-304.
3. Кон И. Психология ранней юности: Кн. для учителя. [Электронный ресурс]: URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kon_psihologiya_yunosti.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
4. Психология детства. Учебник. Под редакцией члена-корреспондента РАО А. А. Реана. – СПб.: «прайм-ЕВРО-ЗНАК», 2003 – 192 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей редакцией академика Н.Ю.Шведовой. – М.: РАН. Ин-т рус.яз., 2002 – 800 с.
6. Фаллах Х. Отображение личности ребёнка в творчестве А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса. 1991. С. 13.
7. Францова Н.В. «Футлярный» герой А. П. Чехова: истоки и развитие: диссертация ... канд. филол. наук Н. В. Францова. – СПб, 1995. – 223 с.
8. Чехов А.П. Степь. – М.: Современник, 1989. – 63с.
9. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. [Электронный ресурс]: URL:<https://ebooks.grsu.by/psihologia/elkonin-d-b-k-probleme-periodizatsii-psikhicheskogo-razvitiya-v-detskom-vozhraсте.htm> (дата обращения: 15.01.2021).

*10.02.01***К.В. Еленская**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
институт филологии и массмедиа,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, kr-elenskaya@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ НАСИЛИЕ)

В статье рассмотрены и классифицированы неологизмы иноязычного происхождения, репрезентирующие новые и пока не всегда очевидные для носителя русского языка формы насилия. Эти лексемы заполняют лексические лакуны в русском языке, что свидетельствует о происходящих изменениях в русской языковой картине мира и внутренней потребности сделать проблему насилия видимой.

Ключевые слова: *языковая картина мира, насилие, неологизмы.*

В языковом сознании носителей любого естественного языка сформировалась определённая система восприятия мира, принимаемая говорящими и в значительной степени оказывающая влияние на способ познания ими окружающей действительности. Изучение этой системы путём анализа существующих лексических единиц и извлечения их имплицитных смыслов на поверхность позволяет сформировать целостную языковую картину мира конкретного этноса и выявить в ней «слепые зоны», в которых фрагменты действительности не находят языкового выражения. Обнаружение в той или иной тематической группе лексических лакун свидетельствует о незначительности объекта или явления действительности для носителей языка. И напротив, закрепление за явлением ёмкого названия помещает это явление в фокус внимания.

В наших работах уже поднимался вопрос об определении границ понятия «насилие», а также о релятивном характере восприятия семантики этой лексической единицы [2,3]. В данном исследовании мы продолжаем опираться на определение насилия в его узком смысле: насилие – это незаконное действие, совершаемое без согласия на то лица, на которое оно направлено, и ограничивающее объект насилия в законных правах и свободах. Такие действия в общественном сознании имеют чётко выраженную негативную оценку.

В последние годы русский язык стал активно пополняться заимствованными единицами, репрезентирующими не самые очевидные формы насилия. Интересен тот факт, что семантика этих лексем в большинстве случаев выражает формы не физического, а психологического (эмоционального) насилия над личностью. И в этом отношении данные лексемы не всегда укладываются в обозначенное выше определение насилия. Это обусловлено тем, что многие из указанных неологизмов репрезентируют те формы насилия, которые на данный момент не признаны незаконными, а их оценка со стороны социума пока крайне неоднозначна. Однако сам факт включения этих лексем пусть пока и в некодифицированные сферы речи может свидетельствовать о том, что в стремлении создать комфортную и толерантную среду, общество стало ощущать потребность в словах, которые могут ёмко назвать явления, нарушающие свободу членов этого общества.

Цель данной работы заключается в исследовании неологизмов иноязычного происхождения, репрезентирующих различные формы насилия, и их влияния на изменения в русской языковой картине мира.

Такие неологизмы могут быть разделены на две группы.

1. Лексемы, не имеющие русскоязычного синонима

За последние несколько лет лексика русского языка пополнилась значительным количеством неологизмов иноязычного происхождения, репрезентирующих формы насилия, которые до настоящего момента на русском языке могли быть выражены лишь описательно (*газлайтинг*, *абьюз*, *троллинг* и др.). Среди них четко выделяется группа лексем, репрезентирующих различные виды дискриминации: *эйджизм* (дискриминация по возрасту), *эйблизм* (дискриминация инвалидов), *мизогиния* (дискриминация женщин), *мизандрия* (дискриминация мужчин), *бодишейминг* (дискриминация на основе того, как выглядит тело человека), *фэтшейминг* (дискриминация людей с лишним весом) и др. По данным различных исследований общественного мнения, более половины россиян считает, что тема дискриминации актуальна для нашей страны, а каждый шестой россиянин сам подвергался дискриминации. Высокая скорость освоения и распространения указанных лексем косвенно подтверждает внутреннюю потребность большинства представителей российского общества (особенно молодёжи) повысить уровень качества жизни если не путём открытой борьбы с дискриминацией, то хотя бы путём признания существования этой проблемы.

Отдельно стоит выделить группу лексем, впервые отмеченных в феминистических интернет-сообществах и репрезентирующих насилие по отношению к женщине: *кэтколлинг* (вид уличного домогательства, подзывание женщины звукоподражанием «кис-кис»), *виктимблейминг* («обвинение жертвы», явление, при котором на жертву насилия возлагается полная или частичная ответственность за преступление, совершенное над ней), *слатшейминг* (осуждение женщины за выбранную ей одежду, которую некоторые могут посчитать провокационной), *фемцид* (убийство женщин на почве ненависти к ним) и др.

Широкое распространение рассматриваемых лексем в интернет-пространстве и за его пределами объясняется наличием в русском языке лакун при обозначении этих видов насильственных действий. Данный факт может указывать на то, что до недавнего времени в русском языковом сознании действия, называемые описанными лексемами, вовсе не воспринимались насильственными и/или требующими внимания и именно поэтому не имели соответствующего названия в русском языке.

Таким образом, можно говорить о том, что описанные в этом разделе неологизмы элиминируют лексические лакуны русского языка путём их заполнения. Это приводит не только к выработке нового знания об окружающей действительности, но и позволяет заявлять о постепенном взаимопроникновении двух культур, которые до недавнего времени довольно чётко делились на «свою» (родную) и «чужую».

2. Лексемы, имеющие абсолютный или относительный русскоязычный синоним

Численно эта группа уступает первой, а случаи наличия абсолютного синонима единичны (напр. *селфхарм* – *самоповреждение*). Чаще всего иноязычные лексемы имеют относительный синоним в русском языке, который не передаёт все оттенки значения исходного слова.

Так лексема *травля*, которую принято считать относительным синонимом лексем *буллинг*, *моббинг* и *боссинг*, в соотносимом с ними значении в БТС [1] и МАС [7] приводится лишь под восьмой цифрой – *изводить, мучить нападениями, преследованиями*. Словарь Ефремовой [4] фиксирует следующие значения: 3. *перен. Настраивание кого-либо против кого-либо*. 4. *перен. Уничтожение кого-либо нападениями, придирками, преследованиями*. Но в таком случае лексема *травля* теряет следующие компоненты значения по сравнению с иноязычными аналогами: «закрытая социальная группа», «горизонтальность (*буллинг*, *моббинг*)/вертикальность (*боссинг*) насильственных отношений».

Рассмотрим пару *харассмент* – *домогательство*. Во всех используемых нами словарях фиксируется практически идентичное значение лексемы *домогательство* – *настойчивое, назойливое стремление достигнуть чего-либо, получить что-либо, добиться чего-либо*. Очевидно, что у лексемы *харассмент* наблюдаются дополнительные компоненты значения: «сексуальный характер совершаемых действий», «зависимость от агрессора».

Очень близки семантически являются лексемы *сталкинг* и *преследование*. Однако подходящее значение лексемы *преследование* нами было найдено лишь в словаре Ефремовой, где данное значение является далеко не основным (4. *Добиваться, домогаться чьей-л. близости, любви*).

В паре *неглект – бездействие* русскоязычное слово вовсе лишено того компонента значения, который давал бы нам право отнести эту лексему к словам, репрезентирующим насилие, поскольку словари толкуют *бездействие* лишь как *неподвижность, отсутствие всякой деятельности, работы, ничегонеделание* (ср. *неглект* – намеренное одностороннее игнорирование, отказ в помощи людям, находящимся в зависимом положении).

Наличие лексического эквивалента иноязычному слову не является убедительным доказательством, что в русской языковой картине мира упомянутые формы насилия сегодня находят своё достаточное выражение. Здесь также наблюдаются лексические лакуны, которые восполняются двумя параллельными способами: заполнением и компенсацией. Последний способ обеспечивает достаточность понимания и принятия элементов «чужой» культуры.

Активное пополнение лексики русского языка неологизмами иноязычного происхождения, репрезентирующими новые и пока не всегда очевидные для носителя русского языка формы насилия, может свидетельствовать о расширении языкового сознания в данном вопросе и тенденции к улучшению социальных отношений. Наличие лексических единиц, выражающих те или иные формы насилия, делает проблему видимой и позволяет ставить её в центр общественных дискуссий.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. - СПб. : Норинт, 2008.
2. Еленская К.В. Лингвистический паспорт лексемы "насилие" // Преподаватель XXI век. 2020. №4-2.
3. Еленская К.В. Культурная детерминация насилия/ненасилия // Казанская наука. №6, 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 134.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный.- М.: Рус. яз. 2000.- в 2 т.- 1209 с. - (Б-ка словарей рус. яз).
5. Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур // Вопросы психолингвистики. 2004. №2.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М.: Альта-Принт [и др.], 2008. - 1239 с.
9. Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. №4, 2009.

10.02.01

¹Е.Н. Ильина, ²А.В. Крюкова, ³М.И. Леготина

¹Вологодский государственный университет,
Институт социальных и гуманитарных наук,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
Вологда, filfak@list.com,

²МОУ «Сосновская средняя общеобразовательная школа»,
Вологодской области, п. Сосновка, kry4e4ek@yandex.ru,

³МОУ «Устье-Угольская средняя общеобразовательная школа»,
Вологодской области, п. Шексна, marinafil1992@yandex.ru,

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ О ТРУДЕ: КОГНИТИВНЫЙ, ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

В статье анализируются устные рассказы о труде, записанные со слов носителей вологодских говоров. На материале этих рассказов описываются типологические черты диалектной языковой картины мира, создается речевой портрет рассказчиков, а также определяются перспективы использования этих рассказов в практике лингвистического краеведения.

Ключевые слова: диалектология, когнитивная лингвистика, лингвистическая персонология, лингвистическое краеведение.

Исследование локального речевого контента раскрывает перед современной диалектологией новые возможности: анализ устных рассказов сельских жителей раскрывает феномен диалектной языковой личности и дает возможность реконструировать существенные составляющие диалектной языковой картины мира. Материалом для наших наблюдений стали устные рассказы о трудовых процессах в полеводстве, огородничестве и животноводстве, записанные со слов жителей западных (Кирилловский р-н) и восточных (Кичменгско-Городецкий р-н) Вологодской области. Наши информанты различаются в своих биогенетических (мужчины и женщины разного возраста) и социогенетических позициях (уровень образования, профессия) – но всех этих людей объединяет факт принадлежности по рождению и первым десятилетиям жизни к крестьянской среде, а также то обстоятельство, что в момент записи речевого материала многие из описываемых информантами трудовых процессов (огородничество и уход за домашними животными) сохранили для человека свою актуальность. Методологическую основу нашей работы составили исследования по теории нарратива [3; 11; др.], труды по когнитивной диалектологии [7; 8; 9; др.], публикации по теории языковой личности [5; 7; др.], а также издания, отражающие специфику говоров Вологодской области [10; др.]. Предметом нашего исследования являются языковые знаки различных лингвистических уровней, с помощью которых объективируются различные составляющие концепта «труд». Объект анализа – диалектные нарративы, устные рассказы о труде, записанные нами со слов местных жителей (более 500 рассказов). Понимая нарратив как некий вариант интерпретации определенного аспекта бытия с точки зрения определенной человеческой личности, мы можем исследовать его форму и содержание с инвентарной, когнитивной и прагматической позиций, что может служить основанием для реконструкции базовых черт диалектной языковой личности. Коммуникативная специфика нарратива: адресованный некоей аудитории рассказ от первого лица о событиях, которые произошли с самим рассказчиком или с кем-то, кого он знал, включающий в себя как описание события, так и его объяснение, – позволяет выявить наиболее важные жизненные сферы рассказчика, описать его систему ценностей и определить спектр приемлемых для него действий, иначе говоря, реконструировать картину мира говорящего субъекта.

Обратимся к исследуемому нами материалу. Несомненно, труд составляет основу крестьянской картины мира [1; 2], однако диалектные нарративы конкретизируют, что именно представляется самым важным в крестьянском понимании труда. Это, как правило, физический труд, приносящий ощутимую пользу крестьянскому хозяйству, обеспечивающий физическое выживание и материальное благополучие человеку в различных формах его социального взаимодействия (семья, колхоз, деревня и пр.), мыслимый как системная деятельность умелого работника, стабильно приводящая к достойным результатам: *«Вот на фотографии мама наша с товаркам. У Тамары вон Струничевой даже орден был – передовая была доярка! Да и все бабы не худые были работницы»*. Труд в крестьянском хозяйстве либо не дифференцируется по гендерным и возрастным параметрам работника (полеводство, огородничество, животноводство), либо преимущественно относится к сфере традиционных женских занятий (домоводство, рукоделие): *«Война, дак всё и робили самите! Когда было и рукодельничать, жопа бы из порток не выпадала, и ладно. Топере вон зятевьё что потяжельше робит, баб жалиют, а мы всё сами»*. Рассказы о труде дают возможность обнаружить типологические свойства диалектной языковой картины мира:

парцеллированность (информанты рассказывают не о труде вообще, а о тех видах работы, которые для них актуальны сейчас или были актуальны в прошлом), например, *«Копали лопатой с сёстрой небольшой загон. Посияли. Боронили на себе. Борону таскали сами без лошади»*;

приоритетность **биологического выживания** семьи в сложных геоклиматических условиях Русского Севера (повествователи постоянно упоминают особенности северной погоды и ландшафта своей «малой родины»): *«Погода была раньше лудше. Снек сойдет, земля поотогреется и начинали»*;

прагматичность (в рассказах тщательнейшим образом описываются трудовые процессы сельского быта), *«И пошла на телят, поить телят. Телят поила, хорошо видно поила, оне у меня уж какие бараны-то ранние дак оне потом заскали, заскали уже и на фторой гот я как бы ужэ стала дояркой»*;

традиционность (информанты детально сохраняют в своём сознании и скрупулёзно описывают старые технологии выполнения крестьянских работ), *«Помню мама репу садила. Горит «пойду репы наплюю». Симёчко мелкоё-то у репы, плюнет и разлетится»*;

экспрессивность (информанты не являются «нейтральными» трансляторами знаний – их рассказы репрезентируют оценку человека по отношению к труду), *«Вот ведь в деревне дак это... все видят, как работаешь, не отлыниваешь»*.

Исследование персонологических особенностей наших главных информантов дало возможность охарактеризовать типичные черты языковой личности сельских жителей Вологодского края. На **когнитивном** уровне эта личность репрезентирует традиционные ценности крестьянского мира (любовь к «малой родине» и своей семье, трудолюбие и оптимизм), на **вербально-семантическом** уровне использует традиционный местный говор, сочетая в нём ресурсы бытового диалога и производственной речи, на **прагматическом** уровне информант стремится, рассказывая о прошлом, передать более молодому поколению свои знания и навыки, ценности крестьянского мира.

Полученные нами выводы следует принимать во внимание при организации лингвокраеведческой работы учителя-филолога, направленной на воспитание активных молодых граждан России, познание истории своего края через язык, формирование регионального патриотизма через связь поколений. Наш практический опыт использования локального речевого контента в организации урочной и внеурочной деятельности школьников показал, что наиболее успешно осуществляются «деятельностные» краеведческие акции: это, например, интегрированное проведение учебных занятий по русскому языку, литературе и технологии, а также участие школьников в тематических экскурсиях и мастер-классах по освоению традиционных крестьянских ремесел. Это позволяет реализовать компетентностный подход в образовании сельских школьников, способствует сохранению культурной памяти, формированию и укреплению региональной идентичности [6].

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)».

Список литературы

1. Басова Л.В. Концепт «Труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Басова. – Тюмень: ТюмГУ, 2004. – 19 с.
2. Белов В.И. Лад: Очерки о нар. эстетике. – Архангельск; Вологда: Сев-Зап. кн. изд-во Волог. отд-ние, 1985. – 300 с.
3. Гиль, О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: дис. канд. филол. наук / Гиль Оксана Георгиевна. – Москва : МГЛУ, 2000. – 272 с.
4. Демешкина Т.А. Когнитивная диалектология: проблемы и перспективы / Т. А. Демешкина // Актуальные проблемы русской диалектологии. – Москва: ИРЯ РАН, 2006. – С. 55–57.
5. Зубова Н.Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дисс... канд. филол. наук / Зубова Нина Николаевна. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 209 с.
6. Зубова Н.Н., Леготина М.И. Формирование региональной идентичности в деятельности учителя-словесника сельской школы / Зубова Н.Н., Леготина М.И. // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2018. – С. 1039-1044.
7. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: монография / Е.В. Иванцова – Томск: Издательство Томского университета, 2002 – 312 с.
8. Ильина Е.Н. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова. – Вологда : ВоГУ, 2019. – Часть II. Детство. – 176 с.
9. Ильина Е.Н. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Л. В. Сабурова, С. А. Ганичева. – Вологда : ВоГУ, 2019. – Часть I. Домашние и дикие животные. – 178 с.
10. Словарь вологодских говоров / Сост. Е.П. Андреева, Г.А. Дружинина, Л.Ю. Зорина и др.; Гл. ред. Л.Ю. Зорина, Т.Г. Паникаровская. Вып. 1–12. Вологда, 1983 – 2008.
11. Шмид В. Нарратология: монография. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

10.02.01

Е.Н. Ильина,² М.А. Паничева

¹Вологодский государственный университет,
Институт социальных и гуманитарных наук,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
²МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 41» г. Вологды,
Вологда, filfak@list.com, panicheva13121990@gmail.com

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХЭШТЕГОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

В статье комментируется лингвистический статус и словообразовательная структура хэштегов. Материалом для наблюдений служит корпус хэштегов электронной коммуникации Вологодского государственного университета (официальный сайт, корпоративная страница ВКонтакте и др.).

Ключевые слова: *медиалингвистика, словообразование, хэштег.*

Медиалингвистика как самостоятельное направление языкознания оформилась на рубеже XX–XXI веков в связи с существенными изменениями коммуникационной среды, созданием единого информационного пространства в сети Интернет и осознанием научным сообществом потребности в обновлении методологической основы анализа поликодового контента современных медиа.

Поликодовый характер медийного контента проявил себя в ситуации формирования новых коммуникативных единиц – хэштегов. Эти слова-метки (англ. *hashtag* от *hash* «знак решётки (#)» и *tag* «метка») обеспечили потребность интернет-коммуникантов в быстром поиске нужной информации. Активность пользователей интернета второго поколения (web 2.0) в формате социальных сетей обусловила необходимость поиска удобных средств отбора и систематизации цифрового контента – с этой целью сотрудник Google Крис Мессина и предложил в 2007 году особую структуру ключевых слов, положив начало бытованию хэштегов – коммуникативных единиц нового типа. При весьма выраженном интересе к ним со стороны научного сообщества место этих элементов в языке, а также их структурно-семантическая и функциональная специфика описаны ещё недостаточно. Всё сказанное определяет актуальность темы нашего исследования.

Структурная организация хэштегов напрямую определяется спецификой их функционирования как тематических маркеров сообщения в условиях электронной коммуникации. В этой функции хэштеги близки к заголовкам журналистских текстов, но в отличие от них в меньшей степени реализуют творческую составляющую смысловой компрессии текста. Будучи средством концентрации смыслового содержания высказывания, они реализуют функцию ключевых слов, но в отличие от них способны выполнять и иные назначения, в том числе – гипертекстовую функцию, обеспечивающую способность структурирования на основе общих слов-меток сложных семиотических единств коллективного авторства. Обобщая информацию о функциональной специфике хэштегов, согласимся с выводами Ю.Е. Галяминой о том, что хэштеги способны совмещать номинативную (*#ОбщежитияВоГУ*), оценочную (*#ВоГУтвойпутькунесу*), модальную (*#ЯлюблюВоГУ*) и предикативно-классифицирующую (*#АбитуриентуВоГУ*) функции [2, с. 20]. Являясь маркерами определенных ситуаций в интернет-коммуникации, хэштеги, по мнению А.П. Атягиной, служат здесь основным средством семантической компрессии [1].

Корпус хэштегов в интернет-ресурсах, связанных с Вологодским государственным университетом [3], преимущественно состоит из информационных меток (*#ВоГУ < Вологодский государственный университет; #ИСиГН < Институт социальных и*

гуманитарных наук, #Деньпоэзии < День поэзии (традиционный праздник студентов-филологов в ВоГУ) и др.). Это не случайно, так как сообщения в данных ресурсах преимущественно иницируются и редактируются пресс-службой учебного заведения. Закономерно по той же причине появление хэштегов, моделирующих общественное мнение по отношению к университету, закрепляющих в сознании адресата общения его положительный образ: #ВоГУтвойпутькusuхeу, #ВоГУтвойсамыйблизкийВУЗ и др. Некоторые слова-метки оформляются латиницей или содержат в своем составе весьма узнаваемые иноязычные слова: #bulldogsbasket – ср. *Бульдоги* «название университетской баскетбольной команды».

Будучи неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации, хэштеги, по мнению большинства изучающих их лингвистов, являют собой лингвистические знаки особого типа. Отличительным свойством этих знаков является **производность**, то есть формальная и сематическая вторичность по отношению к уже действующим в языке (или языках) знакам различной грамматической природы: словам (#ВоГУ < ВоГУ «Вологодский государственный университет»), словосочетаниям (#По_следам_Дежнева < по следам (кого?) Дежнева), предложениям (#ВоГУтвойпутькusuхeу < ВоГУ – твой путь к успеху), а также сочетаниям этих знаков с визуальными знаками нелингвистической природы, например, с узнаваемыми цифровыми символами: #ВО35 < Вологодская область; 35 (порядковый номер региона среди субъектов Российской Федерации).

Исходя из классической теории способов словообразования, следует признать, что ведущими в практике образования хэштегов являются такие способы **неморфемного словообразования**, как **лексико-синтаксический**, то есть сращение компонентов свободных словосочетаний и предложений (#студенческаяжизньначинаетсяздесь < Студенческая жизнь начинается здесь), а также **лексико-семантический**, основу которого составляет переосмысление семантики исходного элемента (#ВоГУ в функции хэштега < ВоГУ как имя собственное), маркируемое присоединением знаков нелингвистической природы – собственно знака «решётки» или каких-либо иных символов: #ВоГУ))). Как утверждает Б. Солис [4], хэштеги, употребительность которых растет год от года и уже выходит за рамки собственно виртуальной реальности, приобретают собственную культурную значимость и, имея возможность сочетать в себе интеллектуальную и эмоциональную составляющую, быть носителями «культурной памяти» и объектами языковой игры, становятся неотъемлемой частью различных блоков социальных медиа (действия, реакции, транзакции), интернет-дискурса и культурного пространства мирового, национального, регионального сообщества.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»)*

Список литературы

1. Атягина А.П. Языковая компрессия в Twitter // Электронный научный журнал «Медиаскоп», № 3, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/1136>
2. Вологодский государственный университет: группа ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/vogu35>
3. Галямина Ю.Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в интернете под ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 13-22.
4. Solis B. The Hashtag Economy [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is>

10.02.01

О.А. Казакевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Томск, o_slugina@mail.ru

КОМПИЛЯТИВНЫЕ ЖАНРЫ ДЕЛОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ НА ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ XVII В.

В статье представлены результаты анализа вторичных жанров делового письма, таких как дорожник (или путник) и ведомость. На примере различных дорожников XVII в. и «Ведомости о Китайской земле и о глубокой Индеи» П.И. Годунова выявлены и описаны компилятивный характер и лингвистическая содержательность данных жанров, а также намечены пути их дальнейшего развития и трансформации.

Ключевые слова: *ведомость как жанр, Китай, XVII в., литература путешествий.*

Конец старорусского периода предстает в истории России как значимая эпоха географических открытий, освоения новых земель, установления посольских и торговых отношений со странами Запада и Востока. Активизация государственной жизни вызвала бурное развитие делопроизводства – возникновение новых и совершенствование уже существующих приказных жанров, а также динамику приказного языка в целом.

Рассказы о чужеземье, его природе, населении, культуре представлены не только в традиционных для древнерусской литературы светских или паломнических хождениях («хожениях»), но и в таких жанрах деловой письменности, как отписки, сказки, расспросные речи землепроходцев, торговых и служилых людей, бывших пленников, а также в посольских отчетах, названных Д.С. Лихачевым «повестями послов» [4, с. 346]. Они получили официальное название *статейные списки*, поскольку составлялись в соответствии со *статьями* – пунктами наказа посланнику, поэтому имели четко структурированный текст, где каждый абзац содержал информацию по отдельной микротеме – как ответ на конкретный вопрос. Как правило, красная строка открывалась сочинительным союзом (*и, а, да*), что обеспечивало единство тексту за счет параллельной синтаксической связи между абзацами.

Этот жанр сложился в XVI-XVII в. на основе донесений российских посланников о выполнении ими данных поручений, о международных новостях, но в большей степени – под влиянием поденных отчетов о пребывании в России иностранных послов [6, с. 61], что обусловило дневниковую форму *статейных списков*. Важными задачами посланников являлись также поиск удобного и безопасного пути в новые земли и сбор разного рода сведений о стране (цели миссии) и сопредельных государствах, что оформлялось потом *рописью дороге (пути)* и *вестями (вестовыми списками)* – непосредственно в составе *статейного списка* или своего рода приложением к нему – отдельным документом с соответствующим названием. Со временем на основе этих частей посольских отчетов, а также разного рода расспросных речей сформировались компилятивные жанры приказного письма с компилятивным же содержанием, важнейшими из которых стали дорожники (путники) и ведомости (вести).

Судя по опубликованным В.А. Петровым географическим справочникам XVII в., дорожники могли иметь разный вид: 1) исключительно как указатели расстояния между пунктами маршрута – в милях (*Щет милям от розных земель и государств до Иерусал[има]*), верстах (*Поверстная книга*) или времени пути (*Роспись сухому пути скорою ездою около всего Хвалынсково моря*); 2) как указатели не только расстояний, но и некоторой дополнительной информации о маршруте, порой весьма значительной, примерами чего

могут служить *Роспись от Воронежа Доном рекою до Азова до Черного моря, сколько верст и казачьих городков и сколько по Дону всех казаков, кои живут в городках, особенно – описание пути в чужие земли (Роспись, куды путь конной от Яицкаго города х Китайскому царству, Описание разстоянию столиц нарочитых градов, славных господарств и земель, такожь де и знатных островов и проливов, водным и сухим путем <...> от первопрестольнаго его царьского величества града Москвы...)* [5, с. 74-165]. Сродни иностранным маршрутам оказывались описания пути в малознакомые края, каковыми в это время была Сибирь: *Роспись сибирским городам и острогом* [10, с. 7-22], *Роспись дороге от Московского государства к Сиби[r]скому царству и ка Архангельскому городу* [10, л. 515-537]. В частности, в последней росписи указано: *От Березова за Обью рекою над рекою Тазом город Тазовской, званием Мангазея называют, и почитают ево за морем. А уведано истинно от ведущих людей – потому, де, и называют ево так, что, де, многие великие реки сошлись устьями и в тех во многих водах стало как море. А вода, де, не морская, не соленая, пресная. По се Тобольской розряд* [10, л. 522].

Таким образом, можно заметить, что отсутствие строгих правил ведения отчетов о поездках отразилось и в различных вариантах подачи «дорожной» информации, а компиляция сведений из разных источников обусловила разную степень детализации описания отдельных участков пути, пунктов маршрута. Росписи дают богатый топонимический материал – в отношении как списков ойконимов (*Медведица, Вещий, Верхние Раздоры, Распопин, Пять изб, Стыдное имя* и др. [10, л. 524 – 531]) или гидронимов (*Даура, Блудная, Улья, Пьяная, Хромая, Черная, Омолоха, Оленек* [10, с. 88]), так и адаптации иноязычных названий (*Астрадам, Лотдон, Парис, Стеколн* и др. [10, л. 515–516 об.]). Наличие сведений о различных природных и культурных достопримечательностях описываемых мест служит основанием для привлечения этих источников, за которыми в XVIII в. закрепляется название *дорожники* [9, с. 222], к исследованию номинации неизвестных реалий. Благодаря включению в текст документа подобной информации данный жанр можно рассматривать как прообраз современных путеводителей.

По данным Словаря русского языка XI-XVII вв., слово *ведомость* фиксируется в памятниках письменности со второй половины XVII в. как полисемичное слово, значения которого отражают и историю сложения этого жанра: 1. Осведомленность, знание чего-либо; осведомление; 2. Весть; известие, сообщение (а также слух, молва); 3. Список, роспись; ведомость; описание чего-либо (письменное или устное) [8, с. 47], т.е. такой тип памятников обобщал имеющуюся на данный момент информацию из разных источников на какую-либо тему – прежде всего по той или иной стране. Примером такого документа может служить «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи», дошедшая до нашего времени в нескольких списках. Она создана в 1669 г. *изысканьем стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова* в Тобольске, где он находился в почетной ссылке.

Двумя годами ранее под его началом был составлен «Чертеж всей Сибири» – карта с текстовым приложением, которое в разновременных списках XVII в. именовалось *Росписью против чертежу Сибирской земле, Списком с чертежа Сибирской земли* или просто повторяло название карты, что в целом представляет еще один вариант «дорожного» справочника. На чертеже на юго-востоке сибирских земель обозначены китайские территории, Великая стена, заставной город Капка (Калган), а в текстовой части Китай упоминается в статьях 6, 9, 13, 14, 16, 19 и 20 [10, с. 23-38]: *И на усть Шингалу рѣки ярѣ, и на томъ яру карауль китайскихъ людей. А от Шингалу рѣки за рѣку Амуръ и до моря пошелъ Катай <...> и въ томъ городѣ живутъ китайскіе воинскіе люди для обереганья отъ русскихъ воинскихъ людей по 20 и по 30, 40. И отъ того города есть волокъ в Китайское царство, а тѣ люди волокомъ до Китайского царства ѣздютъ лашадми наскоро 10 дней, зъ запасами мѣсяцъ* [10, с. 33-34].

Вероятно, работа с разными письменными источниками, обращение к свидетельствам всяких чинов людей, а также иноземцов, приезжих бухарцов и служилых татар (знатцов, ведомцов, памятливых бывальцев) сподвигли П.И. Годунова на создание «Ведомости о Китайской земле».

П.Е. Скачков, издатель одного из вариантов этого памятника, называет ее не только «замечательнейшим образцом русской литературы XVII в.», но и первой энциклопедией о Китае, отражающей уровень знаний русских людей к середине XVII в. об этой стране [7, с. 207-209]. Она включает описание географического положения, административного устройства, истории Китайского царства, его городов и укреплений, сельского хозяйства, промышленности и торговли, а также разнообразную этнографическую информацию (одежда, обряды, пища китайцев) и др. Постатейное изложение сведений о Китае (148 фрагментов) и об Индии (последние 3 фрагмента) внешне выражается абзачным оформлением, выделенным в рукописи кинovarью. Содержание некоторых из них можно соотнести с текстами отчетов И. Петлина и Ф.И. Байкова о поездках в эту страну. Ср.:

1) «Роспись» И. Петлина и «Ведомость» П.И. Годунова: *И всяких овощей, сахаров розных, и гвоздики, и корицы, и анису, и яблоков, и арбузов, и дыней, и тыков, и огурцов, и чесноку, и луку, и ретъки, и моркови, и пасторнаку, и репы, и капусты, и маку, и мушкату, и фьялки, и миндальных ядер, и ревень есть, а [и]ных овощей мы не знаем какие* [2, с.48] // *А овощ в Китаех родитца всякой: яблоки, и груши, и дули, и вишни, и сливы, и дыни, и арбузы, и шапталы, и черносливы, и лимоны, и винограды всякие различные, и миндальные ядра, и мушкат, и орехи грецкие великие, перед грецкими гораздо болиши, и сахар трупчатый, и леденец, и ряженные сахара всякие розные, и лекарственные всякие травы, и коренье безчисленно много* [7, с. 215]

2) Статейный список Ф.И. Байкова и «Ведомость» П.И. Годунова: *А лан их весу 10 золотников, а руского весу 9 золотников* [2, с. 123] // *А вес в Китайском государстве русково легче; в фунте по 11 лан; А лан их по 10 золотников; А московским весом в лане 9 золотников. И потому в русской вес их весу в фунте 110 золотников, А русской фунт болиши будет 11 золотников* [7, с. 213].

Легко заметить, что в «Ведомости» информации больше, она расширена за счет других источников. Здесь представлены уникальные сведения о монетной системе Китая, стоимости некоторых товаров, о размере жалованья боярам и рядовым людям и др. Любопытно представлены многие национальные реалии: палочки (*А ядят они <...> не лошками, двумя розными спичками круглыми, толициною с лебяжье перо, а длиною вершков в шесть*), бамбук (*А трость растет подле моря, желта, вверх сажень з десять, а толициною в обоймо и гораздо болиши, а в ней пусто, а против колен днами крепко, и камышем китайцы тое трость называют же. А из иных делают и стрелы*), некий фрукт (*Да в садах же деревье великое, а на них овощь, что яблоко, величиною з голову человеческую, а человеку ево съест одному невозможно; а находит на яблоко, а сладко таково, подобно меду, а отзыв огуреиной, а семя яблошное, а цветом посветлее лимону, и тот овощь китайцы любят всех овощей, а называют его наипады*) [7, с. 212; с. 217; с. 215]. Подобные описания делают «Ведомость» ценным источником для исследования номинации неизвестного.

Компилятивный характер данного жанра проявляется также в сосуществовании в тексте двух языковых стихий – приказной и обиходно-бытовой, о чем с восхищением писал С.О. Долгов – «слог точный и типичный, чисто народный слог» [3, с. 17]; в постатейной организации текста и отсутствии строгого плана изложения информации, что свидетельствует о разнородности исходного материала, о постепенном накоплении сведений. Это же подтверждает заключительный раздел документа – *Ведомость природного китайца через калмыцкой язык* [3, с. 32-35].

В период значительного расширения российских территорий, заметной активизации государства на международной именно литература путешествий знакомила русское общество с иноземьем. Особая роль в приобщении русских людей к новому миру, чужестранным реалиям принадлежала жанрам делового письма, в том числе развившимся на

основе ряда других. Как отмечает Т.В. Володина, «все они занимали немалое место не только в историко-литературном процессе русского средневековья, но и в формировании жизненных и культурных горизонтов русского общества» [1, с. 75]. Будучи по своей природе компилятивными жанрами, что доказывается их содержанием и формой его изложения, дорожники и ведомости показали способность к саморазвитию: на их основе возникли путеводители и первые русские новостные периодические источники (сначала рукописные, а затем и печатные газеты) – «Вести-Куранты» и «Ведомости», с кратким и простым по форме изложения языком, из чего впоследствии сложился газетно-публицистический стиль русского языка.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ,
проект № 20-312-90028 «Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека»*

Список литературы

1. Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник НовГУ. – 2003. - №24. – С. 75-81.
2. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). – М.: Наука, 1966. – 160 с.
3. Долгов С.О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи // Памятники древней письменности и искусства. Т. СXXXIII. – С.-Пб., 1899. – 1899. – С. 14-35.
4. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: Статейные списки. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 1954. – С. 319-346.
5. Петров В.А. Географические справочники XVII в. // Исторический архив. – 1950. - № 5. – С. 74-165.
6. Сабенина А.М. Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык: источники для его изучения. – М.: Наука, 1971. – 1971. – С. 59-84.
7. Скачков П.Е. Ведомость о Китайской земле // Страны и народы Востока: география, этнография, история. – Вып. II. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. – 1961. – С. 206-219.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 2. – М.: Наука, 1975. – 319 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 6. – М.: Наука, 1991. – 256 с.
10. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. С приложением снимка старинной карты. – М.: [издание г. Юдина], 1890. – 216 с.

*10.02.01***С.С. Камшук, А.А. Немыка, Е.Н. Рожик**

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, sofya_kamshuk@mail.ru, annemyka@yandex.ru, rozhik_e@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Актуальность данного исследования связана с важностью поднимаемых в нем вопросов изучения учебного научного текста, с необходимостью выявления соответствующих метаязыковых форм и функциональной специфики их воплощения в определенных видах учебного текста. Превалирует обращение с новых методологических позиций к изучению важнейшего объекта филологии – отдельного текста, характеризуются лингвистические свойства учебного текста определенного жанра как структурно – семантического и лингвометодического континуума. В статье авторы обращаются к историческому тексту, ориентированному на широкую аудиторию, в силу своей лингвокультурной значимости и несомненной ценности, и детально анализируют его семантический и функциональный потенциал. Исследование выполнено в русле современных языковедческих работ, изучающих научные и учебные научные тексты как с собственно лингвистической, так и методической точек зрения. Системный подход к проблематике позволяет проанализировать специфику исторического учебного текста, сделать выводы о том, что его функциональные параметры обусловлены двумя основными факторами: характером содержания и способом изложения - с учетом языковых особенностей, отличающих его от других учебных научных текстов.

Ключевые слова: *научный дискурс, учебный текст, средства речевой выразительности, лингвокультурологический комментарий.*

Средства художественной выразительности используются в большей или меньшей степени в каждом функциональном стиле и типе текста для придания ему образности, яркости и эмоционального воздействия на читателя. Однако такие средства речевой выразительности зачастую существенно влияют на восприятие студентами смысла текста. Поэтому очевидна актуальность обращения к исследованию практики употребления тропов в историческом тексте и трудностями их перевода для иностранной аудитории подготовительных факультетов.

Исторический текст – это двойная интерпретация, включающая действия историка-автора и события в прошлом. Такой текст предполагает наличие следующих понятий: факт, включающий в себя использование дат, историческая закономерность, историческая аналогия и причинно-следственная связь [3, с. 174]. То есть в историческом дискурсе должны сочетаться исторический, социальный и гуманистический подходы. К жанрам литературы исторического характера можно отнести: летопись, повесть, предание, сказание [6].

В историческом тексте функционируют различные средства художественной выразительности, поскольку они помогают автору-историку погрузить читателя в мир истории, дать оценку историческим (или выдающимся) личностям и их поступкам, изобразить и конкретизировать духовную и культурную жизнь народа в определенном веке. Однако иностранным студентам средства художественной выразительности, включённые в исторический текст, могут затруднить понимание излагаемого материала.

Представляется рациональным анализ Повести временных лет как образца исторического варианта дискурса в определенных хронологических рамках: от 912 г. до 973 г.

Русская летопись – это историческое произведение, в котором по годам излагаются важные исторические события. По мнению, А. А. Шахматова, работа летописцев носила строго закономерный и единообразный характер. События, действия, движение в повести обычно передаются ясным, не осложненным тропами языком с «книжной» и народной тенденцией [1, с. 18].

Повесть временных лет можно рассматривать как в историческом контексте, поскольку она может служить образцом учебного текста (при рассмотрении его в иноязычной и русской аудитории), так и одновременно в качестве образца художественного дискурса, представляя таким образом необычный текстовый, дискурсивный симбиоз, интересный синкретичный объект для научного анализа [2].

Повесть временных лет — это летопись, рассказывающая о происхождении русской земли, о первых русских князьях и о событиях X - начала XII веков. Её полное название «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля» [6, с. 14].

В ходе анализа текста было обнаружено, что из возможных средств выразительности в Повести доминируют эпитеты. Наиболее употребительные из них встречаются в портретных характеристиках с оценочной окраской: «*светлых и великих князей*», «*блаженную Ольгу*» и т.д. К украшающим эпитетам относится определение «*Великий*», которое является весьма распространенным в тексте и может иметь значение, как «*сильный*», так и «*большой*»: «*плачем великим*», «*яму великую*», «*великий голод*», «*с великой честью*». В терминологическом значении выступает данное определение в титуловании: «*великий князь*», также сюда можно отнести и выражение «*наша светлость*».

Вторым по частотности средством художественной выразительности является метафора. Например, понятие «Мир» в Повести используется метафорично в словосочетаниях: «*сотворив мир*», «*возобновить старый мир*», «*восстановить прежний мир*», «*мир нарушенный*» (в значении создать или установить порядок), однако «*мир стоит*» используется автором в прямом значении - «отсутствие войны». В тексте можем наблюдать развернутую метафору, которая может усложнить понимание смысла летописи иностранцами: «*кто находится под рукою нашего светлого князя*» (в значении находиться в подчинении князя Олега).

Для иностранной аудитории необходимо дать лингвокультурологический комментарий к метафоре «*клянясь оружием своим*» в значении «мирное согласие между русскими и греками» и «*а если нарушит это...> да будет заклан собственным оружием*», поскольку понятие «оружие» обладало символическим значением на Руси.

Весьма красочно в тексте представлены сравнения с подавляющим количеством использования союза «как». С разными оттенками используются сравнения человека с животными: «*муж твой, как волк*» в значении алчный и жестокий, а также в возвышенном значении воинских качеств князей, например: «*Святослав и быстрым был, словно пардус*». Наиболее распространенными являются сравнения человека с неодушевленными предметами, например: «*как губка напояемая*» о крещении Ольги (сравнение может оказаться весьма затруднительным для иностранных студентов), «*как купеческий корабль*», «*светилась, как жемчуг в грязи*». С помощью сравнений с миром природы выразительно передан облик и качество человека: «*как денница перед солнцем, как заря перед рассветом*», «*она сияла, как луна в ночи*» [5].

В историческом тексте в достаточном количестве встречаются архаизмы, поскольку каждой эпохе соответствует свой лексический пласт. Анализ текста позволил обнаружить архаизмы: «*хартях*», «*сеча*», «*пардус*», «*волость*», «*посадников*». Такие понятия могут вызвать сложности у иностранных студентов, поэтому им необходимо использовать словарь устаревших слов.

Также в тексте встречаются олицетворения, которые не вызывают особых затруднений, и ирония: «*гости добрые пришли*», «*хороша ли вам честь?*». Интересно представлена ирония «*гости добрые*», поскольку это словосочетание является устойчивым сочетанием, однако в летописном контексте это выражение используется как контекстный антоним к типовому значению.

В летописи очень часто встречаются глаголы, коннотация которых усложняет восприятие смысла, соответственно, иностранным студентам необходимо давать адаптированный вариант текста или оформлять сноски и предлагать словари, поясняющие смысл данных слов: *та сторона, которая домогается, попленили, паволоки, покусятся, сльвет, не взыщется смерть, заклан, рубить древлян, исполнились и т.д.* [5].

Таким образом, в историческом тексте важную роль играют средства художественной выразительности. Также анализ Повести показал, что в летописи содержится большое количество тропов, которые зачастую затрудняют смысл изложенного даже для русскоязычных студентов.

Можно сделать вывод, что исторический текст не может функционировать без специальных языковых средств, которые помогают автору-историку достичь образности и выразительности при описании событий, действий прошлого. Поэтому для правильного восприятия смысла исторического текста иностранными студентами преподавателю необходимо чаще использовать тропы в рамках разбора текстов и их комментирование на занятиях. Такие упражнения позволят студентам успешно овладеть понятийным аппаратом по дисциплине и активно использовать средства художественной выразительности в своей речи.

Список литературы

1. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Москва Ленинград: АН СССР, 1947. - С. 149.
2. *Немыка А.А., Пешков А.Н.* Термины в языке художественной литературы: теоретический, функциональный и лингводидактический аспекты / Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. - Т.7. - № 5-2. - С.250-253.
3. *Стризов А.Л.* Исторический текст как научный нарратив // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. - 2012. - № 2. - С. 172-178.
4. *Шайкин А.А.* Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. - 2004. - С. 505 -525.
5. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет // Санкт-Петербург: Лань, 2013. - 142 с.
6. *Шелемова А.О.* История древней русской литературы: метод. пособие // Москва: ФЛИНТА. 2-е изд., 2015. - С. 14.

10.02.01

В.В. Карпова

Вологодский государственный университет,
Институт культуры и туризма,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Вологда, vasilisakarpova@gmail.com

МУЛЬТФИЛЬМ «МАЛЕНЬКАЯ ВАСИЛИСА» (2007): КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена проблемам лингвокогнитивного анализа медийных текстов с фольклорной прецедентной основой. Материалом для наблюдений служит персонажный и закадровый текст мультипликационного фильма «Маленькая Василиса» (2007).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвофольклористика, волшебная сказка.

Короткометражный мультипликационный фильм «Маленькая Василиса», созданный студией анимационного кино «Мельница» в 2007 году (режиссер – Дарина Шмидт), привлек наше внимание в контексте изучения концептосферы эпических жанров русского фольклора и её отражения в новых дискурсивных практиках (4). Теоретическую основу нашей работы составили исследования по лингвофольклористике (6,8) и фольклорной концептологии (9). В практике анализа текстовой основы мультфильма мы ориентировались на опыты подобных исследований в работах Е.Н. Ильиной и В.С. Тиво (3).

«Маленькая Василиса» - это сказка-коллаж, созданная на основе нескольких сюжетов восточнославянских волшебных сказок. Фольклорные тексты, послужившие основой для создания мультфильма «Маленькая Василиса»: «Дочь и Падчерица» («Чудесный колокольчик») «Морозко», многочисленные сюжеты про Бабу Ягу.

Сюжет мультфильма сохраняет черты волшебной сказки, реализует их в процессе представления концептов, присущих волшебной сказке: *помощь, заговор, бегство, погоня* (3), формируется вокруг ключевых событий вредительства (злые люди заключают Василису в землянку; Баба-яга задерживает Василису, желая съесть её) и ликвидации вредительства (бегство из землянки; спасение от Бабы-Яги) (4). Сказочность сюжета подкрепляется реализацией в мультфильме мотивов обретения волшебных помощников (медведь дядя Миша, мышка, кот) и волшебных средств (горшок с маслом, гребень, платок). Взяв за основу вторичного текста основные моменты сюжета сказки «Морозко», авторы текста «Маленькой Василисы» существенно расширяют и дополняют его.

Во-первых, в сказочном тексте нет родной дочери от отца и мачехи (Ср. «Дочь и падчерица»). Финал сказки не содержит мотива «принятия» неродной дочери (Ср. «Морозко»). Герои («мужик и баба») бесследно пропадают в лесу Бабы Яги. Во-вторых, отец и мачеха дают Василисе «чудесное» задание: «*Для хозяйства она мала была. Посадили ее лоскутки сшивать*», цели «загубить» в лесу они не преследуют. В-третьих, анимационный сюжет содержит постепенное усложнение задачи: «*Будешь в доме сидеть*»; «*Будешь в подвале сидеть*»; «*Отвезу в лес в землянку посажу, там ее никто отвлекать не будет*». В-четвертых, нет демонстрации хозяйственности девочки в землянке медведя, нет мотива «дарения». В-пятых, медведь («*дядя Миша*») становится волшебным помощником в борьбе с Бабой Ягой (Ср. «Чудесный колокольчик»).

Баба Яга получает множество именовании: «старуха», «мухоморина», «Яга-бабушка». Принадлежность к иному миру выражается иначе, чем в тексте народных сказок. Классическое «русским духом пахнет» из уст Бабы-Яги не получает вербализации вовсе, зато физиологически выражено процессом активного вдыхания воздуха. Таким образом, считать смысл данного физиологического процесса могут только читатели, знакомые с текстами народных сказок.

Центральный персонаж мультфильма – сирота Василиса. Черты ее образа можно найти в русской народной сказке «Василиса Прекрасная»: это имя, возраст (примерно 8 лет) и непосильные работы, получаемые от мачехи (в нашем случае – от злых людей). Василиса изображена симпатичной маленькой девочкой, которой не чужды детские увлечения (игры с другими ребятами) и наивность (она не сразу замечает злые намерения Бабы-яги). Вместе с тем девочка обладает очень сильным характером: оставшись сиротой и попав в «рабство» злых людей, она не унывает и стойко выдерживает трудности. Василиса показана добрым ребенком, она помогает нуждающимся (кормит кота Бабы-яги) и не оставляет друга в беде (спасает запутавшуюся мышку). Вокруг Василисы формируется система персонажей, которые делятся на «своих» (зооморфные спутники-помощники) и «чужих» (злые люди, Баба-яга).

МУЖИК: *Василиса! Мне это надоело!*

МУЖИК: Не хочешь здесь работать?

МУЖИК: *Отвезу тебя в лес!*

МУЖИК: В землянку посажу, там ее никто отвлекать не будет!

Посредством речи медведь в мультфильме характеризуется как положительный герой: «Вот тебе колокольчик»; «Извиняюсь!»; «Счастливо!»; «Лучше уберу, а то сломаю». (Ср. оригинальный текст: «Ночью вломился медведь. «Ну-ка, деушка, - говорит, - туши огни, давай в жмурку играть». Гоняется медведь за мышкою - не поймает; стал реветь да поленьями бросать»). Активация действия волшебных предметов проходит в несвойственной традиционной сказке манере: формы будущего времени используются вместо императивных: «Берёшь горшок с маслом» (Ср. традиционный текст: «Брось платок»; «Брось гребешок»). Благодаря этому демонстрационному принципу мотив погони не кажется устрашающим. Функцию устрашения с мультфильме выполняют графические приемы в изображении Бабы Яги.

Сказка-коллаж «Маленькая Василиса» отвечает современным условиям фольклорной коммуникации. Очевидно, что слушатель или адресат (в условиях экранизации) нуждается в особых прагматических установках в силу того, что разделен временем с эпохой создания и активного воспроизведения фольклорных текстов. В данном случае это внетекстовые компоненты (музыкальные, графические) (1). Соединение нескольких сюжетных линий в данном случае, а именно использования коллажа в интерпретации сказочных сюжетов, также способствуют созданию гармоничной атмосферы рассказывания сказки. Коллаж собран из элементов, принадлежащих одной фольклорной традиции, и призван приобщать слушателя к общим смыслам сказочной концептосферы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»)

Список литературы

1. Венгранович М.А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Венгранович Марина Александровна. – Тольятти, 2006. – 40 с.
2. Ильина Е.Н., Карпова В.В., Тиво В.С. Концептосфера русского фольклора и ее отражение в новых дискурсивных практиках: монография. – Вологда: ВоГУ, 2020. – 196 с.
3. Ильина Е.Н., Тиво В.С. Ономастическое пространство мультфильмов о русских богатырях студии анимационного кино «Мельница» // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 84–96.
4. Карпова В.В. Концепт чудо в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дисс.канд. филол. наук. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 211 с.
5. «Маленькая Василиса»: мультипликационный фильм [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3bm0X4kAqWc>
6. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. – Курск : Кур. гос. ун-т , 2010. – 231 с.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва: Лабиринт, 2001. – 147 с.
8. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 152 с.
9. Черноусова И.П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки былины): автореф. дис. докт. филол. наук. – Елец, 2015. – 51 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***Д.А. Борисов, Н.В. Жарёнова, Ю.Н. Зинцова**

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа перевода, кафедра английского языка,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород, borisov@lunn.ru, dmitrab@yandex.ru, zintsova@mail.ru

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА *GRÖLEN*
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕЙЦАРСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассмотрена специфика глагола «grölen» с точки зрения описания особенностей его семантической структуры и характера функционирования в швейцарском газетном дискурсе. Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что языковая единица, не являющаяся многозначной и характеризующаяся достаточно невысокой частотностью использования, тем не менее, в процессе экспликации в текстах публицистического типа, обладает способностью к реализации разнообразных лексических и стилистических компонентов значения.

Ключевые слова: глагол, лексическая единица, лексико-семантический вариант, синонимический ряд, публицистический дискурс, семантический потенциал, прагматический потенциал.

Значение каждой лексемы обладает комплексом потенциальных возможностей, реализующихся для данной лексической единицы в различных коммуникативных ситуациях и определяющих ее место в смысловом и прагматическом уровнях текста. Способность полнозначных лексических единиц вызывать конкретно-чувственные, эмоционально-оценочные и другие представления о том или ином объекте реальной действительности или «реалии сознания» определяет его участие в формировании образного строя текста и эмоциональной тональности [1, с. 276]. Особенно это релевантно для текстов публицистического характера, в которых языковые средства используются для разных целей: усиления выразительности, привлечения и поддержания внимания, воздействия на читающего, и др. Поэтому для данного исследования была выделена задача проследить, каким образом осуществляется изменение характера лексического значения конкретной языковой единицы в публицистическом тексте, используемом, как правило, для описания широкой сферы общественных отношений: политических, экономических, культурных, и под.

Исследование проводилось на материале немецкого языка и его швейцарского национального варианта [2, с. 60]. В качестве объекта исследования был использован глагол «grölen» лексико-семантические варианты (ЛСВ) которого изучались в несколько этапов. Сначала они были рассмотрены с позиций семного состава их лексических значений на основе лексикографических источников [5; 6]; а затем семантическая структура данных ЛСВ была исследована на предмет наличия их семантических компонентов у других глаголов с подобной семантикой, что позволило, таким образом, выявить семантический потенциал глагола «grölen». Заключительным этапом изучения являлся текстовый анализ, материалом для которого послужили статьи швейцарской газеты «Neue Zürcher Zeitung» за 2000 – 2020 гг. С помощью метода сплошной выборки из номеров газеты «Neue Zürcher Zeitung» [7] были отобраны контексты, содержащие глагол «grölen», реализующийся в выявленных контекстах во всех его словарных значениях. Подобным образом осуществлялся также отбор

примеров с синонимичными лексемами изучаемого глагола. На основе полученного материала был исследован прагматический потенциал глагола «grölen», а именно: дополнительные значения как самого глагола, так и его синонимов, смена стилистического регистра данных языковых единиц, смещение в их семантической структуре денотативного и коннотативного компонентов значения.

Таким образом, на начальном, лексикографическом этапе исследования значения были выявлены следующие лексико-семантические варианты глагола «grölen»: **grölen₁** – (*besonders von Betrunkenen*) *laut und misstönend singen oder schreien* – (особенно о пьяных) громко и фальшиво **петь** или **кричать**, например: *Die Betrunkenen grölten vor dem Wirtshaus.* – Пьяные громко и фальшиво **пели** перед рестораном. *Die Zuschauer grölten vor Begeisterung.* – Публика **громко кричала** от восторга [5; 6]. Данные примеры описывают состояние подвыпившего человека, поющего песню, испытывающего при этом чувства радости, веселья, демонстрирующего хорошее настроение; **grölen₂** – *laut in nicht sehr schöner Weise singend [oder schreiend] von sich geben* – издавать громкие и не в совсем хорошей манере звуки пения (или крика), например: *Die Menge grölte alte Trinklieder.* – Толпа **громко пела** старые застольные песни [5; 6].

В словарном составе немецкого языка выявляются глаголы со сходными значениями. Так, в соответствии со словарем синонимов, семантику глагола «grölen» в разной степени репрезентируют следующие глагольные лексемы: *singen, rufen, summen, schreien, trillern, brüllen, lärmern, schrillen, plärren, anstimmen, randalieren, kreischen, schmettern, donnern_{1b}, gellen, jodeln, johlen, trällern* [8]. Данные глаголы с общим значением «горланить, громко кричать, петь» образуют в немецком языке несколько синонимических рядов, в зависимости от значения исходного глагола.

Первый синонимический ряд образуют глаголы, репрезентирующие значение «издавать звуки громкого пения». Данный корпус единиц составляют 9 глаголов и лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которые обозначают различные виды и качество пения: *singen₁, ²summen₂, trillern₁, plärren_{1b}, anstimmen_a, schmettern_{2b}, jodeln, johlen, trällern*. Среди выявленных глагольных лексем выделяются глаголы, имеющие эмоциональную семантическую составляющую. Это такие ЛЕ и ЛСВ, как *grölen₁, plärren_{1b}, jodeln, schmettern_{2b}, trällern, trillern*. Данные лексемы имеют большую частотность использования в публицистическом дискурсе, что показывается на многочисленных примерах [7]:

grölen₁: *Die Musik ist dröhnend laut und stampfend, die Lichtshow ist bescheiden, und auch die schwitzenden Leute, die im praktisch ausverkauften Hallenstadion tanzen, Refrains grölen, die Arme im Takt schwenken*; **plärren_{1b}** – «горланить», например: *Sie plärren ein Lied*; **jodeln** – «петь с переливами»: *Also, jodeln kann sie nicht, ich selbst jodle auch nicht mehr*; **schmettern_{2b}** – оглушительно громко петь, например: *Er schmettete sein Lied in den Saal*; **trällern / trillern** – весело напевать, например: *Diesmal muss Robert nicht im Winter, sondern im Herbst trällern.*

В данном синонимическом ряду выделяется также подряд синонимов с нейтральными значениями «петь, запевать, напевать»: **anstimmen_a** – «запевать», например: *Als die drei Sängerinnen der Band Monroe ihre Ballade „All or Nothing“ anstimmen, werden die ersten Töne vom Kreischen der Fans übertönt*; **singen₁** – «петь»: *Die Sternsinger klingeln an jeder Haustür, sagen ihre Verse auf und singen ihr Lied: «Zu Bethlehem geboren»*; **²summen₂** – «напевать в полголоса», например: *Die steinernen Figuren sollen flüstern, plappern, lachen, Geschichten erzählen, summen, singen, prusten, sich gegenseitig antworten.*

Второй ряд синонимически близких глаголов выделяется по значению «кричать, выражаться громким голосом» (*mit lauter Stimme äußern*). Этот синонимический ряд включает 7 глаголов и ЛСВ: *rufen_{1,3,4}, schreien_{1,2}, brüllen₂, lärmern, randalieren, kreischen₁, donnern_{1b}*. В данном значении прагматический потенциал глагола «grölen» в публицистическом тексте репрезентируют следующие примеры. Среди них есть также, как и в первом ряду, элементы, характеризующиеся дополнительными эмоциональными семами: **brüllen₂** – «рычать», например: *Die Stimmung ist aggressiv, die Umstehenden brüllen „Hau ab, hau ab“*; **kreischen₁** – «визжать», например: *Die Teenager kreischen, die Erwachsenen mokieren*

sich; **plärren** – «пронзительно кричать»: *Diskutieren können die Kinder vom Big Brother Kindergarten, sie plärren, weinen, schreien, beleidigen, wenn man sie anspricht.*

Нейтральными оттенками значения обладают: **lärmern** – «шуметь», например: *Man hörte die Kinder auf der Straße lärmern*; **rufen**_{1,3,4} – «кричать»: *Dieses Urteil ist eine Ohrfeige für all jene, die glauben, man brauche nur laut „Fortschritt, Zukunft und Arbeitsplätze“ zu rufen*; **schreien** – «кричать»: *Die Spieler können nur noch schreien vor Freude.*

Примечательно, что сам глагол «grölen» получает в публицистическом дискурсе довольно широкий спектр дополнительных, не зафиксированных в словаре, значений. В семантическом пространстве «издавать звуки громкого пения» данная глагольная единица пополняется следующими значениями: **grölen**₃ – «подпевать», например: *Als der Mann ... «We weren't born to follow» singt, folgen sie ihm freudig, ... klatschen den Takt und grölen «Yeah yeah yeah»*; **grölen**₄ – «напевать», например: *Sie klatschten und tanzten zwischen den Sitzreihen des Musicaltheaters ..., sangen aus voller Kehle ... «Let it Be» und «Hey Jude» und grölten den Ohrwurm-Refrain «Na na nanana naa»*; **grölen**₅ – «громко петь»: *In Lissabon wandten sich rund 300 Demonstranten, die mit ausgestrecktem rechtem Arm die Nationalhymne grölten, gegen die angebliche Invasion des Landes durch ausländische Kriminelle*; **grölen**₆ – «читать рэп»: *In die «slawisch» aufrauschenden Sanfona-Akkorde grölen Fagner und Gonzagão Hochtempo-Raps, der Song mündet überraschend in einen mehrstimmigen Chor*; **grölen**₇ – гроулить (гроулинг – прием пения с расщеплением связок в некоторых экстремальных музыкальных стилях [3]), например: *Und die Hardcore-Fans vor der Bühne springen auf und ab, grölen inbrünstig die Refrains der alten Hits mit.*

Относительно второго словарного значения, демонстрируемого глаголом «grölen», публицистический дискурс также позволяет выявить ряд новых, не зафиксированных оттенков значения: **grölen**₈ – «скандировать», например: *Die Fans grölten den gegnerischen Supportern fortan den Slogan*; **grölen**₉ – «кричать от радости»: *Die Zuhörer grölten zwar vor Begeisterung, doch Anne Morrow wusste, was ihr Mann sich damit hatte zuschulden kommen lassen*; **grölen**₁₀ – «кричать одобрительно»: *Serges Kameraden grölen Zustimmung*; **grölen**₁₁ – «кричать в знак приветствия (о большой группе народа)»: *Uno-Soldaten in ihren Panzerwagen werden grölend begrüßt und ins Quartier eingelassen*; **grölen**₁₂ – «кричать неодобрительно», например: *Wer auf öffentlichen Plätzen gegen grölende Raufbolde einschreitet, wird sogar mit einer Plakette belohnt*; **grölen**₁₃ – «кричать во все горло»: *«Aua! Aua! Aua! Aua! Aua!», grölten die Pubertierenden aus einer Kehle*; **grölen**₁₄ – «кричать от ужаса», например: *In ihrem Archiv befindet sich ein Video, das zeigt, wie vor einer grölenden Menge drei Usbeken bei lebendigem Leibe verbrannt werden*; **grölen**₁₅ – «пьяно орать», например: *Dann sitzen sie in Sesseln aus Flugzeugen oder Bussen, trinken Bier und grölen.*

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, глагол «grölen» является амбивалентным, то есть содержит в своей семантической структуре значения, противоречащие друг другу [4]. Т.е. пение, выражаемое значениями исследуемой лексической единицы, может оцениваться как положительно, так и эмоционально негативно.

В ходе исследования также выяснилось, что изучаемый глагол пополняется, по итогам анализа его функционирования в публицистике, также еще одним значением, отличным от первых двух словарных, т.к. не содержит семантики громкого пения или криков (или манеры разговаривать), а является обозначением громкого смеха (хохота), например: **grölen**₁₆ – «смеяться»: *Shaun White machte Faxen, die Zuschauer grölten*; **grölen**₁₇ – «хохотать», например: *«Wir grölten vor Freude», das ist das Maximum an von Glühwein, die den Zeltbauern zuteil wird.* «grölen» в данном значении также формирует синонимический ряд глаголов, которые, по данным газеты «Neue Zürcher Zeitung», продуктивны в плане использования их в текстах статей. К данному синонимическому ряду относятся: 1) нейтральные глаголы, такие как *herausplatzen, kichern*; 2) эмоционально-окрашенные и экспрессивные глаголы, а также просторечия, которые включают в себя *feixen, kugeln, losbrüllen, quietschen, schieflachen, totlachen, wiehern.*

Таким образом, по результатам исследования становится понятно, что практически любая лексическая единица, обладающая даже небольшим объемом лексико-семантических вариантов, актуализируясь в текстах (особенно публицистического характера), демонстрирует широкий потенциал значений и оттенков значений. Так, выявляется, во-первых, что глагол «» имеет солидное количество синонимов относительно каждого словарного лексико-семантического варианта, т.е. обладает хорошим семантическим потенциалом. Во-вторых, он довольно активно используется в швейцарском газетном дискурсе. В-третьих, анализ полученных примеров позволяет выявить множество дополнительных оттенков и новые значения глагола «», что свидетельствует о его большом прагматическом потенциале и позволяет говорить о перспективах дальнейших исследований.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука. – 2009. – 520 с.
2. Борисов Д.А., Жарёнова Н.В., Тазетдинова Н.А. Речевой портрет швейцарских политиков // Казанская наука. – 2020. - №5. – С. 60-62.
3. Академик, 2000 - 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/72511>.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим". – 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/210-%D0%B0%D0%BC-%D0%B1%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.
5. Duden: Bibliographisches Institut GmbH, 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/gr%C3%B6len>.
6. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de/wb/gr%C3%B6len>.
7. Neue Zürcher Zeitung, 2000 - 2020 [Electronic resource]. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/faces/investigation/results.xhtml>.
8. Wortschatz Universität Leipzig, 1998 - 2021 [Electronic resource]. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2020&word=gr%C3%B6len.

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²И.В. Пашаева канд. филол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков № 2,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, pashaeva@istu.edu, fedoryuk@rambler.ru

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В научной статье рассмотрены актуальные проблемы филологической науки, такие как нарративный дискурс и фразеологические интенсификаторы. Исследована роль фразеологического интенсификатора в речевом акте нарративного дискурса. Подробно рассмотрены примеры, в которых фразеологические контексты – это Макрособытия, протекающие во времени и описывающие последовательные события. По результатам проведённого исследования сделан вывод о ключевой роли интенсификаторов в процессе событийной модели мыслительной деятельности.

Ключевые слова: фразеологический интенсификатор, нарративный дискурс, событийная модель, речемыслительная деятельность, градуальность, континуальность.

Изучение принципа системного подхода к такому явлению как фразеологические интенсификаторы, является актуальным для филологической науки. Для того, чтобы исследовать определенные параметры фразеологических интенсификаторов, необходимо использовать максимально полный контекст, которым, по мнению А.М. Каплуненко, является дискурс. Само определение дискурса предполагает адекватную интерпретацию тех знаний, которые находятся вне речевого акта и имеют определённую точку зрения на данное языковое общение [4]. Одним из лучших определений понятия дискурс, по нашему мнению, следует считать определение В.З. Демьянкова, который характеризует дискурс как одно предложение или независимая часть произвольного высказывания, концентрирующееся и создающее весь контекст [3]. Это могут быть как действующие лица, так и объекты. Имеющий логическую структуру, дискурс состоит из последовательных элементарных пропозиций, связанных логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. [5]. Ю.С. Степанов высказывает точку зрения, что элементами дискурса следует считать излагаемые события, участников этих событий, перформативную информацию и «не-события». К не-событиям относятся: обстоятельства, сопутствующие этим событиям; фон, вносящий ясность в эти события; оценка участников событий, а также информация, сопоставляющая дискурс с событиями [2], [10]. Мы придерживаемся точки зрения М.Л. Макарова, который по коммуникативной направленности речевого акта, делит дискурс на следующие типы: нарративный, директивный, пропагандистский, аргументативный [8].

Целью нашего исследования является изучение роли коммуникативного предназначения фразеологических интенсификаторов в нарративном дискурсе. Нарративный дискурс характеризуется нарративным текстом, который представляет последовательно сжатые события [6]. Мы рассматриваем событие с точки зрения сложного когнитивно-семантического единства, используя событийную модель В.Я. Шабеса, включая некоторые категории модели события Л. Талми. Данная модель содержит в дискурсе категорию «Макрособытие», которое состоит из следующих моментов: Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие [11]. Приведём примеры, в которых фразеологические контексты – это Макрособытия, описывающие последовательные события, связанные во времени:

«It was cool and dark and a trickle of water flowed down the bed of a tiny, limpid stream. The spot was propitious. He gave the horse a touch of his spurs and galloped **hell for leather** till they came to the wood. He jumped off and lifted Catalina down» [13, 205].

How pretty the Tuscan landscape was! Suddenly he pulled his horse up. The servants came up with him to see if there were anything he wanted and to their surprise saw that he was shaking with silent laughter. He saw the look on their faces and laughed all the more, then without a word clapped his spurs to the horse's flanks and galloped **hell for leather** down the road till the poor brute, uncustomed to such exuberance, slackened down to its usual steady amble [14, 216].

«He gave the horse a touch of his spurs» и «...then without a word clapped his spurs to the horse's flanks» являются в данном дискурсе ассертивами, в которых содержатся пропозиции. Пропозиции, в свою очередь, включают Пресобытия, которые порождают Эндособытия, вербализованные пропозициями: «and galloped hell for leather», «galloped hell for leather down the road». После Эндособытий во времени мы наблюдаем консекutive Постсобытия, которые внешний интерпретатор воспринимает как события – следствия Эндособытий: «till they came to the wood» и «till the poor brute, uncustomed to such exuberance, slackened down to its usual steady amble».

Пресобытия и Постсобытия отделены от эндособытий темпоральными событиями предлогом till, который указывает на то время, до которого совершалось Эндособытие. В этих примерах для нас актуальным являются Эндособытия, поскольку содержат фразеологические интенсификаторы. Эндособытие является континуальной единицей, происходящей во времени, в связи с этим, включает такие компоненты, как: Потенциал – Реализация – Результат.

Рассмотрим эти компоненты в последовательности. «he gave the horse a touch of his spurs» и «then without a word clapped his spurs to the horse's flanks» являются ассертивами, которые воспринимают Пресобытия, формируя адекватные Потенциалы Эндособытий, входящие в результаты каузативных Пресобытий, находящиеся в тесной связи данными Эндособытиями. Из контекстов данного дискурса, в котором описываются Пресобытия, нам становится понятно, что Эндособытия включают полные Потенциалы, состоящие из следующих категорий: Агенса (he), Предикаты (clapped, gave a touch), Материалы (horse's flanks), Инструменты (spurs), Фигура (horse).

Все этапы превращения Потенциала Эндособытия в Результат фиксирует Реализация, представленная в этих примерах цельным, континуальным и интенсивным процессом. В этих двух примерах фразеологический интенсификатор «hell for leather» усиливает процессы Реализации Эндособытий. В то же время, второму примеру Реализации Эндособытия характерен градуальный тип. Данная градуальность Реализации выражена пропозицией ассертивов, в которые включены такие предикаты, как «galloped hell for leather» и «slackened down to its usual steady amble». В связи с этим, Реализация является градуальной трансформацией Потенциала в Результат, а фразеологический интенсификатор в приведённых примерах имплицитно выражает интенсивность процесса Реализации Эндособытия. Сопоставляя данный нарративный дискурс, в котором присутствует фразеологический интенсификатор с моделью события, мы видим проявление вербализации континуального и градуального сторон события. Таким образом, фразеологический интенсификатор в представленных примерах нарративного дискурса является знаком, который указывает на континуальность события.

Согласно точке зрения Н.Д. Арутюновой, семиологические отношения к событию характеризуются не происхождением, а его интерпретацией. Другими словами, явление познаётся в силу многочисленных связей с другими явлениями (событиями) в разных сферах. Дать характеристику событию – значит проанализировать все связи этого события с другими событиями и определить то основное и значимое в общей совокупности связей [1].

В процессе сопоставления нарративных текстов с данной моделью события, мы выявили еще одну важную особенность текста. Эта особенность заключается в том, что прагматическая направленность самого текста, указывает на коммуникативно значимые категории событийной структуры [9].

Коммуникативно значимое событие, в котором присутствуют фразеологические интенсификаторы, в научных работах рассматривает У. Лабов. Исследователь приходит к выводу, что целью интенсификатора в нарративном дискурсе является выдвижение на первый план важных и значимых событий в речевом акте [7], [12].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что фразеологические интенсификаторы являются такими языковыми средствами, которые характеризуются силовой динамикой события, а также знаком события, указывающий на градуальность и континуальность события. В нарративных дискурсах, которые содержат фразеологические интенсификаторы, главная роль принадлежит когнитивным компонентам, представленные в данной модели событий. Данная модель является объемной и континуальной, поскольку нацелена не на реальные и объективные события дискурса, а на когнитивно-коммуникативный процесс речемыслительной деятельности. Фразеологические интенсификаторы в нарративном дискурсе играют роль Предиката и вербализуют аспекты события в динамике.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988а. 338 с.
2. Баребина Н.С. Отрицательная оценка в дискурсе опровержения. Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 70-75.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33.
4. Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): Дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04. М: МГЛУ, 1992. 351 с.
5. Костюшкина Г.М. Теория дискурса во французской лингвистике Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № S1. С. 101-107.
6. Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на заданную тему Записки з романо-германської філології. 2013. № 1 (30). С. 115-124.
7. Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 96-104.
8. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1998. 199 с.
9. Семенова О.Ф. Контекстные стратегии аргументации в политическом дискурсе российских руководителей Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 279-283.
10. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца XX века. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1995. С. 35-73.
11. Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 176 с.
12. Labov W. Intensity. Meaning, Form and Use in Context: Linguistic Applications. Washington D.C.: Georgetown University Press, 1984. P. 43-70.
13. Maugham W.S. Catalina. London: William Heinemann Ltd., 1978. 256 p.
14. Maugham W.S. Then and Now. London: William Heinemann Ltd, 1946. 229 p.

10.02.04

А.В. Гуркова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков, кафедра английского языка,
Орехово-Зуево, avgurkova@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ

Данная статья посвящена вопросу воплощения времени в художественном тексте. Автор рассмотрел способы воплощения времени в художественном тексте фантастического жанра и взаимодействие времени художественного, читательского, фактического, авторского и сюжетного.

Ключевые слова: категория времени, художественное время, фактическое время, диктема, художественный текст.

Художественное произведение представляет собой особое явление, в котором автор упорядочивает все происходящие события с помощью времени. Свойства времени в тексте практически безграничны. Оно может сжиматься, растягиваться, бежать, лететь, стоять и т.п. С помощью времени можно не только проследить хронологию событий произведения, но и создать живописную и детальную картину целой эпохи. Таким образом, время в тексте выступает в качестве вполне самостоятельного образа, который вплетается в художественную ткань произведения и становится с ним неразделимым, так как влияет не только на ход событий, но и на художественную наполненность текста того или иного жанра.

Понятие времени относительно художественного текста стоит разделить на несколько категорий, которые существуют как отдельно, так и взаимодействуя вместе, создают неповторимые художественные образы.

Фактическое время создания художественного произведения отражает непосредственную дату или период, в который автор работал над своим творением. Реальное время создания не стоит недооценивать и относиться к нему, как к обыкновенному числовому отображению даты. Лингвисты и литературоведы имеют серьёзное подспорье при анализе художественного произведения, зная дату его создания (иногда точную, иногда примерную, но отражающую период). Ни для кого не секрет, что в книгах мы всегда можем найти отголоски эпохи, а иногда и самые её ярчайшие образы, которые полностью соотносятся с не только с проблемами, но и веяниями того периода времени, в котором творит автор. Однако, зачастую время, которое описывает автор в своем произведении, не совпадает с тем, в котором он живёт. Художественное произведение является продуктом творчества автора, который создаёт в нем особую эстетическую реальность. [5]

Существует три временные плоскости, которые характеризуют художественное произведение: время создания текста, время, к которому разворачиваются действия произведения, и время читателя. Мы разберем данное явление на примере книги «Гарри Поттер и проклятое дитя. Части первая и вторая. Финальная версия сценария» Роулинг Дж.К., Тиффани Джон, Торн Джек.

Фактическое время создания пьесы 30 июля 2016 год. К этому моменту Роулинг Дж.К. закончила работу над семью книгами о мальчике, который выжил, получила многочисленные награды и продолжала работать над миром волшебников.

1 сентября 2017 года – время, в которое начинают разворачиваться события данной пьесы. Данное время определено автором в хронологии Гарри Поттера.

Время читателя является временем восприятия читателем художественного произведения.

Время, которое представлено в произведении, является очень сложным и многогранным понятием. Действия произведения разворачиваются в нескольких временных, а следовательно, и пространственных плоскостях, так как главные герои совершают не одно путешествие во времени. Помимо времени в его прямом понимании, мы встречаем в пьесе время в качестве конкретного образа, который появляется вследствие представления перед читателями специального изобретения. Времяворот – это предмет, который главные герои используют для путешествий во времени. Автор наделяет временной образ возможностью выполнять определённые действия. Например, оно может безжалостно тикать (однако «тик» — это звук, издаваемый исправным часовым механизмом, главной задачей которого является подсчёт времени).

“We’re back on platform nine and three-quarters and time *has ticked* on mercilessly. ALBUS is now a year older (as is HARRY, but less noticeably).” [8, стр. 22]

В следующем примере мы видим, как время совершает скачок, двигаясь дальше. Изменения длиною в целый год, за который главные герои, очевидно, повзрослели и изменились.

“And with that, time *moves* ever onwards – ALBUS’s eyes become darker, his face grows more sallow.” [8, стр. 27]

Время также может останавливаться, переворачивается, замедлять, размышлять, раскручиваться в определённом направлении, замедляться и ускоряться.

«And time *stops*. And then *turns over*, *thinks* a bit, and *begins spooling backwards*, slow at first... And then it speeds up.” [8, стр. 114]

Автор использует олицетворение в качестве средства выразительности языка для образа, наделяя время возможностью выполнять действия, которые свойственны живым существам. Данный троп усиливает образ времени как полноправного героя произведения.

Более того, во времени можно скрываться, в нём можно застрять и потеряться, словно оно обладает определёнными размерами и границами.

“We have good reasons to believe she’s hidden herself – in time.” [8, стр. 264]

“We’re – trapped – lost – in time – probably permanently.” [8, стр. 267]

Время может сломаться.

“And we’ll die and time will be stuck in the wrong position.” [8, стр. 282]

Герои показывают свою способность к невозможному: они управляют временем с помощью времяворота. Многие философы считали, что дать точное и полное определение времени невозможно, так как человек существует в настоящем, и с каждым мгновением настоящее превращается в прошлое, в которое нельзя вернуться. Однако авторы данной пьесы дают главным героям времяворот, который способен обернуть время вспять и вернуть их в любой отрезок прошлого, в которой они пожелают.

Другая характеристика, которой автор наделяет времяворот, существование лимита его действия. Мы видим, что герои могут совершать путешествия во времени в ограниченный временной промежуток, после чего они возвращаются в реальность. Стоит отметить, что изменения, которые производят герои в прошлом значительным образом влияют на их настоящее. Фактически они не проживают все события и изменения, которые делятся на протяжении 20 лет, а лишь делают скачок во времени. Данный скачок, с одной стороны, является нарочитым преуменьшением времени, который выступает в роле доказательства действенной работы времяворота, а с другой стороны создаёт ощущение мгновенного перемещения, являясь прямым признаком кратковременной длительности действия. Таким образом, автор использует художественное сжатие времени.

На протяжении пьесы читатель наблюдает за многочисленными перемещениями во времени. Это означает, что концептуальное время художественных событий постоянно меняется и именно его динамичность создаёт среду для движения.

Сюжетное время выполняет функцию создателя скорости повествования. Однако фабульное время пьесы устроено иначе. Оно представляет собой сдвиги во времени. Мы можем наблюдать хронологическую несовместимость, так как герои несколько раз

возвращаются в разные периоды прошлого. Этот приём создаёт некую временную «путаницу», но за счёт этого произведение имеет разветвлённую систему тайн и разоблачений. Таким образом художественное время оказывает влияние на читательское восприятие, что является приёмом мистификации.

Художественное время является неотъемлемой частью создания художественных образов произведения, которое обеспечивает читателю целостное восприятие произведения. Автор обращается с временем достаточно свободно. Хронология событий полностью подчинена автору и является серьёзным инструментом в писательском арсенале. Прошлое может выступать настоящим, а настоящее прошлым. Особенно важно время для произведения фантастического жанра, где герои могут путешествовать, к примеру, в прошлое. Время является особым образом, который помогает раскрывать образы героев, в так же влияет на читательское восприятие, его эмоциональное восприятие.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975 г.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979 г.
3. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957 г.
4. Литературно-энциклопедический словарь; под ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева, М., 1987 г.
5. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения //Вопросы литературы. 1968 г. № 8. С. 74-87.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970 г.
7. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974 г.
8. Роулинг Дж.К., Тиффани Джон, Торн Джекс., Гарри Поттер и проклятое дитя. Части первая и вторая. Финальная версия сценария 2016.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996 г.
10. Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М., 1984 г.
11. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993 г.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999 г.

10.02.04

И.А. Дини д-р филол. наук, С.Б. Цолоева, А.В. Арепьев

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
kuprieva@yandex.ru,

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
Москва, seda.tsoloeva7@yandex.ru, avarepev@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена описанию специфики гендерно обусловленного речевого поведения мужчин. Отмечается, что политический дискурс представляет собой зону мужской ответственности. Более того, политическая арена позволяет мужчинам создавать образ сильной личности, поддерживать его, уничижительно относиться к женщинам посредством иронии, не допуская последних к политической сфере.

Ключевые слова: *речевое поведение, мужчина, политический дискурс, английский язык, гендер.*

В современном обществе, даже с учетом его кажущейся толерантности и приоритета гендерного равенства, считается, что политическая сфера, в основном, не женское дело, поскольку дипломатия – удел опытных политиков-мужчин. Это известное правило, редко имеющее исключения, стабильно подтверждается количественным соотношением женщин и мужчин на арене политических событий. Попытка численно уравновесить обе стороны и установить баланс равенства полов стала особенно актуальной на рубеже XX-XXI веков. Именно в этот период времени с невероятной силой стали развиваться радикальные политические движения, идеи феминизма, преимущественно, в странах Запада. Однако мужское сообщество все равно так или иначе противостоит женскому началу и формирует свои антифеминистические направления. Тем не менее, политический дискурс не исключает ни мужского ни женского речевого поведения, а, наоборот, профилирует их взаимодействие и противостояние одновременно. В фокусе внимания находятся гендерные стереотипы, которые уже задолго до коммуникативного акта предсказывают его исход. В большинстве случаев такие стереотипы появляются в области речевого поведения людей противоположных полов [1].

Если говорить об изученности данного вопроса, можно обратить внимание на разнообразные лексические средства и синтаксические конструкции, характерные для женской или мужской политической речи. Такие проблемы поднимаются в разного рода научной литературе. Многие исследователи приходят к выводу о том, что категория гендера в языке пронизывает все слои языковой иерархии, касаются также речевых стратегий и тактик формирования текста. Соответственно, гендерные особенности речевого поведения все также мотивируют к изучению женского и мужского поведения, объективируемого в политическом дискурсе, медиа-дискурсе, в политическом дискурсе, медиа-дискурсе.

К настоящему времени в научной среде накопилось достаточное количество трудов, которые постулируют языковую и гендерную корреляцию в языковой сфере, которая выражается не только в хронотопе, непосредственно живой речи, но и результатах интеллектуального труда, выраженных в законодательных инициативах. Так, в законных и подзаконных актах, предлагаемых женщинами, в приоритете оказываются семейные ценности и дети. В фокусе внимания мужчин-политиков, как правило, оказываются вопросы импорта-экспорта, банковской сферы, военных действий, дипломатии. В том случае, если женщина-политик включается в вопросы защиты границ, то ее решения в основном

направлены на диалог, в то время как мужчина занимает оборонительную позицию. В этой связи профессор психологии (Гарвардский университет, США) Кэрл Гиллиган отмечает: «Женщины обладают большей нравственной силой, у них более высокие этические нормы и особая способность устанавливать и поддерживать хорошие отношения с людьми, т.е. все качества настоящего политического деятеля» [2].

Гендерные политические мысли вербализуются посредством разных языковых средств. В частности, в политической речи мужчин регулярно присутствуют термины, интернационализмы, сухие, лишённые эмоциональной составляющей фразы, количество слов в предложениях минимальны. В то же время в женском дискурсе встречаются эмоциональные высказывания, избыточные специфическими образными средствами, словами с положительной/отрицательной коннотацией, сравнениями.

И если говорить непосредственно о гендерном противопоставлении в политическом дискурсе, мужское речетворчество отличается безразличием к грамматике. Это очевидно и иллюстративно на примере речи Билла Клинтона на дебатах 1992 года с Джорджем Бушем-младшим, где первый использует разговорное сочетание слов *you bet*, видоизменяя местоимение *you*, превращая таким образом фразу в просторечье *I'll tell ya*.

Политическое речетворчество Дональда Трампа в основном носит неформальный стиль. Однако при этом ученые единогласно сходятся во мнении, что такая позиция, скорее сокращает дистанцию между лидером и электоратом, нежели упрощает речь политика, указывает на его пренебрежение правилами речевого политического этикета. Например, речь идет о таких фразах как *I wanna*, *Im for it*, и обращения, которые напоминают общение между старым товарищами или близкими людьми: *I mean*; *look*; *okay*; *you know* и т.д. [3].

Кроме панибратского диалога политический лидер в своем речетворчестве обязан постулировать образ сильной личности, держать марку сильного мужчины, что естественным образом способствует формированию политического имиджа и транслирует силу. Например, американский демократ Э. Спитцер описывается журналом *The Atlantic* посредством метафоры *The Hammer of the Thor* (молот бога войны Тора). Нередко с этой же целью в политический дискурс вводятся понятия «бандит», «криминальный авторитет», специально акцентируются половые признаки [5].

Кроме языковых средств, непосредственно описывающих самого политика, речевое поведение дипломатов и партийных деятелей пестрит ироничными нотами. В данном случае, не только сами спичрайтеры, но и выступающие профилируют абсурдность фактов, ослабляют либо, наоборот, приумножают чьи-либо заслуги, например: *It did take a Clinton to clean up after the first Bush and I think it might take another one to clean up after the second Bush*. В представленном предложении микшируются и похвала и порицание одновременно.

Для экспрессии при отсутствии желания акцентировать эмоциональную сторону зачастую политики-мужчины прибегают к созданию окказионализмов. Например, в речи Джорджа Буша появляется слово *misunderestimate*, которое является по сути блендом слов *misunderstand* и *underestimate*. Перевод такой лексической конструкции может быть только описательным, в серьезных политических произведениях это слово можно передать как «отсутствие понимания и правильной оценки» [4].

Регулярно в политическом дискурсе мужчины-политики зачастую намеренно противопоставляют себя женщинам-политикам, профилируя статус последних в качестве домохозяек. Например, в дебатах говорят императивно, *Iron my shirt! Iron my shirt!* В одном из дебатов такая фраза была иронично прокомментирована журналистом: *Two men in the audience offer Mrs Clinton some policy advice* [6]. И в том и в другом случае мягко или жестко речь идет о дискриминации по половому признаку.

Кроме системных средств объективации гендерного поведения в политическом дискурсе можно также отметить супрапропосемные средства, такие, как, например, интонация. Известная фраза Джорджа Буша (младшего) произносится с вопросительной интонацией, хотя по своей сути и содержанию имеет форму повествовательного предложения: *I think they are going to afford their education*.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, даже, если не проводить детальный лингвистический разбор речи политиков мужчин, нельзя не заметить специфические особенности их специфического речевого поведения, которое включает в себя скупость лексических средств, с одной стороны, и массу сарказма, с другой; сильную мужскую позицию, граничащую с противопоставлением себя женскому полу и непосредственное уничижение роли женщины в политике.

Список литературы

1. *Вершинина Д.Б.* Маскулинность как политическая ценность в контексте гендерного дискурса/ Полис. Политические исследования, 2011 – 33 с.
2. *Зуйкова Е.М.* Феминология и гендерная политика/ Ерусланова Р.И. – М.: Правда, 2001 – 56 с.
3. *Корецкая О.В.* Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа. Преподаватель XXI век. Роспечать, 2017 – 98 с.
4. *Сидоренко К.В.* Язык политики: средства создания юмора в политическом дискурсе. М.: Lingua mobilis, 2010 – 79 с.
5. El Mundo. – Mayo 15 – 2016 – 120 p.
6. The Economist. January 12 – 2008 – 36 p.

10.02.04

Л.Е. Корнилова канд. филол. наук

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт-Школа региональных и международных исследований,
кафедра романо-германской филологии,
kornilova.le@dvfu.ru

**ФОНОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КИТАЙСКИХ КСЕНОНИМОВ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ)**

В статье рассматривается фонографическая вариативность китайских ксенонимов в немецком языке; затрагивается вопрос о существующих системах латинизации китайских заимствований и различиях этих систем, приводящих к возникновению дублетов, и проблема фонографической ассимиляции китайских слов в немецком языке. Материалом исследования послужили произведения современных китайских писателей на немецком языке. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью китайских заимствований и их роли в современном немецком языке.

Ключевые слова: китайские ксенонимы, латинизация, фонографическая ассимиляция заимствований, культурно-языковые контакты.

Актуальность темы определяется недостаточной изученностью китайских заимствований, проблемой передачи их на немецкий язык и их ролью в современном немецком языке. Данная проблематика рассматривается автором в опубликованных в научных журналах «Известия Восточного института» и «Казанская наука» статьях на примере корейских и японских ксенонимов в немецком языке [7; с.26-36; 8; С. 75-80]. Автору представляется необходимым изучить китайские заимствования в немецком языке с точки зрения орфографической вариативности. Практическая значимость данного исследования состоит в возможности использования результатов исследования в учебных курсах по лексикологии немецкого языка, теории и практике перевода, для разработки спецкурса по проблемам перевода восточноазиатских ксенонимов с немецкого языка на русский язык.

Словарный состав современного немецкого языка прошел длительный путь становления. В обогащении немецкой лексики сыграли существенную роль заимствования из многих языков, в том числе из китайского языка. Заимствование не является механическим включением слова одного языка в другой: при заимствовании происходит изменение фонографического облика, коллигации и коллокации слова. На основе заимствованных и усвоенных слов и морфем образуются новые слова, которых нет в языке-источнике.

Объектом исследования являются китайские ксенонимы – узусные и окказиональные заимствования, отражающие элементы китайской культуры. Цель данного исследования – исследовать причины фонографической вариативности китайских ксенонимов в художественных произведениях китайских авторов на немецком языке (как источнике фонографической вариативности). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) дать определение ксенонима; 2) рассмотреть систему латинизации китайского письма; 3) выявить китайские ксенонимы в переводах современных китайских авторов на немецкий язык; 4) проанализировать фонографическую ассимиляцию китайских ксенонимов в немецком языке; 5) выявить проблемы их передачи в немецком языке и их роль в развитии современного немецкого языка.

Знакомство Германии с Китаем началось еще в XIII – XIV вв. с сообщений европейских путешественников, купцов и миссионеров. Первым немцем в Китае был брат Арнольд, прибывший в 1303 году в Пекин из города Кёльна [15; с. 910]. Первый «Немецко-китайский договор о дружбе и торговле» был подписан 2 сентября 1861 года. В этом же году открыто

почётное консульство в Шанхае. В период с 1861 г. по 1872 г. географ Фердинанд фон Рихтхофен семь раз посетил Китай. Он собрал фундаментальные геополитические и экономические сведения о Китае, опубликовал «Атлас Китая» [15; с. 910 - 916]. Так первые китайские слова попадают в немецкий язык письменным путем, записанные буквами, привычными для европейцев. Подробнее об истории развития немецко-китайских культурно-языковых контактов смотрите авторскую монографию «Взаимодействие немецкой и восточной культур в зеркале немецкой лексики» [6, с. 23-28].

Произведения современных китайских авторов на немецком языке являются богатейшим материалом, позволяющим исследователю признать факт вариативности китайских ксенонимов, которая, на наш взгляд, возникает вследствие использования разных систем латинизации и разной степени фонографической ассимиляции китайских ксенонимов в немецком языке. Благодаря переводам произведений на немецкий, как и на любой другой язык, читатель вправе рассчитывать на получение более полной картины о творчестве того или иного писателя, о культуре народа, но появление дуплетов может привести к неправильному прочтению и ввести в заблуждение. Например, одно и то же историческое лицо в разных переводах может предстать под разными именами: *Jiang Kaishek / Jaing Jieshi / Chiang Kai-shek / Tschiang Kaischek* (Чан Кайши, китайский политический деятель).

Материалом исследования послужили сборник рассказов китайских авторов, роман Хуна Ли Юаня «Мастер из Шанхая» (Hong Li Yuan «Meister aus Shanghai»), автобиографическая повесть Мин Анчи «Красная азалия (Жизнь и любовь в Китае)» (Anchee Min «Rote Azalee») и автобиографический роман Юй-цзяня Куаня «Моя жизнь под двумя небесами» (Yu Chien Kuan «Mein Leben unter zwei Himmel»).

Для проведения анализа китайских ксенонимов применяются описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа и метод сравнительно-сопоставительного анализа для выявления степени ассимиляции ксенонимов из китайского языка и установления роли этих ксенонимов в немецком языке.

Методологической базой послужили труды известных отечественных и зарубежных лингвистов, таких как В.В. Кабакчи, Е.В. Розен, М.Д. Степанова, Клаус Каден (Klaus Kaden) и Эрнест Гесс-Люттих (Ernest W.B. Hess-Lüttich).

В.В. Кабакчи различает внутреннюю культуру (культуру народа-носителя данного языка) и внешние культуры – иноязычные с позиции данного языка. Взаимодействие внутренней и внешней культуры – это прямое межкультурное общение, так как источник информации является одновременно участником общения и переводчиком, выполняет так называемый внутренний перевод. Любая внешняя культура для носителя языка – это особая область знаний, поэтому язык в его вторичной культурной ориентации формирует свою специфическую разновидность для описания внешней культуры. Элементы, характерные для «чужой», внешней культуры, во внутренней культуре закреплены в языке при помощи особых лексических единиц – ксенонимов [3, с.53; 4, с.12-13]. Ксенонимы включают узуальные заимствования (общедоступные и специальные словарные наименования элементов внешних культур) и окказионализмы, индивидуально-авторские номинации, использующиеся исключительно в условиях данного контекста. Согласно В.В. Кабакчи, окказионализмы находятся на данном этапе за рамками словаря [2, с. 32]. Вслед за В. В. Кабакчи и немецким лингвистом Эрнестом Гесс-Люттихом [11, с. 45] мы будем использовать термин «ксеноним» для обозначения слов, обозначающих элементы китайской культуры в немецком языке.

При переводе произведений китайских авторов немецкие переводчики сталкиваются с лексическими единицами, обозначающими особенности китайской культуры, т.е. чужой, «внешней» культуры. Значительная часть китайских реалий как чисто энциклопедических языковых единиц не попадает в лингвистический толковый словарь и часто становится проблемой для переводчика. К продуктивным способам образования ксенонимов В.В. Кабакчи относит лишь два: заимствование и калькирование [1, с.8]. При заимствовании слово включается в систему другого языка, осмысливается в нем и оформляется по правилам

и средствами этого языка. Например: *der Ginseng* (жэньшень). Слово адаптировано как фонографически, так и грамматически в соответствии с правилами немецкого языка (латинский шрифт, заглавная буква, артикль мужского рода).

Так как освоение заимствованной лексики чаще всего идет по пути ассимиляции к нормам заимствующего языка, то дальше мы рассмотрим отобранные нами китайские ксенонимы с точки зрения фонографической ассимиляции в немецком языке.

Немецкий и китайский языки – типологически разные, неродственные языки, существенно отличаются друг от друга. В настоящее время использование многочисленных систем латинизации приводит к ряду разночтений в графическом выражении согласных и гласных. Латинизация письма в Китае имеет длинную и сложную историю, состоящую из многих не только последовательных, но и параллельных этапов. До сегодняшнего дня не выработана единая международная транскрипция китайской речи, которая бы удовлетворяла всех. Существует более 50 различных систем латинизации письменности в Китае [14; с. 11].

Несмотря на существование немецких систем латинизации, в XX веке германские синологи стали использовать систему латинизации Уэйда-Джайлса, созданную англичанами [5; с. 141; 14; с. 38]. Благодаря широкому распространению английского языка в мире, система латинизации Уэйда-Джайлса нашла широкое признание в научных кругах, и несколько десятилетий она признавалась лучшей международной системой латинизации китайского языка. Согласно этой системе, подвергнуть латинизации можно было фактически любые китайские слова, какому бы диалекту (а их в Китае великое множество) они не принадлежали. Так один из южнокитайских диалектов послужил основой для наименования северной столицы государства *Peking*, где *Pe* значит «север», а *king* «столица». Какое-то время система Уэйда-Джайлса использовалась и в Китае, только в несколько модифицированном виде. Однако постепенно она была вытеснена системой *пиньинь*. После 1990 года то же самое произошло и в Германии [6; с. 32]. Несмотря на разноречивость в использовании систем латинизации при графической передаче китайских слов, в немецкоязычных текстах в настоящее время используется преимущественно *пиньинь*.

Заимствование приспособляется к фонетической системе заимствующего языка, но основой фонетических изменений является восприятие реципиентом не фонетического, а графического облика слова. Поэтому введение в немецкоязычный текст китайских заимствований неизбежно ставит проблему графической формы заимствованных китайских ксенонимов. Использование той или иной системы латинизации зависит от многих факторов, в частности, от степени её распространенности в определенный период, от того, какой диалект она обслуживает. Обычно в тексте последовательно используется одна система латинизации, случаи смешения встречаются редко и касаются очень традиционных наименований.

В романе «Моя жизнь под двумя небесами» Юй-цзянь Куань использует систему *пиньинь*, но некоторые слова записаны в системе Уэйда-Джалса, либо сохранено написание, привычное для немецких читателей [16; с. 777]. Это касается прежде всего географических названий и имен исторических личностей Китая: *Sun Yatsen (Sun Yixian)*, *Mao Tse-Tung (Mao Zedong)*, *Jangtse (Changjiang)*, *Nanking (Nanjing)*, *Peking (Beijing)*, *Taipei (Taipei)*. В скобках приводится написание ксенонимов в системе *пиньинь*.

Опосредованный перевод произведений китайских авторов с английского языка на немецкий язык может привести к появлению дублетов: *Yüan / yuan*, *Madame Mao / die Genossin Jiang Ching*, *Beijing / Peking* [17].

В китайском языке с заглавной буквы пишутся только имена собственные, в немецком языке с заглавной буквы пишутся не только собственные, но и нарицательные существительные. Большая часть заимствованных китайских существительных пишется в немецком языке в соответствии с правилами орфографии немецкого языка, то есть с заглавной буквы: *Qigong*, *Taiji*, *Maotai*. Вместе с тем в немецкоязычных текстах нами были выявлены также существительные, написанные со строчной буквы: *kang*, *maotai*, *yuan*, *ren*, *tu*, *li*, *yuan*, *huntun*, *jiao*, что свидетельствует об их неполной ассимиляции в немецком языке.

Некоторые ксенонимы пишутся как с заглавной буквы, так и со строчной, что также свидетельствует об их неполной ассимиляции: *Tao/tao*, *Dao/dao*, *Kang/kang*, *Maotai/maotai*, *Yuan/yuan*.

Использование разных систем латинизации в Германии привело к орфографической вариативности при написании китайских ксенонимов: *der Taoismus/Daoismus*, *T'ai-chi /Taiji*, *chün-tse/junzi*, *Hsiao/hsiao*, *Tao/tao*, *Fēngshui/Feng-schui*.

Словосложение является самым продуктивным способом образования новых слов в немецком языке. Сущность данного способа заключается в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или две грамматические формы слова, или несколько корней, основ, слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова [10; с. 64]. Многосложные китайские слова в немецком языке могут иметь три варианта написания: слитное, раздельное и через дефис. Слитное написание китайских ксенонимов говорит об их ассимиляции в немецком языке: *Sampan*, *Kotau*, *Qigong*, *die Chinaseide*, *die Pekingoper*, *die Pekingopertruppe*.

Раздельное и дефисное написание вытесняется слитным написанием, поскольку латинизированным письмом в основном пользуются иностранцы, а они, и немцы в частности, не членят заимствованные слова на морфемы, а воспринимают слово целиком как обозначение единого понятия, которое возникает в немецком языке в результате заимствования.

Однако для гибридных ксенонимов, сочетающих в своей структуре заимствованный и немецкий корни, характерно дефисное написание. Показателем освоения китайских заимствований в немецком языке является способность заимствованной лексической единицы к словообразованию. Заимствования зачастую не сохраняют первоначальной формы, в которой они вошли в язык-реципиент. «Одни из них действительно надолго остаются редкими, малоизвестными, другие же вовлекаются в процессы языковой инновации – гибридного словообразования и реже – семантического переосмысления. Гибридное словообразование – способ подключения чужих слов не только к подсистемам немецкого словообразования, но и к этимологическим гнездам как формам хранения лексики в памяти носителей языка» [9; с. 83]. Например: *Wushu-Schülern*, *Wushu-Kämpfer*, *Gold-Yuan*, *Mao-Zedong-Ideen*, *Hunan-Dialekt*, *Lingyin-Tempel*, *Qi-Gong-Schüler*, *Qi-Gong-Teilnehmer*, *Qi-Gong-Kurs*, *Mao-Zitaten*, *Mao-Aktivistin*, *Hu-Feng-Clique*, *Gingke-Suppe*, *der Volks-Taoismus*, *das Dao-Hauptkloster*.

Как мы можем видеть в приведенных выше примерах, некоторые сложные слова пишутся слитно, а некоторые – через дефис. Новые правила немецкой орфографии предоставляют каждому пользователю языка право самостоятельно решать, разделять ли дефисом части сложного слова. Обычно это делается для облегчения чтения слова или для усиления значения отдельных его составляющих. Дефис, как правило, употребляется также в сложных словах, если одна из частей является именем собственным: *die Peking-oper*, *die Mao-Zedong-Ideen*, *der Mao-Anzug*, *die Mao-Aktivistin*, *der Sun-Yatsen-Stil*. Дефис является обязательным в сложных словах, первой частью которых является аббревиатура: *die KMT-Regierung*, *die KMT-Truppen*, *das KMT-System*.

Особой разновидностью сложных слов являются сложносокращенные слова, или аббревиатуры, возникшие в результате сокращения составных терминов. В нашем материале зафиксирована одна аббревиатура: *KMT (die Kuomintang)* и три сложных слова, в состав которых вошла данная аббревиатура в качестве частотного компонента: *die KMT-Regierung*, *die KMT-Truppen*, *das KMT-System*.

Другим продуктивным способом словообразования является словопроизводство, или деривация. Это образование слов посредством аффиксации, подразделяющейся на суффиксацию и префиксацию. В нашем материале были выявлены следующие суффиксы существительных:

- суффикс *-ist*, присоединяясь к основе, служит для обозначения представителей различных философских учений и представителей различных политических партий: *der*

Taoist (даосист), *der Maoist* (маоист).

- суффикс *-(i)aner*, присоединяясь к основам, служит для обозначения лиц, принадлежащих к той или иной философской школе: *der Konfuzianer* (конфуцианец);
- суффикс *-er*, образует наименования людей по их отнесённости к какому-либо месту (стране, городу и т.п.): *Chinese* (китаец), *Peking* (пекинец), *Shanghai* (шанхаец).
- суффикс *-in*, образует имена женского рода от основ имен мужского рода: *die Nordchinesinnen* (жительницы Северного Китая).

В исследуемом материале зафиксировано всего 4 прилагательных, образованных от существительных с помощью продуктивного в немецком языке суффикса *-isch*: *taoistisch*, *konfuzianistisch*, *maoistisch*, *chinesisch*. Имена прилагательные от названий городов образуются с помощью суффикса *-er*. Они пишутся с заглавной буквы, в предложении выступают в качестве определения, но не изменяются ни по падежам, ни по числам, например: *Shanghai* *Studenten* (шанхайские студенты), *Shanghai* *Vororte* (пригород Шанхая), *Peking* *Universitäten* (университеты Пекина).

Ксенонимы выделены, как правило, в тексте лексическим и графическим способом. Некоторые слова имеют внутритекстовые или послетекстовые пояснения, отражающие смысл, и почти все слова оформляются курсивом.

Не все заимствованные слова на этапе вхождения в язык-реципиент в равной степени подвергаются ассимиляции. Прочное усвоение слова зависит от степени его необходимости, употребительности в языке. Закрепление формы заимствованного слова зависит от того, фигурирует ли оно в словарях заимствующего языка или нет. Словарные ксенонимы являются полноправными единицами лексического состава языка, и, стало быть, уже обладают определенной устоявшейся формой.

Проанализировав китайские ксенонимы в переводах на немецкий язык произведений современных китайских авторов, мы можем сделать следующие выводы.

1. Фонографическая вариативность написания китайских ксенонимов обусловлена такими причинами, как:

- употребление различных систем латинизации при транскрибировании или транслитерировании ксенонимов;
- опосредованный путь заимствования, в результате чего возникают варианты со следами влияния языка-посредника;
- ассимиляция, адаптация слова в немецком языке и, как следствие, появление новых вариантов написания.

2. Многосложные китайские слова в немецком языке могут иметь три варианта написания: слитное, раздельное и через дефис. Слитное написание говорит об их ассимиляции в немецком языке.

3. Фонографическая вариативность может привести к вариативности при переводе и неправильному пониманию той или иной лексической единицы.

Иноязычное происхождение большинства китайских слов легко обнаруживается. Это явление обусловлено множеством причин. Китайский язык имеет много расхождений с индоевропейскими языками. Культура Китая существенно отличается от культуры Германии, большинство реалий не имеет точек соприкосновения, поэтому трудно подобрать какой-либо подходящий эквивалент в языке, принимающем слово, что вызывает необходимость прямых заимствований. Такие заимствования в большинстве своем сохраняют иноязычный облик, только частично ассимилируются, прочно ассоциируясь со страной-источником. В силу малочисленности китайские ксенонимы не оказывают особой роли на развитие современного немецкого языка, но тесные контакты между странами до начала пандемии вели к проникновению китайских слов в немецкий язык. Исследование может быть продолжено в направлении выявления проблем опосредованного перевода как китайских ксенонимов, так и корейских и японских ксенонимов с немецкого языка на русский язык.

Список литературы

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной культурной коммуникации : Учеб. пособие / В. В. Кабакчи. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 232 с.
2. Кабакчи В.В. Лексикографический мониторинг англоязычного словаря ксенонимов-русизмов // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Межвузовский сборник научно-методических статей, выпуск 7, Псков: ПГПУ, 2007. – С.30-45.
3. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // в сб. Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб: СПбГУЭФ, 2007. - С. 51-70.
4. Кабакчи В.В. Реалии русской культуры в большом оксфордском словаре // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». - 2015. - № 1 (45). - С. 12-18.
5. Концевич Л.Р. Китайские имена собственные в русском тексте: Пособие по транскрипции / Л. Р. Концевич. – М. : Муравей, 2002. – 263 с.
6. Корнилова Л.Е. Взаимодействие немецкой и восточной культур в зеркале немецкой лексики: монография / Л.Е. Корнилова. – Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2011. – 242 с.
7. Корнилова Л.Е. Проблемы передачи корейских ксенонимов в немецком языке (на материале произведений современных корейских авторов) // Научный журнал «Известия Восточного Института». – 2020. - № 4(48). - С. 26-36.
8. Корнилова Л.Е. Японская современная литература на немецком языке. Проблемы опосредованного перевода и перспективы // «Казанская наука». – 2020. - № 1. - С. 75-80.
9. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 189 с.
10. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова, под ред. Т. В. Строевой. - Изд. 2-е, испр. – М : КомКнига, 2007. – 376 с.
11. Ehlich Konrad (1986) Xenismen und die bleibende Fremdheit des Fremdsprachenlernens. // Ernest W.B. Hess-Lüttich (Hg.) Integration und Identität, soziokulturelle und psychopädagogische Probleme im Sprachunterricht mit Ausländern. Tübingen: Narr, 1986, S. 43-54.
12. Erkundungen. 16 chinesische Erzähler / Hrsg. Von Irmtraud Fessen-Henjes, Fritz Gruner, Eva Müller. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1984. – 345 S.
13. Hong Li Yuan. Der Meister aus Shanghai. Roman. – München : Langen Müller, 2008. – 445S.
14. Kaden K. Die wichtigsten Transkriptionssysteme für die chinesische Sprache / Die Einführung zum Selbststudium von Klaus Kaden. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1983. – 173 S.
15. Kotzel U. Zeittafel der deutschen Beziehungen / Uwe Kotzel. // CHINA aktuell. – August 2002. – S. 910 – 934.
16. Kuan Y.C. Mein Leben unter zwei Himmeln (Eine Lebensgeschichte zwischen Shanghai und Hamburg). Roman / Kuan Y. C. – München : Knaur Taschenbuch Verlag, 2003. – 781 S.
17. Min Anchee Rote Azalee. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1994. – 346 S.

10.02.04

Б.А. Мхитарян, И.В. Уварова, А.М. Бальян, А.А. Бекетова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ИРОНИИ
В СЕМАНТИКЕ АТРИБУТИВНО-НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С ЯДЕРНОЙ ЛЕКСЕМОЙ "IRONY"**

Данная статья посвящена описанию коммуникативного эффекта иронии на основании данных логико-семантической классификации атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерной лексемой "irony", извлеченных методом сплошной выборки из текстов Британского национального корпуса английского языка. В работе аналитически доказывается превалирование негативного коммуникативного эффекта, связанного с отрицательными эмоциями, возникающими в связи с применением данной фигуры речи, а также несоответствие преимущественного коммуникативного эффекта общепринятым признакам текстов юмористического дискурса.

Ключевые слова: коммуникативный эффект иронии, лексема "irony", узкая контекстуальная дистрибуция, атрибутивно-номинативные словосочетания.

На протяжении многих веков ирония является объектом изучения ученых-лингвистов. Споры о её дискурсивном статусе и свойствах ведутся и по сей день. В данной статье мы предлагаем рассмотреть коммуникативный эффект, создаваемый иронией, на материале текстов Британского национального корпуса английского языка. В традиционном представлении иронией называется риторический троп или фигура речи, относящийся к юмористическому дискурсу. Цель иронии – выражение критической позиции, насмешливого отношения к действительности.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Розенталя, ирония – это «троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки» [3; 155]. Традиционно исследователи акцентируют внимание на стилистических свойствах иронии, ее многочисленных социальных функциях, её вербальных и невербальных знаках, а также когнитивных механизмах её распознавания в дискурсе. Однако редко предметом обсуждения становится коммуникативный эффект иронического, а такие сам факт принадлежности иронии к юмористическому дискурсу и ее статуса в ряду тропов.

В.И. Карасик рассматривает юмористический дискурс как прагмалингвистический тип дискурса, представляющий собой погруженный в ситуацию смехотворного сообщения текст, отражающий намерение участников общения уйти от серьезного разговора и придать общению юмористическую тональность, тем самым сокращая дистанцию между коммуникантами, а также соответствующий моделям смехового поведения в определенной лингвокультуре [1]. Помимо иронии к юмористическому типу дискурса традиционно относят юмор, сатиру, сарказм, и другое.

Рассмотрим коммуникативный эффект иронии с целью проверки на соответствие коммуникативного эффекта, порождаемого данным приемом, заявленным в традиционном определении признакам: предание разговору юмористической тональности, сокращение дистанции между коммуникантами, уход от серьезности темы разговора.

В данной работе предлагается проанализировать коммуникативный эффект иронии на основании данных узкой контекстуальной дистрибуции лексемы "irony" на материале текстов Британского национального корпуса английского языка.

Лексема "irony" имеет 931 вхождение в Британский национальный корпус (British National Corpus (BNC)). Полный и подробный анализ узкой контекстуальной дистрибуции предполагает описание словосочетательных субстантивных структур: Adj + N, N + N, Part. I + N и Part. II + N (для препозитивных адьюнктов) и N + Adj, N + Part. I, N + Part. II и N + Prep. + N (для адьюнктов в постпозиции) [2; 93]. Наиболее показательными с точки зрения описания свойств коммуникативной ситуации, возникающей благодаря иронии, являются структуры вида прилагательное в препозиции + существительное ("irony").

Методом сплошной выборки из Британского национального корпуса английского языка нами было извлечено 234 конкорданса указанного типа с ядерной лексемой "irony", которые затем были подвергнуты логико-семантической классификации с учетом эмотивной направленности коммуникативного эффекта. Цифра после прилагательного обозначает количество вхождений лексемы в сочетании с существительным "irony" в Британский национальный корпус английского языка. Перевод прилагательных приводится в соответствии с контекстуальным значением в составе предложений. На основании логико-семантического принципа нами было выделено шесть групп прилагательных в соответствии с их значениями.

Самая многочисленная группа, включающая 33 прилагательных с общим количеством вхождений 84 примера, представлена лексемами с ярко выраженным негативным значением: [heavy 14 – тяжелая; tragic 11 – трагическая; cruel 10 – жестокая; bitter 10 – горькая; terrible 5 – ужасная; savage 3 – грубая; cool 2 – холодная; sharp 2 – острая; poignant 2 – пронзительная; vicious 2 – порочная; wicked 1 – злобная; pervasive 1 – пронзительная; perverse 1 – извращенная; painful 1 – причиняющая боль; ponderous 1 – тяжелая; radical 1 – радикальная; raucous 1 – резкая; saddest 1 – самая грустная; sadistic 1 – садистская; shameful 1 – позорная; ludicrous 1 – смехотворная; mocking 1 – издевательская; monstrous 1 – чудовищная; horrible 1 – ужасная; grim 1 – мрачная; ghastly 1 – жуткая; awful 1 – ужасная; cold 1 – холодная; bitterest 1 – горькая; blackest 1 – самая черная; callous 1 – бездушная; caustic 1 – едкая; dreadful 1 – ужасная и т.д.] irony.

Следующая семантическая группа, представленная прилагательными с несколько менее отрицательным значением, насчитывает 11 прилагательных с общим количеством вхождений 20 примеров: [strange 4 – странная; sad 3 – грустная; deliberate 3 – преднамеренная; wry 2 – насмешливая; unpleasant 2 – неприятная; weighty 1 – тяжкая; unfortunate 1 – досадная; unbenevolent 1 – нелюбезная; puzzling 1 – озадачивающая; self-mocking 1 – самоироничная; husky 1 – сухая и т.д.] irony. Таким образом, общее количество прилагательных, описывающих в целом отрицательные эмоции, связанные с применением иронии, равно ста четырём.

Прилагательные следующей семантической группы описывают иронию с точки зрения ее важности и значимости как речевого приема: [dramatic 12 – драматичная, впечатляющая; final 9 – финальная; ultimate 4 – наивысшая; symbolic 1 – символичная; resonant 1 – резонансная; serious 1 – серьезная; massive 1 – масштабная; historical 1 – историческая; crowning 1 – завершающая; full 1 – полная; biggest 1 – самая большая; broad 1 – размашистая; evolutionary 1 – великая и т.д.] irony. Общее количество вхождений прилагательных данной семантической группы равно 35, общее количество семантически различных прилагательных равно тринадцати.

Прилагательные неопределенной коннотативной окраски немногочисленны: [bitter-sweet 1 – горько-сладкая; mysterious 1 – таинственная и т.д.] irony. Общее количество вхождений прилагательных данной семантической группы равно трем.

Прилагательные с положительной коннотацией представлены в следующей группе: [supreme 7 – величайшая; nice 5 – славная; curious 5 – любопытная; gentle 4 – нежная; great 4 – отличная; greatest 4 – величайшая; delicate 2 – нежная; appropriate 2 – подходящая; perfect 2 – идеальная; irresistible 2 – неотразимая; wonderful 1 – чудесная; poetic 1 – поэтичная; rich 1 – богатая; silky 1 – шелковая; lovely 1 – милая; marvellous 1 – чудесная; mildest 1 – самая мягкая и т.д.] irony. Общее количество вхождений прилагательных данной семантической

группы равно 44, общее количество семантически различных прилагательных – 17. Очевидно значительное превалирование прилагательных с отрицательным значением при описании иронии: 104 вхождения по сравнению с 44 и 44 семантически различных прилагательных по сравнению с семнадцатью – разница составляет более чем в два раза.

Последняя группа прилагательных представлена лексемами с нейтральной коннотацией. Она приведена не полностью, поскольку с точки зрения нашего анализа интереса не представляет: [certain 8 – определенная; double 3 – двойная; other 3 – другая; real 2 – настоящая; verbal 2 – вербальная; typical 1 – типичная и т.д.] irony. Общее количество вхождений прилагательных данной семантической группы равно шестидесяти шести.

В результате проведенного нами анализа атрибутивно-нормативных словосочетаний с ядерной лексемой "irony" получены данные, свидетельствующие о преимущественно отрицательном коммуникативном эффекте, связанном с негативными эмоциями, вызываемыми применением данного тропа. В текстах Британского национального корпуса английского языка ирония как правило описывается как тяжелая, горькая, ужасная, чудовищная, грустная и т.д. С нашей точки зрения, подобный коммуникативный эффект сложно соотнести с уходом от серьезности ситуации с помощью юмора (если только это не черный юмор). Таким образом, можно сделать вывод о том, что аналитически доказанный преимущественный коммуникативный эффект иронии противоречит общепринятым признакам текстов юмористического дискурса, что свидетельствует о ее особом статусе в ряду фигур речи.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 304–305.
2. Мурашова Л.П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке / дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 2018
3. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь лингвистических терминов / М.: «Оникс –21 век»; «Мир и образование», 2003. – 623 с.
4. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Available at: <https://corpus.byu.edu/bnc/>

10.02.04

¹М.В. Репина, ²Е.В. Сивакова, ²И.П. Назарова

¹Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,

Краснодар, RepinaMarina@yandex.ru,

²Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков,
Краснодар

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НАЗВАНИЙ
СПОРТИВНЫХ ПИЩЕВЫХ ДОБАВОК)**

В работе представлены результаты исследования языковых средств, которые способствуют привлечению внимания к тому или иному рекламируемому продукту. Авторами был проведен анализ наименований препаратов спортивного питания, в которых имеется сочетание нескольких лексических единиц и нескольких приемов воздействия на покупателя. Основное внимание было уделено обзору информационных и эмоционально-экспрессивных лексических единиц, использование которых способствует узнаваемости продукта и повышению уровня доверия к нему со стороны потенциального потребителя.

Ключевые слова: *реклама, лингвистические единицы, пищевые добавки, спортивное питание.*

Одним из способов создания эффективной рекламы является использование особых языковых средств, которые привлекают внимание к тому или иному продукту, вызывают к нему интерес и, в итоге, способствуют его приобретению.

В связи с этим «основное усилие составителя рекламного сообщения направлено на оптимизацию рекламного воздействия, что отражается в намеренном выборе языковых средств различных уровней, включая особые синтаксические, лексические и фонетические средства в сочетании с определённой структурой всего текста» [2, с. 81].

Объектом данного исследования являются лексические составляющие рекламы спортивного питания, предметом – средства языкового воздействия на покупателя в целях акцентирования внимания и последующей продажи продукта.

В качестве материала были выбраны 33 названия фирм-производителей и 72 наименования препаратов спортивного питания американского и европейского производств, представленные на сайте www.builderbody.ru [1].

Нами были проанализированы названия таких видов пищевых добавок, как комплексы аминокислот, протеиновые добавки, креатиновые комплексы и так называемые гейнеры (смесь углеводов и белка).

Наряду с достаточно обширной информацией, указанной на упаковке товара, название фирмы-производителя и самого продукта являются наиболее привлекательными как в визуальном (шрифтовое и цветовое выделение), так и в лингвистическом отношении (использование особых языковых средств) [3].

В соответствии с тем или иным типом пищевой добавки результат ее употребления, как правило, отражается и в наименовании. Например, название креатинового комплекса может указывать на повышение анаэробной выносливости и силовых показателей, название гейнера – подчеркивать активизацию роста клеток мышечной ткани и т.д.

Нами были выделены некоторые языковые средства, позволяющие покупателю получить практически исчерпывающую информацию о продукте на основе одного лишь названия. К ним относятся многокомпонентность и многофункциональность наименований, т.е. сочетание в одном названии нескольких лексических единиц и нескольких приемов воздействия.

Большинство названий торговых марок спортивного питания состоят из одного сложного (сложносокращенного) слова или словосочетания, например: MuscleTech, Scitec, PureProtein, ActivLab, Universal Nutrition и др.

В процессе анализа названий нами были отмечены 3 основные группы лексических средств, которые способствуют привлечению внимания потребителей к рекламируемой продукции.

В первую группу входят названия, которые содержат лексику, указывающую на эффект от использования продуктов спортивного питания, в частности, увеличение мышечной массы и повышение выносливости организма, например: MusclePharm, MuscleMeds, MuscleTech, Power System, Power Pro Olimp и т.д.

Лексика второй группы подчеркивает принадлежность товара к сфере питания, например: Dymatize Nutrition, Nutrex Research, PureProtein, MyProtein Scitec Nutrition, Universal Nutrition, Ultimate Nutrition, Optimum Nutrition и т.д.

Третья группа делает акцент на использование новых исследовательских технологий в процессе производства, например: TwinLab, USPlabs, Cloma Pharma, ActivLab, Biotech USA, MuscleTech, Scitec и т.д.

В свою очередь, многокомпонентность и многофункциональность наименований спортивных пищевых добавок выражается в сочетании нескольких лексических единиц в одном названии. Большинство названий состоят из трех, четырех или даже пяти слов, что является нетипичным для других пищевых продуктов и биологически активных добавок (БАДов), названия которых обычно одно или двухкомпонентные.

Помимо многокомпонентности, характерной чертой вышеперечисленных названий является комбинация так называемых информационных и эмоционально-экспрессивных лексических единиц, чаще всего существительных и прилагательных.

К информационным лексическим единицам первого типа мы относим слова, которые сообщают сведения о содержимом пищевой добавки и о количестве в ее составе того или иного вещества, например: Pure Casein, 100% Whey Protein, Creatine 2500 Caps, Amino 3200, Pure Creatine, 100% Whey Isolate и т.д.

Информационные лексические единицы второго типа определяют сферу применения и направленность действия пищевого продукта посредством таких компонентов, как Gainer, Mass, Muscle, Builder, Burner, например: Fat Burner, Mass Gainer, Super Mass Gainer, Mass Builder, Excellent Mass, Muscle Mass 3000, Mass MultiComponent Gainer, Mass Up, Muscle Juice Revolution 2600 и т.д.

Семантический анализ эмоционально-экспрессивных лексических единиц позволяет выявить две основные группы слов, имеющих положительную коннотацию и способных вызвать особый интерес к продукту и желание его приобрести.

Первую группу составляет лексика, которая указывает на уникальность продукта или его превосходство над его аналогами и включает такие слова, как Elite, Modern, Special, Excellent и т.д., например: Hydroxycut Hardcore Elite, Elite Whey Protein, OxyElite Pro, Excellent Mass, Excellent Whey, Ultra Men's Sport, Modern BCAA, Special Mass Gainer, и т.д.

Также к этой группе относятся и компоненты с названием драгоценных металлов: Titanium, Gold, Platinum, например: Titanium Isolate Supreme, 100% Gold Standard Casein, 100% Pure Platinum Whey, 100% Golden Whey, 100% Whey Gold Standard, Platinum Multivitamin, Omega-3 Gold и т.д.

Ко второй группе относятся лексические единицы, которые обращают внимание потребителя на высокую эффективность действия продукта. К ним относятся следующие компоненты: Ultra, Mega, Power, Plus, Hyper, Multi, Effect, Serious, Energy, Fast, Xpress, Super,

Superior, и т.д., например: Mega Amino 3200, Protein Power, Serious Mass, Amino Energy, Gain Fast 3100, Protein 80 Plus, Lipo 6 Black Ultra Concentrate, Super Fat Burner, Super Amino 6000, Superior Amino 2222, BCAA Xpress, NRG MAX from Maxler (NRG – аббревиатура существительного Energy) и т.д.

Таким образом, название торговой марки, как правило, представляет собой лексическую единицу, состоящую из сложносокращенного слова или словосочетания, которые могут указывать на принадлежность продукта к сфере питания, высокую эффективность его использования или применение в процессе его производства новых исследовательских технологий.

В свою очередь, наименование препарата спортивного питания состоит из лексических единиц двух типов. Первые, так называемые информационные, сообщают о содержимом продукта и направленности его действия. Вторые, эмоционально-экспрессивные, подчеркивают его уникальность и высокую эффективность.

Вышеназванные языковые средства несут значительную эмоциональную и информационную нагрузку, что способствует узнаваемости продукта и повышению уровня доверия к нему со стороны потенциального потребителя.

Список литературы

1. Всё о бодибилдинге [Электронный ресурс]: <https://builderbody.ru/category/pitanie/sportivnye-dobavki/> (Дата обращения: 10.03.2021 г.).
2. Ильичева И.Л. Специфика звуковой организации рекламного текста (на примере англоязычной рекламы) / И.Л. Ильичева // Вестник БГУ 2/2007–. – Минск: БГУ, 2007. – с. 81-85
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов [и др.]. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер принт, 2006. – 384 с.

10.02.04

А.С. Рыбакова канд. филол. наук

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, annrybakova@gmail.com

ОДНОКОМПОНЕНТНЫЕ И МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Эпоха всеобщей глобализации затрагивает язык, который отражает разнообразные изменения в жизни современного общества. В данной статье предпринята попытка рассмотреть понятие «фразеологизм», а также рассмотреть его структурные особенности на примере лексических единиц, относящихся к сфере информационных технологий.

Ключевые слова: *фразеологизмы, фразеология, идиомы, структурные особенности фразеологизмов, лексика сферы компьютерных технологий.*

Все фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте. Поэтому есть все основания считать фразеологию одним из выразительных средств языка и рассматривать её со стилистической точки зрения. В данной работе мы решили рассмотреть англоязычные фразеологические словосочетания, которые относятся к сфере компьютерных технологий.

В качестве практического материала мы взяли научно-популярные статьи из поискового агрегатора <https://yahoo.com>, раздел **yahoo!entertainment**. Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 75 словосочетаний.

В результате проведенного анализа мы подразделили фразеологические единицы на две категории: словосочетания, в состав которых входит понятие, относящееся к сфере информационных технологий и словосочетания, которые описывают активность человека в сети интернет или саму работу информационных систем.

Предлагаем рассмотреть наиболее интересные, на наш взгляд, примеры. *Словосочетания, в состав которых входит термин, относящийся к сфере компьютерных технологий.*

Однокомпонентное лексическое сочетание. Нам встретился лишь один пример, который мы отнесли к данной подгруппе фразеологизмов: **Internets**, или **the Internets** – данную крылатую фразу впервые употребил Джордж Буш младший во время избирательной кампании 2000 года. Она употребляется в юмористическом контексте, когда мы хотим охарактеризовать человека, который не умеет пользоваться интернет-технологиями и настроен враждебно по отношению к компьютерам и сопутствующим устройствам.

Многокомпонентные фразеологические единства встречаются гораздо чаще. Нами были выделены следующие виды:

Существительное + существительное

Bricks and clicks – модель ведения бизнеса как в розницу (*bricks* - кирпичи), так и через сеть Интернет (*clicks* – клики, щелчки мышкой); **code monkey** – горе-программист - данное словосочетание можно отнести к жаргонизмам в сфере компьютерных технологий. Также оно применяется для описания людей, которые занимают руководящие посты, но с неохотой берут на себя ответственность по принятию решений; **mouse potato** – лежебока у компьютера - человек, который не может оторваться от компьютера (по аналогии с *coach potato*). **Net meeting** – онлайн вечеринка, организованная на видеохосте. Изначально данный термин описывал программу для видеоконференцсвязи, но карантинные меры 2020 – 2021 года внесли свои коррективы в семантическое значение данного словосочетания, сделав из него полноправную идиому.

Глагол + существительное и глагол + словосочетание, выступающее в роли прямого дополнения: *to pull the plug* – прикрыть лавочку; *to get your wires crossed* – неправильно понять кого-то; *to know what makes someone tick* – знать, чем можно мотивировать людей, чтобы они лучше работали.

Прилагательное + существительное и существительное + прилагательное: *digital leader* – человек, которому подражают и к мнению которого прислушиваются в сети интернет; *cable ready* – смарт-телевидение. К данной группе фразеологических единиц мы также отнесли идиомы-сравнения, поскольку в их состав также входят прилагательное плюс существительное: *as bright as a button* – смывлённый

Существительное + причастие прошедшего времени (past participle): *computer assisted* – компьютеризированный.

Также мы выделили в отдельную группу модальные идиомы, которые представляют собой законченные выражения и передают отношение говорящего к тому, что происходит: *Computer says no*. Компьютер говорит нет – употребляется для критики общественных организаций, которые при принятии решений полагаются на информацию, которая хранится в памяти компьютера. Подразумевается, что тем самым они намеренно пренебрежительно относятся к своим клиентам и не пытаются выполнить работу качественным способом. *On the Internet, nobody knows you are a dog*. Данная идиома символизирует понимание частной жизни в сети, когда пользователи могут отправлять и получать почту, оставаясь по сути анонимными.

Далее рассмотрим следующую группу фразеологических единиц, которую мы выделили, а именно:

1. *Словосочетания, которые описывают деятельность человека в сети интернет / работу электронных устройств, однако компоненты, входящие в словосочетание, не имеют слов, относящихся к сфере информационных технологий.*

Нам встретились лишь две однокомпонентные идиомы, выраженные глаголом: *to multitask* – выполнять несколько дела одновременно. В русском языке у нас есть похожая идиома, которая, однако, выражена именем существительным – *многозадачник*; *to unplug* – отвлечься от рутины, быта.

Среди многокомпонентных фразеологических единиц мы выделили следующие: Прилагательное + существительное: *electronic superhighway* – информационная магистраль – интернет - ресурсы, которые помогают быстро и эффективно обмениваться информацией в электронном виде; *silver surfer* – пожилой пользователь сети.

Фразовые глаголы: *connect up* – в общеупотребительном значении обозначает «подсоединиться, подключаться», а в переносном, т.е. фразеологическом значении данный фразовый глагол описывает «встречу людей, налаженный контакт». *Chat up* – изначально относилось к общению в чатах в сети Интернет, в настоящее время нередко можно встретить данную фразеологическую единицу в общеупотребительной лексике в значении «флиртовать, заигрывать с кем-либо».

Существительное + существительное: *eye candy* – декоративные элементы в видеоиграх, визуально-привлекательные эффекты, которые не влияют на игровой процесс, но приносят эстетическое удовольствие. В общеупотребительную лексику данное словосочетание вошло в виде идиомы «красивая пустышка». *Road warrior* – человек, который много работает с помощью ноутбука, планшета, смартфона вне офиса, преимущественно в дороге.

Существительное + отглагольное существительное (-ing form): в данной группе рассмотрим словосочетания *war chalking* и *war driving* вместе, поскольку происходят они от общего слова *war-dialing* (непрерывный набор разнообразных номеров телефона в попытке присоединиться к модему (именно так подсоединялись к сети интернет в начале 2000-х годов)). *War driving* – данный вид времяпровождения подразумевает поездку на машине с ноутбуком в поисках открытых точек доступа Wi-Fi, а *war chalking* – новый тренд, который с одной стороны подразумевает нанесение на асфальт определённых символов, которые обозначают, что в данном месте есть возможность присоединиться к бесплатной

беспроводной сети. Если говорить о переносном значении данных словосочетаний, то они обозначают хобби, которое с одной стороны подразумевает что-то нелегальное, но с другой стороны не приносит вред, который может преследоваться законом.

Существительное + причастие прошедшего времени (- ed form)

Citation needed – тег, который пользователи сети Интернет оставляют под своим постом с просьбой опровергнуть или удостоверить сделанное заявление. Впервые появилось в открытой энциклопедии Wikipedia. В общеупотребительную лексику из компьютерной терминологии данное словосочетание вошло в виде образного выражения «поправьте меня, если я не прав».

Существительное + существительное

Bells and whistles – данное словосочетание меняло свое значение несколько раз. Изначально оно не относилось к компьютерной тематике и обозначало сигнал, подаваемый при открытии и закрытии биржи. Затем стало употребляться в значении «технические излишества, избыточные технические возможности» и, наконец, в переносном значении – прибабасы, навороты – которое укоренилось в общеупотребительной лексике в виде идиомы.

Предлог + существительное: **down time** – время пребывания компьютера в неисправном состоянии, в переносном значении – тайм-аут после тяжелого периода времени; **off line** – без доступа к интернету, в переносном значении – в бизнесе обозначает «разговор не для всех ушей»; **on the ball** – готовый к работе (компьютер), в переносном значении - быть в теме.

Подводя итог, отметим, что фразеологизмы являются одним из наиболее сложных элементов переводческой практики, потому что, в связи с отличием социально-исторического опыта этнических групп, в каждом народе наблюдается не повторная концептосфера, а интерпретация, которая с помощью лексических, грамматических и стилистических инструментов другого языка требует от переводчика высокого уровня владения языками оригинала и перевода, а также эрудиции в социокультурных особенностях обоих народов.

Фразеологизмы содержат в себе глубокий смысловой контекст, от правильности работы с которым зависит сохранение авторской идеи текст, а также, качество межкультурного коммуникационного процесса.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
2. Поисковая система Yahoo! <https://www.yahoo.com/entertainment/>
3. Солодуб Ю.П. Фразеологическая образность и способы ее параметризации // Фразеогрфия в Машинном фонде русского языка. М., 1990.

10.02.04

О.А. Хабибуллина

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра германских языков,
Стерлитамак, oxana.habibullina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье анализу подверглись английские фразеологизмы, в состав которых входят количественные и порядковые числительные. В ходе исследования было обнаружено свойство числительных выражать не только числовое, но и нечисловое значение в составе фразеологизмов, что уже создает некоторые трудности при переводе на другие языки. Значимым открытием исследования стало понимание того, что семантика фразеологизма имеет оценочный, образно-мотивационный и эмотивный компоненты.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, количественные и порядковые числительные, семантика, способы перевода.*

Целью нашего исследования является изучение особенностей перевода фразеологических единиц английского языка с компонентом «имя числительное» на русский язык. Данные фразеологические единицы можно отнести к речевым образованиям, имеющим национальную специфику выражения и восприятия картины мира. Во многих культурах числительные обозначают не просто количество, счет или измерение, но и важные знаки. Именно поэтому особый интерес представляет исследование данного класса фразеологизмов. Фразеологизмы – это словосочетания, которые воспроизводятся, а не образуются в речи, имеют целостное значение и являются одним членом предложения. Их также называют фразеологическими единицами. «*A drop in the ocean*», «*to call a spade a spade*» являются примерами фразеологических единиц [3, с. 6]. Числительные, как и фразеологизмы, являются достаточно консервативным слоем языка, наименее подверженным изменениям. На первый взгляд, в обычной речи числительные несколько ограничены в употреблении: ими измеряется количество предметов, расстояние, время, величина предметов, их масса, стоимость. Однако можно заметить, что в составе фразеологизмов числительные в буквальном смысле обретают новую жизнь.

Существует большое количество способов перевода с одного языка на другой. Такие особенности фразеологизмов, как раздельнооформленность, характер компонентов, большей частью не отличающихся от обычных слов, связь между ними и контекстом, национальный колорит, несостоятельность словарей предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте и т.п., представляют затруднения для переводчиков [1, с. 187].

Для многих народов характерна глубинная приверженность к тем или иным числительным, что находит свое отражение в языке и выражается ни в чем ином, как в частоте употребления этих чисел в составе фразеологических единиц. В английской языковой картине мира отчетливо выделены три числа – «*one*», «*two*» и «*nine*» [2, с. 21]. Наиболее многогранным является числительное «*one*». Человек часто сопоставляет его с единицей всего существующего как в философском, так и быденном смыслах. Анализ языкового материала показывает, что оценка в количественном компоненте ведет к формированию оценочности всего фразеологизма, который в свою очередь организует контекст. Например, отрицательная оценочность идиомы «*one track mind*» обусловлена сочетанием слов-компонентов «*track mind*» и числительным «*one*» со значением единичности, что создает образ человека, который не способен осмыслить простейшую ситуацию. Тем самым фразеологизмы создают смысловой и оценочный центр всего

высказывания: «I didn't mean anything like that. You've got a one-track mind, sir!». “You are perfectly correct, Lewis: one track only. My mind wants to know what the theft of the Wolvercote Tongue has got to do with the murder of Theodore Kemp” [4, с. 178].

В речи оценка фразеологизма может регулироваться контекстуальным окружением. Например, английский фразеологизм «*at first sight*» (*you can say at first sight when you are describing your first impression of someone or something*) может выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Так, в сочетании со словом «*love*» фразеологизм эксплицирует положительную оценку чувств субъекта, в то время как со словом «*hate*» – отрицательную оценку.

В ходе работы нами были отобраны 88 английских фразеологизмов с компонентом «числительное» и проанализированы способы их перевода на русский язык. При переводе фразеологизмов А.В. Кунин использует понятие обертонального перевода. «Обертональный» перевод – это отказ от использования готового эквивалента и поиск окказионального, используемого только в определенном контексте.

В случаях, когда у фразеологизма есть несколько эквивалентов, осуществляется выборочный перевод, состоящий в выборе наилучшего эквивалента для определенного контекста. Таким образом, способы перевода можно систематизировать следующим образом: трансформационный (конкретизация, генерализация, перестановки, компенсация, антонимический перевод, замена членов предложения, замена частей речи, синтаксические замены в распространенном предложении, добавления, опущения), интерлинейный (транскрипция, транслитерация, калькирование и дословный перевод), прагматический (пояснения в тексте (добавления), подстраничных сносок и комментариев к определенным словам в тексте). Проанализировав различные способы перевода, можно заключить, что их можно и необходимо комбинировать.

Идиоматичный язык понимать не просто. Считается, что фразеологизмы практически невозможно перевести на другие языки. Чаще всего дословный перевод не позволяет передать всю образность и точность употребленной единицы. Можно выделить четыре различных способа перевода фразеологических единиц, а именно: 1) с полным сохранением образности; 2) с частичным изменением иноязычного образа; 3) с полной заменой образности; 4) со снятием образности.

Первым способом переводятся единицы интернационального характера. Например, при переводе фразеологизма «*to be on the seventh heaven*» – «быть на седьмом небе» образ сохраняется без изменений. Второй способ подразумевает, что образная основа фразеологизма в переводе сохраняется, но с определенными лексическими или грамматическими изменениями. Замене может подвергаться как образный компонент близкий ему, так и вспомогательный: «*a diamond of the first water*» – «бриллиант чистой воды» (частичная замена образа), «*to have the news at first hand*» – «узнать новость из первых рук» (наблюдается изменение формы грамматического выражения).

Полная замена образной основы может быть связана с необходимостью сохранения экспрессивной окраски, что порой важнее, чем передача функционально-стилистической принадлежности единицы. Например, «*to do smth with one hand tied behind your back*» – «делать что-то с закрытыми глазами». При переводе фразеологизмов со снятием образности чаще всего теряется выразительность, поэтому данный способ нельзя назвать удачным. Однако такой перевод, как «чувствовать себя как собака с двумя хвостами» (*to be like a dog with two tails*) неприемлем ни в каком контексте. Переводчику лучше всего стоит воспользоваться переводом со снятием образности. Поэтому «*to be like a dog with two tails*» целесообразно перевести как «быть чрезвычайно счастливым».

Рассмотрим и проанализируем конкретные примеры:

Not to know the first thing about smth – не знать даже малой части чего-либо. Перевод выполнен с частичным изменением иноязычного образа благодаря такому способу перевода, как генерализация. Понятие “the first thing” в русском языке использовано в обобщенном виде как «малая часть».

At second hand – из вторых рук. *One in a million* – один на миллион. В данных примерах осуществлен перевод с полным сохранением образности с помощью фразеологического калькирования.

For two pins – запросто. *Be in two minds* – сомневаться. Здесь мы можем наблюдать лексический перевод со снятием образности, когда понятие в английском языке выражено фразеологизмом, а в русском – словом.

Seven-year itch – кризис 7 лет брака. В данном примере использован перевод со снятием образности с помощью приема эвфемизации – вместо сильного, эмоционально-оценочного слова “itch” использовано нейтральное слово «кризис».

Three sheets in the wind – пьяный в стельку. Выполнен фразеологический перевод с полной заменой образности. Это становится ясным, если обратиться к этимологии обоих фразеологизмов. “Three sheets in the wind” – слово “sheet” в морском сленге означает «веревка для подъема паруса». Если три веревки во время сильного ветра ослабевали, корабль начинал крениться как пьяный моряк. В русском же фразеологизме «стелька» – производное от слова «стелиться», т.е. человек настолько пьян, что не может встать и лежит, расстелившись. Образные основы в обоих языках разные, но при переводе сохранена экспрессивная окраска.

Knock/ hit someone for six – потрясти; выбить из колеи. Как и в случае с предыдущей парой фразеологизмов, осуществлен фразеологический перевод с полной заменой образности. Английский фразеологизм связан с игрой крикет, где определенным образом можно заработать сразу шесть очков, что считается очень зрелищным событием. В русском фразеологизме «колея» – след от колес на грунтовой дороге.

Результаты проведенного анализа: в 50% случаев фразеологические сращения переводятся способом подбора аналога с полной заменой образности. Мы не наблюдаем калькирования, что весьма логично, в противном случае получится бессмыслица, т.к. образы в обоих языках не совпадают. Если в русском языке отсутствует определенный фразеологизм, целесообразнее перевести его нефразеологическим или лексическим способами. Фразеологические единства чаще переводятся нефразеологическим способом. Они также легко переводятся способом подбора аналога, благодаря тому, что они мотивированы, а общие понятия и ассоциации в разных языках схожи. Фразеологические сочетания настолько часто повторяются в нашей речи, что их с трудом можно отнести к фразеологизмам. Во многих языках они одинаковы, благодаря чему переводятся с помощью калькирования, и лишь в незначительных случаях – описательным или лексическим переводом. Пословицы и поговорки в подавляющем большинстве случаев имеют аналоги и эквиваленты, а в некоторых случаях переводятся калькированием.

Несмотря на незначительное количество безэквивалентных фразеологизмов, из вышеизложенного можно заключить, что большинство английских фразеологизмов с компонентом числительное имеют эквиваленты и аналоги в русском языке. Это говорит о некотором сходстве восприятия и оценки окружающего мира.

Список литературы

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – Изд. 4-е. – М.: «Р.Валент», – 2009. – 360 с.
2. Голованова Е.И. Символика числа в языковом сознании // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 3 (16). – С. 20-24.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, – 2001. – 945 с.
4. Dexter C. The Jewel That Was Ours. London: – Macmillan, – 1991. – 275 pp.

10.02.04

¹М.С. Харченко, ²М.Н. Палеха, ³Е.С. Глухова

¹Иркутский государственный университет,
педагогический институт,
отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

²Иркутский государственный университет,
педагогический институт,
отделение гуманитарно-эстетического образования,

³Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Центр образования №47,
Иркутск, porova-mary@mail.ru, palekha.m@mail.ru, dovgy@inbox.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОНСТРУКЦИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ АНГЛИЙСКИМ ГЛАГОЛОМ TO HAVE

В статье с позиций семантического синтаксиса анализируется развитие конструкций, образованных английским глаголом to have, с момента первого упоминания в историческом словаре (888 г) до наших дней. Описываются элементы, входящие в состав have-конструкций.

Ключевые слова: *прототип, конструкция, прототипическая ситуация, прототипическая конструкция.*

Обилие грамматических форм и синтаксических функций делают глагол привлекательной частью речи для лингвистических исследований. Вербоцентрическая концепция определяет глагол, как организующий центр предложения, поскольку «... он организует предложение, во-первых, семантически, так как предсказывает, какие содержательные единицы употребляются справа и слева <...>; во-вторых, глагол организует предложение синтаксически, так как предопределяет, в какой форме это содержание должно появиться в предложении...» [4, с. 22]. Прототипический подход позволил говорить о наличии у глагола прототипической ситуации, которая существует в голове у говорящего и опознается им в первую очередь, и, как следствие, делает возможным семантическое и синтаксическое предсказание элементов предложения или конструкции. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, прототипическая ситуация - это некоторая идеализированная абстрактная сущность, «набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта» [8, с. 70]. В языке прототипическая ситуация вербализуется при помощи прототипической конструкции, в которой все формальные единицы лексически субкатегоризованы, например, N_{лицо} V_{действие} N_{предмет} [4, с. 40].

Настоящее исследование посвящено изучению конструкций, организованных глаголом to have. Функциональные возможности данного глагола позволяют ему выступать в предложении в качестве знаменательного, вспомогательного, модального и каузативного глагола [1], [2], [3], [5]. Представляется интересным проследить этапы развития have-конструкций в истории английского языка с точки зрения семантического синтаксиса.

Современное значение исследуемого глагола определяется, как «to own, hold or possess something» [9]. Прототипическая ситуация, категоризованная глаголом to have будет иметь следующий вид: «Субъект обладает Объектом». Языковая репрезентация этой ситуации происходит при помощи конструкции N₁ have N₂, где N₁ – существительное одушевленное, N₂ – неодушевленное. Например, *They have a beautiful home* [7].

Однако обращение к историческому словарю английского языка позволило обнаружить, что впервые употребление этого глагола было отмечено в 888 году в значении «*To hold, to posssess in hand*» [10, p. 125], т.е. в прямом смысле *держат что-либо в руках*. Таким

образом, можно говорить о том, что изначально глагол *to have* относился к глаголам действий, поскольку предполагал определенные манипуляции с Объектом, ср.: ... *having an axe in his hand* [10]. В ходе дальнейшего развития наблюдается сдвиг в значении глагола и уже в начале десятого века отмечается употребление глагола *to have* в значении «*to hold in possession*». Здесь мы можем наблюдать расширение значения для обозначения более общего класса отношений – обладания. В этом случае никаких действий над Субъектом не происходит и, как следствие, глагол перешел в разряд стативных глаголов. В этот период происходит бурный рост числа *have*-конструкций. Так, глагол начинает категоризовать ситуации не прямого манипулирования Субъектом, но связанные с ним (Субъектом) и в языке появляются предложения типа:

(1) *The father has a son; the son has a father* [10].

(2) *A man has a house, a house has an owner* [10].

То есть пока еще в сознании говорящих глагол *to have* ассоциируется с конкретными физическими объектами, которые принадлежат Субъекту на правах собственности (например, сын по отношению к отцу в (1) или дом по отношению к хозяину в (2)) или по принципу «часть-целое» (как птицы и их крылья в (3), месяцы и календарный год (4)).

(3) *If they (birds) have wings to fly away from their owner, they have wings also to escape danger* [10].

(4) *The year has twelve calendar months* [10]

В приведенных примерах как Субъект (N_1), так и Объект (N_2) могут быть и одушевленным и неодушевленным существительным.

Следующим этапом развития конструкций является использование абстрактных существительных в позиции Объекта (N_2), при которых «обладатель» или Субъект испытывает удовольствие (5) или неудобство (6) от «процесса обладания», ср.:

(5) *I have had a real good time* [10].

(6) *He has very bad health* [10].

Таковыми же конструкциями выражаются ситуации «обладания» чувствами или мыслями, ср.:

(7) ... *let me see... what you have against it?* [10].

Несколько позже (конец 16 века) словарь отмечает предложения с событийными существительными в позиции Объекта, к числу которых относятся такие существительные, как *look, bath, shower*:

(8) *I went and had a look at the bedroom* [10].

Включение инфинитива в состав *have*-конструкции позволило говорящим категоризовать более сложные ситуации, весьма опосредованно связанные со значением обладания. Например, конструкция N_1 *have* N_2 V_{inf} со значением «*To possess as a duty or thing to be done by the subject*» [10], где речь идет об «обладании» чувством долга, необходимости выполнить какое-либо действие по отношению к Объекту (N_2), ср.:

(9) *He will have too much to do* [10].

Развитие конструкций с причастием II привело к появлению в языке перфектных форм глагола с одной стороны и каузативных предложений с другой. Словарь датирует появление перфектных форм в следующем хронологическом порядке: Past Perfect – 800 г., Present Perfect – 832г., аналитические формы типа *shall/ will/ should have* – 1175г. [10]. Отметим, что в результате перехода из разряда знаменательных в разряд вспомогательных глагол *to have* не утратил своего основного лексического значения «обладать». В подтверждение сказанному приведем пример трансформации перфектной формы глагола из предложения с *to have* в значении «обладать», ср.:

(10) *I possess or have my work in a done or finished condition => I have done my work* [10].

Каузативные предложения строятся по модели: N_1 *have* N_2 V_{en} , где N_1 - существительное одушевленное, N_2 – неодушевленное. За структурно простым предложением скрываются две ситуации, причем истинный исполнитель действия (Субъект) в структуре предложения не представлен. Необходимость в появлении таких предложений продиктована отсутствием

информации об исполнителе, либо отсутствием необходимости сообщать о нем. В категоризованных при помощи этих моделей ситуациях важно уловить отношение Субъекта к результату, выраженному V_{en} . Дело в том, что если семантика причастия имеет знак «+», то N_1 намеренно устроил ситуацию таким образом, чтобы получить желаемый результат V_{en} , выполненный третьим (не выраженным в структуре предложения) лицом (11). В противном случае речь идет о ситуации, допущенной по неосторожности, по невнимательности, поскольку намеренно желать себе зла человеку не свойственно (12).

(11) ... *a man who certainly deserved to have his biography written* (OED).

(12) *I have my bag stolen* [6].

Появление модального значения исследуемого глагола словарь отмечает в 16 веке в значении «to have a duty; to be under obligation», категоризируемом на синтаксическом уровне конструкцией N_1 have to V_{inf} , ср.:

(13) *I have to go to London tomorrow* [10].

Подчеркнем, что и в случае перехода в разряд модальных глагол to have не утрачивает своего лексического значения.

Кроме того, в словарях можно найти множество фразовых (14) и идиоматических (15) выражений с глаголом to have, большая часть из которых прямо или опосредованно связана со значением «обладать», ср.:

(14) *To have against* (have (got) something against somebody/something); *to have back* (to allow a husband, wife, partner, child, etc. to return after being apart from them; to allow a former employee to work for you again); *to have in* (to have a supply of something in your home, etc.); *to have on* (to try to make somebody believe something that is not true, usually as a joke); etc.

(15) *To have done with something* (to finish something unpleasant so that it does not continue); *have it in you* (to be capable of doing something); *have it in for somebody* (to not like somebody and be unpleasant to them), etc.

В результате проведенного исследования нами была описана прототипическая ситуация, категоризируемая глаголом to have, при которой «Субъект обладает Объектом». Языковая репрезентация этой ситуации происходит при помощи прототипической конструкции N_1 have N_2 , где N_1 – существительное одушевленное, N_2 – неодушевленное. Первоначальное употребление данного глагола зафиксировано в значении «*To hold, to possess in hand*» (держат в руках), однако свое развитие глагол получил в результате перехода из разряда глаголов действия в разряд глаголов состояния, чему способствовала сема «possess» («обладать»). Конструкция расширялась за счёт употребления одушевленных, неодушевленных и абстрактных существительных в позиции Объекта (N_2) и Субъекта (N_1), а также введения в структуру предложения инфинитива и причастия II. Все эти средства позволили глаголу выступать в предложении в качестве знаменательного, вспомогательного, модального, фразового и каузативного глагола, однако выступая во всех перечисленных функциях глагол to have в той или иной степени сохранил свое лексическое значение «обладать».

Список литературы

1. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка: Издательство литературы на иностранных языках, Москва, 1960.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. 6 М.: Высш. школа, 1983. 6 с. 383
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. И 20 Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник./ — М.: Высш. школа, 1981. —285 с.
4. Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово: Монография. – Иркутск, 2008. – 397 с.
5. Левицкий Ю.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2004. – 156 с.
6. BNC – British National Corpus [electronic resource] – URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 14.04.21)
7. CD - Cambridge Dictionary [electronic resource] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 14.04.21)
8. Lakoff, G. Metaphors we live by // G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
9. OD – Oxford Dictionary [electronic resource] – URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 15.04.21)
10. OED – The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary of Historical Principles: in 12 vol.– Oxford: Clarendon Press, 1933.Vol. VI.

10.02.04

С.С. Шумбасова

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, svetshum13@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье представлены фразеологические единицы немецкого языка, в состав которых входит национально-культурный компонент, то есть слово, одно из семантических значений которого непосредственно связано с языковой картиной мира. Именно фразеология является транслятором культурных особенностей и национального характера, концентрируя в себе компоненты, имеющие концептуальное значение для носителей немецкого языка, в котором отчетливо прослеживаются определенные тематические группы фразеологизмов.

Ключевые слова: культура, фразеологическая единица, национальный компонент, концепт.

Национально-культурное своеобразие раскрывается через язык носителя языка. История народа, их культура, традиции, обычаи, особенности географического расположения, особенности природы и ландшафта, а значит, и флора и фауна, политическое устройство и отношения со странами-соседями – все это отражается в менталитете, то есть в картине мира в целом и в языковой картине мира в частности. Основу любой языковой картины мира составляют «сгустки культуры» (по определению Ю.С. Степанова) – концепты. «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [4]. Основываясь на этом определении, позволим приравнять фразеологические единицы языка к концептам. Данная мысль подкреплена тем, что в символическом компоненте фразеологической единицы заключено мировосприятие носителем языка особенностей культуры своей страны, а по словам В.Н. Телия, культура – это «...продукт духовно-нравственного осмысления человеком мироустройства, на фоне которого формируется самосознание личности; поэтому установки культуры, лежащие в основе ценностных ориентиров жизненной философии и жизнедеятельности личности, постигаются рефлексивно», а контекст культуры – это «одна из сфер «среды обитания» человека» [5].

Таким образом, большой пласт фразеологии того или иного языка возникает именно на национальной основе, включая в свой состав ту или иную семантический компонент, отражающий особенности быта, нравов, взаимоотношений, порядка, установленного на данной территории, ограниченной определенным языком.

Немецкий язык имеет богатую фразеологию. Об этом свидетельствует большое количество фразеологических словарей, словарей пословиц и крылатых выражений, сленга и символов. Многие из них объясняют происхождение и значение фразеологизмов.

Остановимся на конкретных примерах.

1. Известные личности или специфические профессии и ассоциации с ними:

nach Adam Riese – «абсолютно правильно, абсолютно точно»; по имени автора первых популярных учебников по арифметике на немецком языке (Адам Ризе, 1492-1559);

rangehen wie Blücher – «действовать решительно»; Блюхер – прусский фельдмаршал времен войн против Наполеона;

bei jmdm. in der Kreide stehen – «задолжать кому-либо»; от обычая трактирщиков записывать долги мелом на специальной доске.

2. Названия растений, наиболее типичных для немецкоговорящего пространства:

j-d betrachtet jetzt die Kohlrabi von einer anderen Seite / von unten – букв. «кто-либо теперь смотрит на кольраби с другой стороны / снизу» – эвфемизм «умереть»;

schiesse wie die Spargel aus dem Boden – букв. «расти как спаржа из земли» – разг. «разрастись; внезапно возникнуть в большом количестве»; ср. ФЕ с тем же значением: нем. aufschießen (wachsen) wie die Champignons (Pilze, австр. Schwammerln) nach dem Regen – «растут как грибы (после дождя)»;

blöde Spinatwachtel / blöd wie Spinatwachtel – букв. «глупая, как перепёлка в шпинате» – неодобр., об очень глупой женщине;

der Wirsingkohl – савойская капуста – часто используется как эвфемистическое обозначение головы человека; ср. в этой же функции фитокомпоненты Birne (груша), Kürbis (тыква), Rübe (свёкла; репа).

3. Наблюдения за природой и видоизменениями растений:

Eichen sollst du weichen, Buchen sollst du suchen – «Избегай дуба, ищи бук (во время грозы)»; люди рано заметили, что дуб – лучший проводник электричества, чем бук, поэтому под ним не стоит прятаться во время грозы;

Pilze wachsen schneller als Eichen – «Грибы растут быстрее, чем дубы»; ФЕ употребляется, когда хотят подчеркнуть, что большое дело требует длительного времени ~ нем. Die den Wald säen, ernten ihn nicht – «Кто сеет лес, тот не пожинает его плоды», ведь вырастить лес – дело не одного года);

Binsen knicken vom Atem, Eichen brauchen Sturm – «Тростник надламывается, едва на него подышишь, а дубы только во время бури»;

alte Bäume lassen sich nicht mehr biegen – «Старое дерево уже не согнешь» («пожилого человека уже не переделаешь»);

die knarrende Tanne steht am längsten – «Скрипучая елка дольше всех стоит») – гнилое дерево до ста лет скрипит; о человеке, дожившем до глубокой старости, несмотря на множество хронических болезней;

die schönste Nuss hat oft einen schlechten Kern – «У красивого ореха часто бывает плохое ядро» и der schönste Apfel hat oft einen Wurm – «В самом красивом яблоке часто оказывается червяк») ~ рус. «не всё то золото, что блестит».

4. Национальность или «чужой» язык:

j-m spanisch vorkommen – «казаться странным»; произошло во времена Карла V, именно он с 1516 года был испанским королем, а затем в 1519-м занял немецкий престол и внес свои законы, традиции и обычаи, которые было совсем непонятны немцам.

5. Национальная еда, специфические продукты:

eine Extrawurst verlangen – букв. «требовать дополнительную колбасу» т.е. «требовать внимания к себе»;

das ist nicht mein Beer – «мне это не нравится, я это не люблю»;

seinen Senf dazugeben – «высказать свое (часто непрошенное) мнение».

6. Животные:

auf der (faulen) Bärenhaut liegen – «бездельничать, бесполезно проводить время»;

zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen – «одним ударом мухобойки двух мух убить»;

einen Vogel (im Kopf) haben – «быть со странностями»;

ein alter Hase sein – «быть мастером своего дела»;

Klappe zu! Affe tot! – «Делу конец!»; раньше кривляющаяся мартышка была основным действием в цирке, и если она умирала, то представление отменялось;

keinen Bock haben – «не иметь настроения, желания что-либо делать».

7. Части тела:

Haare auf den Zähnen haben – «не лезть за словом в карман, уметь постоять за себя»;

einen Frosch im Hals haben – «говорить хрипло»;

sich etwas hinter die Ohren schreiben – «зарубить себе на носу, запомнить»;

kalte Füße bekommen – «испугаться, сдрейфить»; пришло из азартных игр: играть в карты на деньги было запрещено и приходилось собираться тайно в подвалах, где было сыро и холодно. Когда у игрока выпадали плохие карты, то можно было схитрить и уйти, сославшись на замерзшие в подвале ноги;

die Nase voll haben – «быть сытым по горло»;

Tomaten auf den Augen haben – «не видеть очевидных вещей».

Таким образом, национально-культурный аспект как нельзя лучше прослеживается именно в фразеологизмах, а анализ определенных тематических групп позволяет определить, в какой сфере национальное своеобразие наиболее отчетливо. В немецком языке это, прежде всего, растения и их компоненты, а также национальная кухня. Однако не стоит забывать, что «существует только один путь освоения культурных компонентов: по возможности более широкое ознакомление с культурой данного народа-носителя языка, с реалиями его жизни и быта» [2].

Список литературы

1. *Бинович Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь / Отв. ред. С.И. Константинова – М. : «Аквариум», 1995. – 768 с.
2. *Комлев Н.Т.* О культурном компоненте лексического значения // ВМУ. Серия Х. Филология. –1966. – № 5. – СС. 43-50.
3. *Мальцева Д.Г.* Страноведение через фразеологизмы / Пособие по немецкому языку : Учебное пособие / Отв. ред. Д.Г. Мальцева. – М. : «Высшая школа», 1991. – 173 с.
4. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Изд. 2-е, испр. и доп / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001 – 590 с.
5. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – СС. 13-25.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА*10.02.19***Г.В. Галавова**

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Казань, galgulwak@mail.ru

ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ

Статья посвящена вопросам применения языка науки в жизни спортсменов. В ходе научных исследований и написанных публикаций не только осуществляется разработка и реализация комплексных программ подготовки по определенным видам спорта на всех этапах становления, развития и реализации высшего спортивного мастерства, но и обеспечивается научно-теоретическое изучение механизмов, двигательной деятельности спортсменов, их диагностика и контроль. Основные требования по решению проблем физической культуры и спорта, обусловлены не столько способностью передавать различные знания и умения слушателям, сколько способностям наиболее эффективно использовать эти знания для достижения совершенно конкретных целей и задач.

Ключевые слова: язык, спорт, лексика, наука, спортсмены, язык науки.

В настоящее время совершенствование образовательных стандартов в системе высшего образования в спортивных вузах обуславливает необходимость постоянного обновления и актуализации. Одним из важнейших требований в данном случае становится момент создания и развития у студентов интереса к научному языку.

Цель настоящей статьи – определить роль языка науки в теории и практике спортсменов.

Цель определила **задачи** настоящего исследования:

- раскрыть значение базовых понятий научной стороны сферы спорта;
- определить необходимость создания специального языка спорта;
- изучить все возможности научного языка спорта в проблеме коммуникации

специалистов по физической культуре.

Сегодня изучение многогранных тем составляющих спорт происходит достаточно тщательно. Он становится предметом исследования представителей самых различных областей знания: естественно-научного и гуманитарного, рассматривается в русле медико-биологических, педагогических, психологических, экономических, социологических, эстетических и собственно философских исследований. Это доказывает, наука становится интересна, и ее изучение спортсменом будет иметь положительный результат. Надо сказать, что большинство зарубежных стран осознали, что современный спорт стал высокотехнологическим процессом и для развития его необходимо создать основательное научное и научно-методическое обеспечение.

Языковедение (лингвистика) - наука, изучающая языки. Все существующие, когда-либо примененные и которые могут возникнуть в будущем или уже устарели и не используются вовсе. Как всякая наука, языковедение создано в связи с практическими потребностями, но незаметно развилось в сложную и разветвленную систему дисциплин как теоретического, так и прикладного характера. Именно его развитие в различных направлениях привело к созданию специального языка в профессиональной сфере тренеров и спортсменов. В свою очередь, рассматриваемый язык науки должен быть ясным и точным для тренеров и спортсменов. Ясность в этом случае обозначает конкретное описание средств и методов. Язык науки по возможности должен быть полным, это означает, что его составляющие должны описывать все составляющие факторы, влияющие на изучаемый объект и на него самого, как определенные системы. Требование однозначности состоит в том, что каждое

слово в описании должно иметь одно значение, высказывание в целом должно толковаться одним способом. Даже сейчас наблюдается путаница в таких словосочетаниях, как "физические качества", "физические способности", "двигательные способности" и т.п. А понятия "физическое образование" и "физкультурное образование" имеет еще более сложную ситуацию. Отметим, что понятие "физическое образование" ввел Петр Францевич Лесгафт.

Именно благодаря проделанной работе в данной деятельности ученых и специалистов, вписавших свои имена в историю мировой спортивной культуры, была создана система физического воспитания и подготовки спортсменов высокого класса. Их исследовательский потенциал и экспериментальные работы были лучшими. Их система средств и методов преобразования физического и психологического потенциала человека, выявления и развития его неординарных способностей, организации его целенаправленной подготовки к важнейшим соревнованиям.

Без объективных знаний о закономерностях возрастного развития физического потенциала человека, о законах его адаптации к физическим нагрузкам разной направленности невозможно правильно спланировать педагогическую сторону, а без правильной системы контроля, обеспечивающей оценку развития адаптационных процессов, - его провести. Получается, что тренерам необходимо проводить тренировочный процесс максимально верно и спортсмены становятся, вовлечены в механизм научной работы. Они на себе испытывают знания и методики тренера, что в последующем складывается в их собственные научные знания в области избранного вида спорта.

Так, например, сейчас многие спортивные вузы предоставляют возможность бывшим и действующим спортсменам, которые не заканчивают спортивную карьеру учиться. Многие спортсмены имеют хороший опыт, и им он помогает в научной деятельности, они пишут статьи и посещают конференции. Есть возможность использования аппаратуры для диагностики, их исследования под руководством преподавателей являются качественными и познавательными. Благодаря их исследованиям пополняется научно-методическая литература.

Получается, что именно уровень развития научного знания у спортсмена и тренера определяет их профессиональную значимость в области физической культуры и спорта. Необходимо соответствовать и быть в курсе всех нововведений, чтобы в последующем уметь находить общий язык с другими специалистами в данной области. При контакте нескольких профессионалов в области спорта происходит повышение и увеличение необходимых знаний у обоих. Поэтому, делиться и получать новые знания не должно становиться проблемой, а наоборот должно становиться привычным делом для того, чтобы научное знание сферы спорта развивалось и не угасало.

Анализ педагогической работы показывает, что занятия, не сопровождающиеся яркой и грамотной речью, не реализуют полностью обучающие и воспитывающие возможности. При проведении учебно-тренировочных занятий и воспитательной работы главным средством воздействия тренера на спортсменов служит живая и хорошо поставленная речь. С помощью слова тренер управляет учебным процессом, руководит практическими действиями, передает занимающимся необходимые знания, прививает навыки грамотного выполнения и правильного поведения. Культура речи связана с речевыми и языковыми знаниями, под которыми видят умение одновременно показывать и объяснять упражнение, не нарушая ни качество его исполнения, ни правильность, точность и выразительность речи.

Также стоит заметить важность знаний английского языка спортсменами. Сейчас английский является международным средством общения и государственным языком многих стран, данный язык прочно вошел в нашу жизнь. Его знание позволяет читать в оригинале исследования иностранных специалистов, изучать научные фильмы без перевода, пользоваться иностранными сайтами, прослушивать выставление оценок судейской коллегией, а также без затруднения понимать население практически любой страны мира.

Данное знание у тренеров помогает уничтожить языковой барьер в научной и

профессиональной сфере. Ведь многие продвинутые и информативные спортивные научные материалы не имеют перевода на другие языки. Владение иностранным языком позволяет учащимся высших учебных заведений реализовать такие аспекты своей деятельности, как современное ознакомление с новыми технологиями, опытом их использования, открытиями и тенденциями в развитии науки, техники и спорта, установление контактов с зарубежными партнерами. Так, например, даже правила соревнований по плаванию переводятся с английского языка, что подтверждает важность данного умения на практике.

Следовательно, теория физического воспитания является основной ветвью науки спорта и образования, именно поэтому студентам важно непрерывно совершенствоваться, обогащаться опытом и накапливать знания в этой области. Формирование культуры речи будущих специалистов в области физической культуры и спорта - комплексная и многоплановая задача, успех решения которой зависит от организации, содержания и качества работы в области русского языка и культуры речи в вузе.

Список литературы

1. *Верхошанский Ю.В.* Актуальные проблемы современной теории и методики спортивной тренировки // Теор. и практ. физ. культ., 1993, № 8, с. 21-28.
2. *Журавлев А.П.* Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. - М.: Наука, 1972, с. 81-104.
3. *Бальсевич В.К., Лубышева Л.И.* Физическая культура: молодежь и современность // Теория и практика физической культуры, 1995, №4, с. 21-22.
4. *Лях В.И.* Ориентиры перестройки физического воспитания в общеобразовательной школе // Теория и практика физической культуры, 1990, № 9, с. 10-14.
5. *Шмайлова О.В.* Формирование коммуникативной культуры будущих учителей: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Сургут, 1997.- 18 с.

10.02.19

Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская, С.М. Заграевская

Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, dubovsky@pgu.ru, zagraevskaya@yandex.ru,
Институт атомной энергетики,
Научно-исследовательский университет Московский инженерно-физический институт,
Обнинск, szagraevskaya@yandex.ru

АНГЛО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗНАКИ

Статья посвящена сопоставительному анализу характера функционирования пунктуационных знаков двоеточия и тире в русском и английском бизнес-дискурсах Интернет-пространства.

Ключевые слова: двоеточие, бизнес-дискурс, Интернет, тире, функция.

Функциональность пунктуационных знаков в Интернет-пространстве бизнес-дискурса складывается под влиянием как языковых, так и дискурсивно-стилистических составляющих. Функционально-стилистический контекст бизнес-дискурса определяется совокупностью входящих в него социальных ситуаций общения. Контекстуальные условия задают формат общения, стилистическую тональность и характер использования в дискурсивном пространстве языковых средств для достижения определенных целей коммуникантов.

Пунктуационные знаки в контексте бизнес-дискурса Интернет-коммуникации участвуют в оформлении, организации и систематизации письменного пространства стилистически-разноплановых ситуаций. Всякий раз актуализированная система пунктуационных знаков учитывает стилистику контекста бизнес-дискурса, особенности языкового мышления участников коммуникации для достижения максимальной эффективности.

Пунктуационное оформление синтаксической связи между компонентами предложения с помощью двоеточия и тире в пространстве бизнес дискурса англоязычной и русскоязычной Интернет-среды указывает на существование схожих семантико-синтаксических отношений обеих графем с единицами данных предложений. Двоеточие и тире обладают потенциалом привнесения значения уточнения, дифференциации, усиления компонентов предложения.

Потенциальная амбивалентность двоеточия и тире согласуется с структурно-семантическими функциональными задачами, реализуемыми данными пунктуационными знаками в бизнес-дискурсе Интернет-среды, и особенностями Интернет-коммуникации, что особенно ярко проявляет себя в неформальных типах бизнес-дискурса, где наблюдается стремление коммуникантов объединить информативность с динамичной передачей основного содержания и привнесения его личностных характеристик, оценок, суждений, эмоций, экспрессии.

Данное исследование проводилось на материале формального и неформального типов бизнес-дискурса Интернет-коммуникации в английской и русской лингвокультурах [The economist; Эксперт online]. Объем эмпирического материала составил в русском языке – 310 единиц, в английском – 230.

На первом этапе мини-контексты, включающие двоеточие и тире, анализировались с целью определения их функциональности с последующей систематизацией в каждом дискурсивном формате. В качестве мини-контекстов анализу подвергались как единичные предложения, так и более сложные фрагменты дискурса, напр.:

- *Теплоэнергетика, как и любое промышленное производство, не предполагает возврата инвестиций за год, горизонты окупаемости в отрасли – в лучшем случае 10-15 лет [Эксперт online].*

- *All of these things are designed to appeal to your marketplace, which is why it's different for everyone – your customers are not my target customers, etc. [The economist].*

Разноформатные условия реализации двоеточия и тире в пространстве бизнес-дискурса англоязычной и русскоязычной Интернет-коммуникации позволили установить общую совокупность функциональных задач, как структурно-грамматических, так и семантико-смысловых, а именно: оформление таких элементов структуры предложения, как 1) прямая речь / цитаты, 2) заголовки, 3) эллипсис, 4) обращения, 5) последовательной связи ряда грамматических основ со значением «=и», 6) связи компонентов грамматической основы предложения. К семантико-смысловым функциональным задачам, решаемым двоеточием и тире в формальном и неформальном типах бизнес-дискурса английского и русского языков, были отнесены такие, как установление связи между компонентами предложения со значением 1) вывода / следствия («= значит»), 2) уточнения, путем введения вводного слова, 3) уточнения, путем введения вводного предложения, 4) уточнения («=а именно, что, потому что»), 5) быстрой смены событий, 6) противопоставления, 7) условия, 9) времени, 10) сравнения, 11) удивления, 12) перечисления, 13) периода / диапазона.

Далее осуществлялся сопоставительный анализ мини-контекстов, включающих двоеточия и тире с различной функциональностью, с учетом показателей рекуррентности и объема, находящихся под влиянием дискурсивного окружения Интернет-пространства.

Систематизация функциональной вариативности двоеточия и тире позволила дифференцировать показатели их актуализации в каждом из анализируемых языковых форматов. В результате удалось установить тенденцию включения схожих функциональных задач в зависимости от дискурсивного контекста реализации. Объем функциональных задач формального типа англо- и русскоязычного бизнес-дискурсов включает меньшее количество ситуаций по сравнению с неформальным.

Установлено, что дискурсивные разновидности в русско- и англоязычной лингвокультурах проявляют значительную типологичность в актуализации ряда функциональных значений. При этом ее присутствие варьирует в зависимости от избранного формата анализа. Идентичность функциональных задач, решаемых с помощью двоеточия и тире, в формальном типе бизнес-дискурса сопоставляемых лингвокультур составляет 63%, устанавливая зоны вариативности для проявления русского (26%) и английского (11%) языков. Идентичность функциональных задач, решаемых с помощью двоеточия и тире, в неформальном типе бизнес-дискурса сопоставляемых лингвокультур составляет 85%, устанавливая зоны вариативности для проявления русского (6%) и английского (9%) языков.

Для формального типа бизнес-дискурса типологичность проявляется через узуальность двоеточия и тире, реализующих такие функции, как 1) оформление прямой речи, 2) заголовков, 3) эллипсиса, 4) вводного слова / словосочетания в форме уточнения, 5) собственно уточнения со значением «=а именно, потому что», а также 6) противопоставления. Среди конкретно-ориентированных языковых характеристик английской языковой системы, связанных с появлением двоеточия и тире в формальном типе бизнес-дискурса, отметим реализацию функциональной нагрузки оформления вводных предложений в форме уточнения и конструкций с семантической задачей передачи быстрой смены событий. Русскоязычное пространство узуальности формального типа бизнес-дискурса, в свою очередь, проявляет специфичность в части реализации таких пунктуационных задач, как оформление связи компонентов грамматической основы предложения, вывода / следствия со значением «=а значит», условия.

Типологичность неформального типа бизнес-дискурса зафиксирована в части реализации таких функциональных задач, как 1) связь компонентов грамматических основ предложения, 2) вводное слово, словосочетание в форме уточнения, 3) вводное предложение в форме уточнения, 4) уточнение «а именно, потому что», 5) вопрос, 6) быстрая смена событий,

7) противопоставление, 8) условие, 9) время, 10) удивление, 11) перечисление, 12) период, диапазон. Специфичность англоязычного пространства неформального бизнес-дискурса установлена при актуализации таких функциональных значений, как оформление обращения, выводов / следствий со значением «=а значит», а также при оформлении последовательной связи ряда грамматических основ со значением «=и». В свою очередь, в русскоязычном неформальном бизнес-дискурсе конкретно-языковая специфика отмечается при оформлении прямой речи / цитат и эллипсиса.

Рекуррентность актуализации функциональной нагрузки, реализуемой с помощью двоеточия и тире в бизнес-дискурсе Интернет-коммуникации, характеризуется конкретно-языковыми и конкретно-дискурсивными показателями. Так, доминантная рекуррентность в формальном типе бизнес-дискурса английского языка охватывает ситуации оформления заголовков (35%) и прямой речи (31%). Аналогичная область русскоязычного формата сводится к реализации функции оформления уточнений со значением «а именно, потому что» (24%), прямой речи и цитат (19%), связи компонентов грамматической основы предложения (17%).

Наибольших показателей рекуррентности в неформальном типе бизнес-дискурса английского языка набрали ситуации оформления с помощью двоеточия и тире компонентов предложения при реализации уточнения со значением «=а именно, потому что» (17,5%), последовательной связи ряда грамматических основ (13,5%), перечисления однородных членов предложения (15%), противопоставления (11,5%). Доля доминантных функциональных значений, выражаемых двоеточием и тире в неформальном русскоязычном бизнес-дискурсе, включила оформление связи компонентов грамматической основы предложения (19,5%), быстрой смены событий (18%), перечисления (11,5%), уточнения со значением «=а именно, потому что» (11,5%).

Таким образом, проявление вариативности двоеточия и тире в анализируемых языковых форматах обнаруживает зависимость не только от реализуемой функциональной задачи, но и находится под влиянием дискурсивного окружения, что особенно характерно для английской языковой системы. Функциональность пунктуационных знаков двоеточия и тире варьируется в зависимости от стилистического формата реализации. В неформальном типе бизнес-дискурса по сравнению с формальным они приобретают новые функциональные задачи и иные показатели рекуррентности, позволяющие достичь самовыражения языковой личности и приблизить читателя к своей точке зрения. Интерпретация, наглядность, образность, динамика и интенсивность высказываний предопределяют выбор адекватных языковых средств.

Список литературы

1. Уолш И.А., Варшавская А.И. Письменная практика / И.А. Уолш, А.И. Варшавская. – М.: Просвещение, 1983. – 207 с.
2. Summey G. Modern Punctuation / G. Summey. – New York: Oxford Univ. Press, 1919. – 265 p.
3. Эксперт online. <http://expert.ru/>
4. The economist. <https://www.economist.com/>

10.02.19

¹З.И. Евлоева, ²А.М. Льянова

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,
Филологический факультет,

¹кафедра французского и латинского языков,²кафедра немецкого языка,

Magac, z_evloeva@mail.ru, ze6ta5@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья освещает морфологический анализ терминов родства во французском и ингушском языках. В центре структуры родственных отношений, отраженных в терминологии родства, всегда находится одно условное лицо – «говорящий». Особую популярность в лингвистических исследованиях термины родства получили в связи с зарождением и применением метода компонентного анализа значений слов.

Ключевые слова: термины родства, морфологический анализ, отец, мать, родственник, ребенок.

Термины родства могут быть подразделены на несколько категорий. Морфологическая структура терминов была проанализирована М. В. Крюковым, который предложил различать:

- простые термины, т. е. «представляющие собой самостоятельные слова, не разложимые на отдельные компоненты».[3, с.78] Например,

фр.: *le père, la mère, le frère, la soeur, la tante, l'oncle, le cousin, la cousine.*инг.: *да, нана, йиша, воша, йол, вол.*

«La famille dine à l'ombre du poirier planté devant la porte: *le père, la mère*, les quatre enfants, les deux servantes».

“*Ma mère* était une femme d'ordre et de hiérarchie”.

“*Mes soeurs* faisaient leurs robes elles-mêmes et avaient de longues discussions sur le prix du galon qui valait quinze centimes le metre”. [6, с.119]

“Enfin *l'oncle* Jules avait notablement diminué l'héritage sur lequel comptait *mon père*; après avoir d'ailleurs mangé sa part jusqu'au dernier sou”.

“*Mon oncle* Francis, qui avait bu du Champagne, affirma qu'il allait le massacrer avec tant de fureur, que *ma mère et ma tante* se jetèrent sur lui pour l'empêcher”.

“Parce que vous l'aimiez plus que *votre cousine*”. [6, с.119]

«Цлен доал цунга *дас* хьаденнадале массанега а хьажавезар из ва къаеннача Миэга а, *наьнага* а, *злама1га йишараиша* а». [2, стр.18]

«- К1ант ва, *са вол!* Мара кхы х1ама аланзар Мандрего». [2, с.22]

«Йоккхача *нане* йийца аьрзи лоацалоре-м цо д1авувцаргвар цига». [2, с.14]

«Шийга *дас* йоалае яхача *йо1а* раьза хиннавац *вол*».

Эквивалентом термина *la tante* в ингушском языке является не цельнооформленный термин, а два описательных термина, состоящих из двух простых терминов родства: *наьнайиша, даьйиша*. Следовательно семантика французского термина *la tante* более общая, а в ингушских терминах конкретизируется тетя со стороны отца или со стороны матери.

Эквивалентом термина *l'oncle* в ингушском языке также является не цельнооформленный термин, а два описательных термина, состоящих из двух простых терминов родства: *наьнавоша, дьавоша*.

Семантика французского термина *l'oncle* более общая, а в ингушских терминах конкретизируется дядя со стороны отца или со стороны матери.

Интересно отметить то, что лат. *Patruus*- ‘брат отца’ и *avunculus* - ‘брат матери’ были объединены в одной только лексеме фр. *oncle*. Лексемы *amita* ‘сестра отца’, *matertera* ‘сестра

матери' объединила в себе фр. *tante*. Лексема *oncle* происходит от *avunculus* 'брат матери'. Причины, по которым исчезли лат. *patruus* и *matricula*, очевидно, кроются в том, что, во-первых, вследствие фонетической эволюции *patruus* и *matricula* из-за звуковой изношенности могли совпасть с *pater* и *mater* и впоследствии выйти тем самым из употребления, во-вторых, из-за стремления к простоте и ясности, выражаемых понятий.

- составные термины, образованные из простого термина, детерминированного другой лексической единицей

фр.: *belle-mère, beau-père, arrière-grand-père, arrière-grande-mère, arrière-petite-fille, arrière-petit-fils, arrière-grands-parents, arrière-petits-enfants*.

инг.: *маьрна, маьр да, даьдаь да, даьнаьна да, наьнадаь да, наьнанаьна нана, наьнанаьна да, вилуй вилуй йол, вилуй йилуй йол, йилуй вилуй йол, йилуй йилуй вол*.

Термин *beau-père* состоит из простого термина *père* и детерминирован прилагательным *beau*. А соответствующий ему в ингушском языке термин *маьр-да* состоит из двух простых терминов: *маьр* и *да*. Такое же соответствие мы наблюдаем и со следующими терминами: *demi-soeur, demi-frère, petit-neveu, petite-nièce*.

- описательные термины, являющиеся «комбинацией двух или более элементарных терминов родства, связанных атрибутивными отношениями»

фр.: *le mari de la tante*

инг.: *даьйиш йига найц*

«C'est mon oncle, *le frère de papa, mon oncle!*» [6, с.129]

“Mon oncle Jules, *le frère de mon père, était le seul espoir de la famille, après en avoir été la terreur*”. [6, с.119]

Если рассмотреть описательный термин *le mari dematante* и соответствующий ему ингушский термин *даьйиш йига найц*, то выясним, что французский термин состоит из двух простых терминов и указывается родство через слово муж (*mari*), а в ингушском варианте через слово зять (*найц*).

По своему содержанию термины родства, согласно М. В. Крюкову, могут быть разделены на:

- индивидуальные, подразумевающие только одно конкретное лицо *latante, даьйиша, наьнайиша*.

- групповые, служащие для обозначения группы родственников, находящихся в одних и тех же родственных отношениях с эго *parent, ancetres, aieux, grands-parents, захалаш*.

Зарубежные и русские исследователи Л.Г. Морган, Р.Х. Лоуи, У.Р. Риверс, А.Л. Кребер, Л.Л. Уайт, М.В. Крюков, Ю.И. Семенов, В.А. Попов, Н.Ф. Яковлев и др. считают, что основными параметрами, определяющими сущность системы родства, являются родственные отношения и термины, обозначающие эти отношения. Термины родства, отражая реальные отношения в обществе, определяют статус, имущественное положение, права на наследство и т. п. В своем конкретном выражении они относятся к языкознанию, в частности, представляют часть лексики языка. Но социальное содержание группировки родственников придает терминам родства значение важнейшего источника при изучении исторической эволюции общества. Употребление различных терминов для выражения одинаковых родственных отношений при непосредственном обращении родственников друг к другу и при упоминании их в третьем лице легло в основу образования двух видов терминов: вокативных, или терминов обращения, и референтивных, или терминов обозначения. Термины этих двух видов характеризуют номенклатуру родства народов, не имеющих письменных источников. Из этих двух категорий, в зависимости от конкретного материала, приоритет имеет категория, более наглядно отображающая структуру родственных отношений.

Термины обращения (вокативные) используются в разговоре с родственниками, а термины обозначения (референтивные) - для наименования того же родственника в разговоре с третьим лицом.

М. Крюков в вокативную систему включает термины, «употребляемые при

непосредственном обращении к родственнику или для обозначения его в разговоре с родственниками; референтивная же система - это термины, используемые для обозначения родственников в разговоре с посторонними лицами». И там же автор объясняет, что референтивная система терминов родства не обнаруживает непосредственной функциональной связи с социально санкционированными нормами поведения между различными родственниками, что формулирование системы референтивных терминов связано с социальными факторами иного уровня» [3, с. 56].

Основные термины родства представляют интерес как первичный материал, участвующий в создании более поздних, вторичных терминов номенклатуры родственных отношений - терминов свойства, которые, по выражению Л. Моргана, образуются либо самими основными терминами родства, либо комбинацией этих терминов [4, с. 77].

Интересную мысль об упрощении терминологии родства в современном литературном языке не за счет терминов кровного родства, а за счет терминов свойства, созданных в основном из первичных элементов, приводит Попов В.А.: «В дальнейшем своем развитии она (*терминология свойства*) теряет целый ряд первичных и производных своих элементов, которые заменяются новыми словами, созданными по принципу чистой описательности».

Номенклатура родственных отношений находится в тесной связи и в прямой зависимости от исторических судеб соответствующих народов, отражая происходящие в их жизни изменения. «Формы семьи у каждого народа изменяются быстрее, чем система родства». Терминология родственных отношений демонстрирует известную устойчивость, прежде всего, в части терминов кровного родства.

Система родства включает кровнородственные и свойственные отношения, поэтому принято выделять кровное и свойственное родство. В кровном родстве выделяется **прямолинейное** - агнатическое (патрилинейное) и когнатическое (матрилинейное) и **коллатеральное** - коллинейное родство, в лице потомков братьев и сестер. В кровнородственных отношениях различают близких и дальних родственников.

Уайт близким считает нуклеарную, или ядерную, семью - мужа, жену, детей; второстепенное родство - это родственники по линиям мужа и жены; третьестепенное - прадеды, потомки двоюродных братьев и т. д. После этого расположены дальние родственники.

Свойственное родство, как известно, создано на основании брачных норм и брачных отношений; оно является ячейкой для породнения двух семей или двух родов. Со своей стороны, в свойственном родстве выделяется категория родственников со стороны мужа и по линии жены. Выделение свойственников и свойственных отношений характерно для подавляющего большинства всех народов.[1 с.145]

«Свойство есть отношение, - пишет Ю. Семенов, - существующее между одним из супругов и родственниками другого, а так же между родственниками обоих супругов. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является свойственником. Для обозначения отношений свойства, - продолжает автор, - существуют особые термины (зять, тесть, теща, золовка и т. д.)». По мнению Ю. Семенова, «точнее было бы говорить о системе терминов родства, супружества и свойства».[5, с.16]

Даже сегодня имя свекрови у ингушей табуировано. Невестка не называет свекровь иначе, как «нана»- «мама». В описательных терминах «даьца» - с отцом, «наьнаца» - с матерью можно видеть явления биатеральной филиации, когда счет родства велся по обоим линиям, как по материнской, так и по отцовской.

Список литературы

1. Гудинаф У. «Компонентный анализ», М., 1974, С.145
2. Зязиков Б. «Турпала вахарцара ийс ди», Саратов, 1996, с.14,18,19,22
3. Крюков М.В. «Личное имя и термины родства», М., 1980,с.56,78,
4. Морган Л.Г. «Древнее общество», М., 1934, С.77
5. Семенов Ю.И. «Происхождение брака и семьи», М., 1974, с.16
6. Maupassant Guy de «Mon oncle Jules», М., 2006, с.119

10.02.19

М.А. Егорова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №1,
egorova4983@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена категории интертекстуальности, где данная категория рассматривается в качестве способа восстановления индивидуального когнитивного пространства. На основе признаков интертекстуальности, выявленных в произведениях одного автора, можно восстановить знания, которые входили в его индивидуальное когнитивное пространство.

Ключевые слова: категория интертекстуальности, имя собственное, цитата, аллюзия, код, когнитивное пространство.

Категория интертекстуальности является относительно новым объектом исследования в современной науке. Интерес к ней вызван тем, что она открывает новые возможности в области интерпретации художественного текста. В данной статье категория интертекстуальности будет рассмотрена как способ реконструкции индивидуального когнитивного пространства автора, отражающего его ранее приобретенные знания в виде текстов.

Как известно текст стал особым объектом изучения лингвистики текста с 1950-х годов. Однако до сих пор не раскрыты все вопросы, касающиеся данного понятия, и не выработано единого определения «текст», что обусловлено сложностью и многоаспектностью самого понятия «текст». И.Р. Гальперин определяет текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18]. Трактовка текста И.Р. Гальперина отличается детальностью и отражает основные свойства «правильного» письменного текста. Е.С. Кубрякова рассматривает текст с точки зрения когнитивного подхода. Она понимает под текстом «то, из чего люди, обладающие некими усредненными сведениями о языке и о мире, делают достаточно разумные умозаключения» [7, с. 81]. Текст – это источник возбуждения в нашем сознании когнитивных структур, из текста можно вывести и извлечь информацию. Он побуждает нас к когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира [7, с. 81].

Основываясь на когнитивном подходе в определении текста, под текстом будет понимать знаковое образование, служащее источником создания индивидуального когнитивного пространства и источником его реализации. Индивидуальное когнитивное пространство будем трактовать как место для переработки и хранения в категоризованном виде интериоризованных знаний, являющихся результатом познания действительного и других возможных миров [3].

Установить индивидуальное когнитивное пространство можно на основе текстовых категорий. Однако в лингвистике текста нет единства мнений относительно их выделения, количества и способов систематизации. Р.А. де Богранд и В. Дресслер выделяют такие категории как когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость,

информативность, ситуативность, интертекстуальность [18]. В.И. Карасик делит текстовые категории на четыре группы: 1) конститутивные категории (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность) позволяют отличить текст от «нетекста»; 2) жанрово-стилистические категории характеризуют тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации/компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические) категории раскрывают смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальность); 4) формально-структурные категории характеризуют способ организации текста (композиция, членимость, когезия) [6, с. 187]. Данные классификации отличаются способом выделения категорий, однако обе выделяют категорию интертекстуальности. Она имеет важное значение, при реконструкции индивидуального когнитивного пространства, так как отражает ранее приобретенные знания автора в виде текстов.

Как и у термина «текст» у термина «интертекстуальность» нет единого определения, он трактуется каждым исследователем в зависимости от направления его работы. И.В. Арнольд, Ж. Женетт, В.А. Лукин, В.Е. Чернявская дают определения интертекстуальности, которые ограничиваются исключительно указанием на связь между текстами и/ или на конкретные средства интертекстуальности (в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций) [1; 4; 8; 17]. Обратим особое внимание на определения, делающие акцент на свойстве интертекстуальности в аспекте текстообразования и восприятия, где интертекстуальность трактуется как сложная взаимосвязь между текстом и другими текстами, принятую в качестве основы для создания или интерпретации текста [19]. В условиях восприятия текста интертекстуальность целесообразно трактовать как узнавание читателем используемых в тексте-реципиенте элементов «чужих» текстов, а в условиях создания текста – как использование «чужих текстов» в своем тексте. Порождение текста как интертекстуального образования «начинается <...>, гораздо раньше, чем у автора возникает замысел нового произведения, а именно в то время, когда сам автор является читателем другого/других текстов. На этой стадии его тезаурус пополняется разнообразной информацией, касающейся этих текстов <...> [9, с. 13].

В процессе восприятия, как отмечает Н.В. Петрова, происходит взаимодействие транслируемого текста или текстов (процесс познания сопряжен с восприятием некоторого множества текстов ($T^{1,2...n}$) с когнитивным пространством (КП) субъекта [13, с.10]. Данный процесс изображён на рис.1.

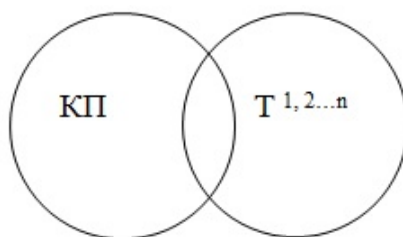


Рис.1 – Взаимодействие транслируемых текстов с когнитивным пространством

Процесс восприятия текста (текстов) Н.В. Петрова связывает с тремя основными процессами: интерпретацией, интериоризацией и категоризацией. В результате этих процессов проинтерпретированный текст становится достоянием когнитивного пространства человека, хранимым в определенной нише индивидуального когнитивного пространства.

Итак, исходя из того, что интертекстуальность является основой реконструкцию индивидуального когнитивного пространства, под *интертекстуальностью* будем понимать обязательный признак текста, создаваемый в результате сознательной или бессознательной экстериоризации из индивидуального когнитивного пространства текстов в текст-реципиент, распознаваемых в нем за счет наличия определенных языковых средств и являющихся способом создания смысла этого текста.

В качестве признаков интертекстуальности рассмотрим имя собственное, цитату, аллюзию и код.

Первый признаков интертекстуальности – это имя собственное, которое рассматривается как знак с особым значением. Оно накапливает культурно-историческую информацию, становясь полнозначным знаком. Такие имена собственные известны под термином энциклопедические имена [12], которые в свою очередь являются основным источником прецедентных имен собственных. Прецедентное имя является сложным знаком, при употреблении которого осуществляется апелляция не к обозначаемому предмету или объекту (денотату), а к набору признаков данного прецедентного имени, которое может состоять из одного (Ломоносов) или более элементов (Куликово поле), обозначая при этом одно понятие [5, с. 83-84]. Прецедентные имена могут принадлежать к реальному миру или соотноситься с возможными мирами.

Имена реального мира могут быть представлены именами деятелей искусств: драматургов и писателей – *Ibsen, Shaw, Barker, Sudermann, Harkin, Galsworthy (W.S. Maugham, Theatre)*, известных художников – *Cezanne, Braque and Picasso (W.S. Maugham, The Voice of the Turtle)*, всемирно известных композиторов – *Schumann and Schubert, Beethoven, Bach and Chopin (W.S. Maugham, The Lotus Eater)*; названия различных творческих сообществ – *the pre-Raphaelites (W.S. Maugham, Red)*; имена исторических личностей – *Louis XV (W.S. Maugham, The Outstation)*; исторических событий – *The Boer War... the Great War (W.S. Maugham, The Outstation)*; периодов – *the Edwardian era (W.S. Maugham, The Voice of the Turtle)* и другие.

К именам возможных миров относятся имена героев произведений – *Samuel (W.S. Maugham, Of Human Bondage)*, *Beatrice (W.S. Maugham, Theatre)*; названия произведений литературы – *the Keys of Solomon (W.S. Maugham, The Magician)* и другие.

Прецедентное имя способно разворачиваться в сознании человека (читателя) в целый текст, объем, и содержание которого будут зависеть от информации об этом имени, хранящейся в его когнитивном пространстве.

Они могут быть связаны или с известным текстом (*Samuel*) или с ситуацией, широко известной носителям языка (*Louis XV*) [14, с. 151].

Второй признак интертекстуальности – это цитата. Она является одним из самых распространенных средств интертекстуальности [15, с. 84]. Среди цитат будем выделять немодифицированные и модифицированные цитаты.

Под немодифицированной цитатой будет подразумеваться дословная цитата без факторов искажения: *And then in French, in words that to Kitty sounded unfamiliar and in their precision a trifle cold, she quoted: «And the angel came in unto her, and said, Hail full of grace, the Lord is with thee: blessed art thou among women» (W.S. Maugham, The Painted Veil)* – «*And the angel came in unto her, and said, Hail full of grace, the Lord is with thee: blessed art thou among women*» – цитата из Нового Завета. В тексте-реципиенте есть подтверждающие факты о том, что это действительно цитата: сделан акцент на том, что строки процитированы, а также в цитате присутствует атрибуция – кавычками.

Модифицированная цитата представляет собой измененную цитату, которой характерно лексическое или грамматическое изменение компонентов. Например – *She was always very suitably dressed in rich materials of somber hue and she looked every inch a woman of letters; but in her discreet way (being after all human and susceptible to vanity) she followed the fashions and the cut of her gowns was modish (W.S. Maugham, The Creative Impulse)*. «*Every inch a woman*» (каждый дюйм женщина) – модифицированная цитата, изначально в произведении У. Шекспира «Король Лир» использовались строки «*every inch a king*». В данном примере происходит лексическая замена, существительное «*a king*» существительным «*a woman*».

Согласно теории интертекстуальности цитаты не только обогащают текст, но и приращивают ему смысл. Цитата стимулирует когнитивное пространство читателя, где при удачном завершении цитаты, происходит не просто восстановление целостности текста, но и его обогащение.

Третий признак интертекстуальности – это аллюзия. Аллюзия является ассоциативной отсылкой к известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности [11; 16]. Она заставляет работать память читателя особым образом, читатель в состоянии распознать за иносказаниями ту мысль, которую автор хотел ему внушить, не высказывая ее прямо [15, с. 92].

Аллюзии могут быть представлены в виде намеков. Например – *It would be a score for Dolly, and however sympathetic she was it was asking too much of human nature to expect that she would be altogether sorry that Julia had been taken down a peg or two. Dolly had always worshipped her. She wasn't going to give her a peep at her feet of clay (W.S. Maugham, Theatre). She wasn't going to give her a peep at her feet of clay* (Она не собиралась показывать ей свои глиняные ноги (то есть скрытую слабость). Данное выражение является намеком на библейскую легенду о том, как царь Вавилона Навуходоносор (630-562 до н.э.) увидел во сне истукана с ногами, сделанными частично из металла, частично из глины: «Голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные».

Аллюзия – это сигнал, на уже знакомую информацию, она вызывает в сознании воспринимающего множество сопряженных с этим словом ассоциаций.

Четвертый признак – это код. В тексте код проявляется в виде кодовых включений, которые являются основой для создания кодовой интертекстуальности. К кодовым интертекстуальным включениям относятся 1) имитация или использование элементов стиля или жанра, отличного от стиля или жанра принимающего текста; 2) несвойственные принимающему языку и поэтому не понятные для большинства его носителей иноязычные элементы [11, с. 129].

К первому типу кодовых интертекстуальных включений можно отнести переход с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства и наоборот. Данный тип выражается в художественном тексте в виде различных терминов: театральных – *a raisonneur (W.S. Maugham, Theatre)* (*raisonneur* – резонер – персонаж французских пьес XVII-XVIII веков, не принимающего активного участия в происходящем, но произносящего длинные комментарии); медицинских – *He died of cholera (W.S. Maugham, The Painted Veil)*, *could you give me something for my rheumatics (W.S. Maugham, Lisa of Lambeth)* (*cholera* – холера, *rheumatism* – ревматизм, относятся к медицинским терминам и означают названия заболеваний); музыкальных – *Like a rich melody on a harp that rang in exultant arpeggios through the complicated harmonies of a symphony, one thought beat in her heart insistently (W.S. Maugham, The Painted Veil)* (*a harp* – арфа, *arpeggios* – арпеджио, *a symphony* – симфония).

Второй тип кодовых интертекстуальных включений осуществляется при переходе с одного языка на другой и выражается в тексте в виде иностранных слов: на французском языке – *Manque d'entente (W.S. Maugham, A Man with a Conscience)*, на латинском языке – *Nemo me impune lacessit (W.S. Maugham, Theatre)*, на испанском языке – *Dispense Usted por Dios (W.S. Maugham, The Bum)*.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека.

Исходя из выше перечисленных примеров признаков категории интертекстуальности (имён собственных, цитат, аллюзий и кодовых включений), которые приведены из произведений одного автора, можно утверждать, что восстановление индивидуального когнитивного пространства автора возможно. Категория интертекстуальности раскрывает такие его знания как знания искусства, мифологии, религии, исторических событий, медицины, иностранных языков.

Основываясь на ранее рассмотренной схеме восприятия текста Н.В. Петровой, продемонстрируем процесс реконструкции индивидуального когнитивного пространства автора следующим образом (рис.2):

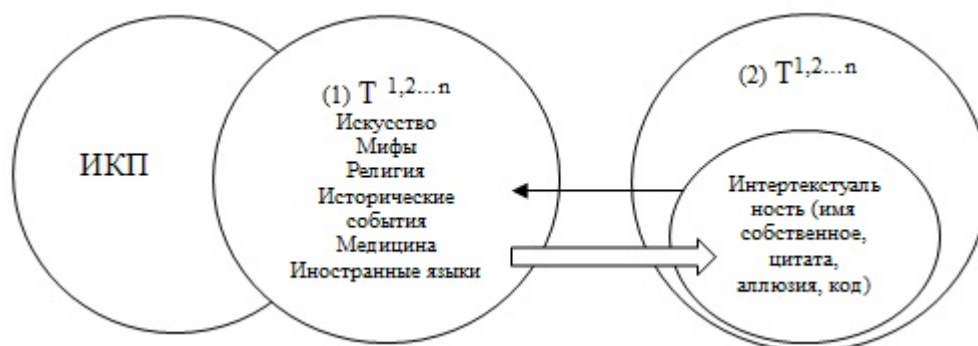


Рис. 2 – Процесс реконструкции ИКП

Где, ИКП – это индивидуальное когнитивное пространство (место хранения знаний в виде текстов); (1) $T^{1,2...n}$ – тексты, которые являются источниками создания ИКП (знания автора); (2) $T^{1,2...n}$ – тексты, источники реализации ИКП (произведения автора), где одной из составляющих этих текстов является категория интертекстуальности, которая отражена в таких признаках как имя собственное, цитата, аллюзия, код.

В процессе восприятия происходит взаимодействие множества текстов с индивидуальным когнитивным пространством, которые затем экстерииорируются в тексты-произведения. С помощью анализа признаков категории интертекстуальности можно вернуться к воспринятым ранее текстам (которые отражают знания автора) и реконструировать его индивидуальное когнитивное пространство.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М: КомКнига, 2007. – 144 с.
3. Егорова М.А. К определению понятия «когнитивное пространство» // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: материалы международной практической конференции (Новокузнецк, 8 апреля 2011 г.). – Новокузнецк: «Центр оперативной полиграфии OBERON», 2011. – С. 182- 187.
4. Женетт, Ж. Фигуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1-2. – 944 с.
5. Захаренко В.И. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: «Филология», 1997. Вып. 1. – С. 82-103
6. Карасик В.И. О категориях дискурса // «Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты», 1998. – С. 185-197.
7. Кубрякова Е.С. Текст. Структура и семантика. – М.: Наука, 2001. – 121 с.
8. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум и элемент. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
9. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К.С.Льюиса): Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб, 2007. – 24 с.
10. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63 – 70.
11. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 168 с.
12. Петрова Н.В. К проблеме энциклопедического имени собственного// Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. Языкознание. – 2011. – № 1(13). – С. 269-275.

13. *Петрова Н.В.* Интерпретация понятия «текст» в постструктурализме // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2013. – № 2 (23). – С. 9–12.
14. *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
15. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
16. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
17. *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста: учебное пособие. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 128 с.
18. *Beaugrande R., Dressler W.* Introduction to Text Linguistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm (дата обращения: 5.03.2021)
19. *Merriam Webster Dictionary* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Merriam-webster.com/dictionary/intertextuality> (дата обращения: 7.10.2020)

10.02.19

П.А. Магомедова, М.У. Магомедова

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, p_magomedova@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БЕРТИН/РИГЬИН»
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье представлен лингвокультурный и когнитивно-семантический анализ концептосферы «бертин/ригьин» (свадьба/брак), являющейся одним из ценных элементов социально-культурного знания этноса. Исследуемый концепт релевантен в системе социальных понятий и ценностей, во многом он определяет содержание других базовых концептов национального языкового сознания. В исследовании интегрированно использованы компонентный, лингвокультурный и фреймовый анализ базовых лексем, фразеологических и паремийологических единиц аварского языка, репрезентирующих концептосферу «бертин/ригьин».

Ключевые слова: аварский язык, концептосфера, лингвокультурный анализ, когнитивная семантика, фрейм, слот.

В последние десятилетия одним из актуальных направлений языковедческих исследований стало описание концептосфер языков и отдельных концептов в их составе. Такого рода разработки направлены на решение вопроса о том, что стоит в сознании носителей языков за номинацией концепта, какие лексические единицы его описывают, каковы особенности их функционирования. Актуальность обусловлена также недостатком лингвистических исследований, направленных на реконструкцию картины мира аварцев. В традиционной культуре аварцев свадебный/брачный обряд закреплён как основополагающий знак успешной и счастливой жизни человека, следовательно, вполне естественно, в языковой системе этот знак культуры репрезентирован посредством разнообразных разноуровневых (лексических, фразеологических и паремических) единиц. «Национальное сознание, духовные ценности народа, семиотика его культуры являются определяющими факторами языковой концептуализации свадебного обряда» в различных языках [1].

Целью настоящей статьи является лингвокультурный и когнитивно-семантический анализ интразоны концепта «бертин/ригьин» в аварском языковом сознании.

В системе аварского языка понятия свадебного торжества, бракосочетания и связанные с ним другие понятия воплощаются при помощи лексем: *бертин* «свадьба», *ригьин* «брак, свадьба, женитьба, замужество», *магъари* «мусульманское бракосочетание», «калым, выкуп за невесту», *члужу/лъади ячин* «женитьба», *росасе ине/ячине* «замужество», *гезма* «многочисленная свадебная процессия, свадьба с игрой на зурне», *бертин-той* «свадьба с весельем», *ригьин-цла* «свадьба (обобщенно)», *сухIмат-бертин* «музыкальная свадьба» и др.

Интразону изучаемого концепта представляет ядерная лексема *бёртин* «свадьба, торжество бракосочетания»; *Бертин халалъаги, рохел глемерлъаги погов.* «Да продлится свадьба, да умножится радость». Здесь же встречаются переносно-метафорические значения «радость, веселье», «отдых; безделье», не имеющие отношения к понятиям брак, свадьба: *Киве аниги нуцалчиясе бертин, берталъе аниги мискинчиясе хIалтIу* «Куда бы нуцал (хан) не пошел, везде ему свадьба (веселье/радость), а бедняку и на свадьбе работа». Данная паремия фиксирует в первой части значение слова *бертин* «отдых, безделье, развлечение», что представлено антитезой к слову *работа* (*берталъе аниги мискинчиясе хIалтIу*).

В аварском языковом сознании традиционно существует зафиксированный в паремиях уникальный национальный компонент, сводимый к морали: «на свадьбу ходи сытым». Рассмотрим аварскую поговорку *Бертальгеги глорцун а, глурухъеги гъекъон а*. «И на свадьбу сытым ходи, и к реке, напившись, ходи». Назидательный компонент паремии сводится к многовековому опыту горцев, когда, во-первых, свадебные столы с яствами не были столь обильными, чтобы можно было наесться, во-вторых, не стоит идти на свадьбу с намерением наесться, так как основная цель гостей на свадьбе – поздравить молодоженов и их родителей с торжеством и украсить своим присутствием мероприятие, сделать хозяевам приятное.

Производная от исходной лексики *бэртин-той* используется в собирательно-обобщенном значении «праздничные мероприятия; торжества в честь чего-л.», например, *Рохалил бертин-тоялде реглун гъечло нигъ* «Нам не до весёлых торжеств (празднеств)».

Семантизация лексики *ригъин* представлена следующими ЛСВ: «брак, супружество», «свадьба», «замужество (девушки)», «женитьба (парня)», без фиксации гендерной дифференцированности, «семья, семейные узы». *Ихдал рокъи гъабулеб, хаслихъе ригъин гъабулеб посл*. «Весною влюбляются, осенью женятся». Часто употребляют синонимические по содержанию конструкции типа *ригънаде ине (яс)* «выйти замуж» – *рукъалде ине (яс)* «выйти замуж» (букв. войти в дом). Производная лексема *ригъин-цла* «брак, бракосочетание; свадьба» => *Нужер ригъин-цлагъ баркат бугеб батаги* «Да будет благословенным ваш брак/союз». Свадебные благопожелания в сопоставительном аспекте на материале аварского и русского языков исследованы в работе Гасановой С.Н., Абдуллаевой М.Г. [2]

Маркировка признака «мусульманский брак, брачный союз» в аварском языке реализуется лексемами *магъари* => *Будун-дибир ахлун, магъари лъуна, мадугъаллъи бачлун, бертин гъабуна* «Пригласив муллу-муэдзина — брак совершили (букв. махр поставили), при участии соседей — свадьбу сыграли» (в значении все быстро сделали); и *никах1* => *Гъозул балъго никах1 лъун рагъула* «Они тайно заключили брак по-мусульмански». Помимо значения «брак по-мусульмански» *магъари* маркирует сему «выкуп, калым (невесты/е)» => *Магъариде дос ах лъун буклана* «В качестве калыма он отдал фруктовый сад».

Для наиболее полного понимания концепта «бертин/ригъин» в аварском языковом образе мира воспользуемся приемом фреймовой семантики. «Фрейм — это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия. Он содержит данные о существенном, типичном и возможном для представления стереотипной ситуации» [3]. Концепт «бертин/ригъин» имеет сложную, иерархически организованную структуру, которая включает в себя субфреймы «Предсобытие», «Событие», «Постсобытие», каждый субфрейм содержит различные слоты; общими же для всех субфреймов будут слоты: «Субъект», «Объект», «Цель», «Результат». Анализ слотов субфрейма «Предсвадьба» показал значимость терминалов «выбор невесты», «сватовство», «обручение», «калым/чемодан», «никах». В аварской лингвокультуре выбору невесты уделяется огромное внимание: *Васасе ригъин лъиданиго гъикъичлого гъабе, ясалъе ригъин нусгоясда гъикъичлого гъабуге* «Сына жени, никого не спросив, дочь замуж выдавай, спросив у сотни». Важно вовремя выдать замуж дочь: *Хазинаде гларац те, гледал яс къе росасе* «Деньги оставь на хранение, дочь вовремя замуж отдай»; *Катида цебе мохмохги тоге, глун хадуь рокъой ясги тоге*. «Перед котом курдюк не оставляй, и взрослую дочь дома не оставляй (=замуж выдавай)»; *Хабалъ жаназалъелалде, цин глурай яс росасе къе* «Прежде чем хоронить усопшего, взрослую дочь замуж выдай». Слот «Выбор невесты» заполняется и единицами подслота «Характеристика невесты»: *Хабар-клал дагъай, гламал недегъай* «без лишних разговоров и с мягким характером». *Гламал лъиклай, гъумер битларай* «с хорошим характером и доброжелательным лицом/характером». *Рагъида бакъ ккурар, рокъоб цла ккурар* «на балконе удерживающая солнце/свет, а в доме — тепло очага». *Эбелалъ еццарай ячунге, авалалъ еццарай яче* «Женись не на той, которую хвалит мать, а на той, которую хвалят соседи». Субфрейм «Предсобытие» завершается слотом «Никах1» = *магъари лъей* «обряд заключение брака по-мусульмански». Это обряд бракосочетания, во время которого жених выплачивает

невесте махр – то, что пожелает невеста. Подслот «Участники» наполняется следующими лексемами: *имам, отец/вакил от отца невесты, сам жених, два свидетеля*. Подслот «Атрибуты» процедуры включают в себя лексемы со значением *молитвы, последовательность действий, махр*. Сама невеста, как правило, не участвует в церемонии. Реализация данного слота открывает возможность перехода в следующий основной субфрейм «Бертин» (Свадьба). В субфрейм «Бертин» входят все свадебные обряды, которые происходят в день основного события. Традиционно у аварцев подготовка к свадьбе начиналась задолго до нее: готовили бузу: *богIол чIагIа* «мучная буза», резали скот и мясо варили в огромных казанах: *ростал хъазан*, пекли хлеб: женщины на общественном *коре* «пекарне» готовили хлеб, делали навес во дворе для танцев. Предварительно избирались *бахIарасул гъудул* «друг жениха» и *бахIаральул гъудул* «подруга (брачная мать) невесты, которые являются обязательными лексемами-наполнителями подслота «Участники» субфрейма «Бертин». Уникальным в аварской лингвокультуре в данном субфрейме является слот «Бусаде вас рехи» (бросание/укладывания маленького мальчика на кровать молодоженов перед брачной ночью), многовековой обычай в культуре горского народа, согласно которому первым (якобы) рождался сын в данной молодой семье. На паремиологическом уровне слот заполняется единицами, указывающими на важность рождения сына в каждой семье: *Вас гъечIого каву хутIугеги, яс гъечIого эбел хутIугеги* «Да не останется он без сына и мать без дочери».

Субфрейм «Постсобытие» наполняют терминальные слоты «ВарчIами кьей» (Утреннее приветствие молодоженов), «Атрибуты», которые проходят после свадьбы; «БахIарай льел цIезе ячи»: первый выход новобрачной за водой к роднику. Примечателен слот «БахIаральул ражихинкIал» (обязательный обряд приготовления новобрачной и поедания всей родней жениха мелких хинкал с чесноком).

Этническое сознание, духовные ценности народа, специфика отражения его культуры в знаках являются определяющими факторами репрезентации концепта «бертин/ригьин» в аварском языковом сознании.

Список литературы

1. Габбасова А.Р. Репрезентация концепта "свадьба" в русской и башкирской языковой картине мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук - Уфа, 2013. - 23 с.
2. Гасанова С.Н., Абдуллаева М.Г. Национально-культурные особенности свадебных благопожеланий (на материале аварского и русского языков) – Мир науки, культуры, образования, 2019, № 2 (75) – с.392-393
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М. : Филол. фак. МГУ, 1996. - 245 с

10.02.19

**Н.О. Орлова канд. филол. наук, О.Ю. Богданова канд. филол. наук,
О.Л. Крамаренко канд. филол. наук, Ю.В. Мошкина канд. педагог. наук**

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны,
кафедра иностранных языков,
Ярославль, tashaorlova25@yandex.ru, dictema@mail.ru,
petruper@mail.ru, julia73dom@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА

В статье рассматриваются лексико-семантические поля американского и русского сленга в сопоставительном аспекте. Актуальность данной работы обусловлена активным использованием носителями языка сленгового лексикона, который пополняется новыми словами и выражениями, и является достоверным источником информации о языковых факторах. Дается краткий обзор основных направлений исследования данного феномена. Делается вывод о том, что в целом лексико-семантические поля сленговой лексики российского и американского общества совпадают, несмотря на разницу культур.

Ключевые слова и фразы: *сленг; сленгизмы; современный молодёжный сленг; лексико-семантическое поле, вербализация «картины мира».*

Несомненно, что речевая деятельность человека является отражением любых изменений, происходящих в жизни общества и страны в целом. Прежде всего через устную речь происходит выражение мироощущения и национального сознания представителей того или иного общества, поскольку именно устная речь представляет достоверную информацию об актуальных проблемах данного общества. Сленг является одним из компонентов языка, функционирующим преимущественно в устной речи, и охватывающим почти все слои общества по социальной вертикали и возрастной горизонтали. Многочисленные исследования данного феномена проводятся в различных направлениях. Весьма интересным, на наш взгляд, является изучение и сравнение современного сленга Великобритании, представленного на популярных российских интернет-сайтах, и повседневного сленга британцев, выявленного в проведенном опросе носителей языка [4]. Изучению проблемы структурных особенностей австралийского сленга посвящены работы А. С. Рыбаковой [5]. В своём исследовании, в ходе которого автором были проанализированы лексические единицы, представленные в онлайн-словаре австралийского сленга, А.С. Рыбакова приходит к выводу, что наиболее распространенным видом сленга является двухкомпонентное словосочетание – 27,8 % от общего количества проанализированных единиц [5, с. 127].

Как известно, сленг выполняет различные функции, однако, для нашего исследования наибольший интерес представляет номинативно-мировоззренческая функция. Являясь частью языковой знаковой системы, сленг кодирует и передает информацию между коммуникантами, находящимися в единой коммуникативной среде и имеющими сходные представления о мире. При этом становится очевидным восприятие самими носителями сленга окружающего мира и выраженного отношения к тем или иным фактам и явлениям. По мнению Н.Т. Валеевой, выполняя номинативно-мировоззренческую функцию, сленг не только замещает лакуны, называя понятия из «неофициальной» картины мира определенной группы носителей языка и не имеющие адекватного воплощения в литературном языке, но также способствует передаче особого миропонимания и отношения к окружающей действительности [1, с. 169].

В качестве материала для исследования, проводимого в настоящей работе, авторами были выбраны лексические единицы американского молодежного сленга, как одного из

разновидностей англоязычного сленга. Причем, в целях определения слов и понятий, обобщающих конкретные факты, «картины мира» носителей сленга, целесообразно проводить анализ семантических полей лексики американского сленга в сравнении с лексико-семантическими полями русского сленга. Следует отметить, что в современной англоязычной лингвистике существует два термина: *семантическое поле* (*semantic field*) и *лексическое поле* (*lexical field*), которые по своей сути рассматриваются как синонимичные. В русскоязычной семантике существует один термин - «лексико-семантическое поле», интегрирующий в себя два понятия. Согласно Д. Н. Шмелеву, лексико-семантическое поле является иерархической организацией слов, объединенной одним родовым значением и представляющей в языке определенную семантическую сферу, покрывающую определенную область действительности [7, с. 84]. Семантические поля разных народов не совпадают, поскольку каждый народ имеет свои принципы членения внешнего мира и свой взгляд на окружающую действительность.

В данном направлении научные исследования проводятся достаточно активно. Так, например, в своей работе, посвященной лексико-семантическому анализу сленгизмов, взятых из современных американских молодежных фильмов, К.Д. Тамбовцева выделяет 16 лексико-семантических полей молодежного американского сленга, а именно: «человек», «деньги», «наркотик», «алкоголь», «секс», «проблемы», «одежда», «автомобиль», «еда», «мошенничество», «бездельничество», «смерть», «влюбленность», «дружба», «вечеринки», «полиция» [6, с. 141].

Авторами настоящей работы была проанализирована лексика, представленная в американском словаре *NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions* (R. Spears, 2002) [8], а также в *толковом словаре молодежного сленга Т. Г. Никитиной* (2009) [2]. Однако следует отметить, что к анализу примеров русского сленга, взятых из словаря, были добавлены сленгизмы, используемые современной молодежью, и отобранные в результате проведенного опроса среди молодых людей в возрасте 18 - 20 лет. В результате исследования были выделены наиболее развитые семантические поля, характерные для американского и русского сленга. Так, «**Отношение к алкоголю**» является, пожалуй, самым распространенным полем использования просторечных стилистических эквивалентов как в английском, так и в русском языках: **ENGLISH** - *aced, aped, elevated* (пьяный); *antifreeze, barrel* (спиртное); *firewater* (виски), *potato soup* (водка), *berries* (вино), *drafty* (пиво) и другие. **RUSSIAN** - *алкаш, синяк* (пьяница); *водяра* (водка), *вайн* (вино), *портвяшок* (портвейн), *конина* (коньяк), *пивчик* (пиво) и другие.

«**Обозначения женского и мужского пола**»: **ENGLISH** - *chick, whatshername* (девушка); *hubby, old man* (муж/друг); *empty-nesters* (родители), *toms* (мама), *pops* (папа), *ankle bitter* (ребенок), *sis* (сестра) и другие. **RUSSIAN** - *фифа, крашиха* (девушка); *ЛП* (лучшая подруга); *тун, пацан* (юноша); *ЛД* (приятель, лучший друг); *предки, родаки* (родители), *пахан, батя* (отец), *спиногрыз* (ребенок) и другие.

«**Обозначения характера человека**»: **ENGLISH** - *airhead, deadneck* (глупый); *bananas, daffy* (сумасшедший); *aggro, boiled* (злой); *ball of fire, go-getter* (энергичный); *blabbermouth* (болтун); *wired* (нервный); *double-dome, egg-head* (умный) и другие. **RUSSIAN** - *вафел* (глупый); *терпила* (слабохарактерный); *батан* (умный); *кидала* (обманщик) и другие.

«**Обозначения денег**»: **ENGLISH** - *bread, cabage* (деньги); *ace, buck, cent, eagle* (доллар) и другие. **RUSSIAN** - *бабки, бабосики, кэш, лавэ* и другие.

«**Транспорт**»: **ENGLISH** - *boat, putt-putt* (маленькая машина), *cruiser* (быстрая машина), *black and white* (полицейская), *roach-coach* (грузовик); *beemer* ("BMW"), *beetle* ("Фольксваген"), *Benz* ("Мерседес"), *vette* ("Корвет"), *jag* ("Ягуар"), *caddy* ("Кадиллак") и другие. **RUSSIAN** - *тачка, вунденвафель* (машина), *ментовка* (милицейская), *таксо* (такси); *запор* ("Запорожец"), *жиг* ("Жигули"), *мерс* ("Мерседес"), *бэха* ("BMW") и другие.

«**Одежда**»: **ENGLISH** - *brim* (шапка), *earth pads* (туфли), *kicks* (кроссовки), *Pjs* (пижама), *skivvies* (нижнее белье), *fronts* (куртка) и другие. **RUSSIAN** - *педали, кроссы, боты* (ботинки, кроссовки) и другие.

«Еда»: **ENGLISH** – *chow down, feed one's face* (есть); *blood* (кетчуп), *brew* (кофе), *double-decker* (двухслойный сэндвич), *goober-grease* (арахисовое масло), *horse cock* (большая сосиска) и другие. **RUSSIAN** – *хавать, точить* (есть); *хавка, хавчик* (еда); *чипасы* (чипсы); *бичи* (лапша быстрого приготовления); *шавуха* (шаурма), *сушняк* (любой безалкогольный напиток) и другие.

Вышеприведенные примеры помогают создать представление о том, как вербализуют мир носители американского и русского сленга. Становится очевидным, что свойства объектов культуры того или иного общества отображаются через лексические разграничения в языке, функционирующем в данном обществе. Формируются определенные лексико-семантические поля, что свидетельствует об актуальности использования сленгизмов в различных сферах жизнедеятельности носителей языка. Результаты настоящего исследования показали, что в целом лексико-семантические поля сленгового лексикона российского и американского общества совпадают. Данный факт объясняется тем, что сленг представляет собой язык, функционирующий в среде непринужденного общения, обслуживающий бытовую сферу жизни человека и, как результат, выделяет объекты, свойства и отношения, существующие в большинстве культур [3].

Таким образом, сленговая лексика, выполняя номинативно-мировоззренческую функцию, определяет систему координат, задающую границы, в рамках которых происходит общение носителей сленга. Отражение национальной специфики сленгизмов, а также выделение фактов и явлений, важных как для американской, так и для русской культуры соответственно, происходит посредством выполнения номинативной функции рассматриваемого феномена.

Список литературы

1. Валеева Н.Т. О деархаизирующей функции жаргонного словообразования в современном русском языке // Агрессия в языке и речи / под ред. Шаронова И.А. – М.: РГГУ, 2004. – с. 165-173.
2. Никитина Т.Г. Молодежный сленг : толковый словарь : около 20 000 слов и фразеологизмов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ : Астрель, 2009. – 1102 с.
3. Орлова Н.О. Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект : диссертация.. кандидата филологических наук: 10.02.19. – Ярославль, 2006. – 182 с.
4. Поддубская О.Н., Ларина С.Г., Сахарова А.В. Современный сленг Великобритании // Казанская наука. 2020. № 11. С. 105-107.
5. Рыбакова А.С., Юдина О.А. Структурные особенности австралийского сленга // Казанская наука. 2020. № 12. С. 125-127.
6. Тамбовцева К.Д. Лексико-семантические поля молодежного сленга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 139-147.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 278 с.
8. Spears R. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. – Chicago: NTC Publishing Group, 2002. – 560 p.

10.02.19

С.М. Юсупова

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
факультет иностранных языков,
Грозный, seda_linguist@mail.ru

КОНЦЕПТ «НАДЕЖДА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается концепт НАДЕЖДА во фразеологии английского и русского языков, раскрывается специфика внутренней формы и значения идиом, особенности функционирования идиом в контекстах. Надежда ассоциируется с ясностью, светом, вечностью, а отсутствие надежды с наказанием и адом. В английском языке надежда измеряется и может быть маленькой и большой, в русском языке выступает как психологическая сторона, необходимость для душевного спокойствия. В контекстах часто встречается использование языковой игры.

Ключевые слова: идиомы, надежда, контексты, внутренняя форма, значение.

Концептуальные исследования являются актуальными в современной лингвистике, так как позволяют рассмотреть специфику закрепления ментального, культурного и социального опыта в разных языках. В этом ракурсе, концепт, как абстрактный смысл, понятие, воплощенные в языковой форме, отражает окружающую действительность и подвергается определенным изменениям, пополняясь новыми признаками и смыслами. Постоянными компонентами в структуре концепта считаются образная и ассоциативно-оценочная составляющие его содержания [1].

Цель исследования – изучить способы концептуализации надежды во фразеологии английского и русского языков, восприятие надежды и отношение к надежде. Материалом исследования послужили идиомы со значением «надежда», отобранные из фразеологических словарей. Методы исследования – когнитивный, семантический, корпусный, сопоставительный анализ. Когнитивный анализ был направлен на выявление способов концептуализации надежды, знаний, которые закреплены во внутренней форме и значении идиом. В ходе семантического анализа раскрывается специфика образов, связанных с надеждой и особенности словарного и контекстуального значения. Корпусное исследование позволяет изучить идиомы в контекстах употребления, выявить дополнительные оттенки значения, синтаксическую сочетаемость.

В русском языке надежда определяется как вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного [3]. В английском языке надежда – нечто хорошее, что должно случиться в будущем, уверенное чувство, что что-то произойдет, ожидание и желание, чтобы что-то случилось. Надежда расценивается с одной стороны, как нечто положительное, с другой стороны – необходимо не только надеяться, но и прикладывать усилия для осуществления планов и цели, пытаться делать что-то для решения проблем.

Концептуализация – процесс определения набора когнитивных признаков. Категоризация является ключевым понятием в познавательной деятельности человека, представляющим процесс включения понятия мира в определенный раздел, классификации предметов и явлений по разделам и категориям. Содержание и особенности языковых категорий обусловлены человеческим опытом, воплощенным в языковых формах. В основе опыта находятся знания об объектах, языке (грамматических форм), концептуального содержания [2; 43].

Таким образом, в семантике идиом могут выявляться значимые концептуальные и культурные сходства и различия. Рассмотрим идиомы, отображающие надежду в английском и русском языках, распределенных по семантическим группам, выражающим «большую надежду», «вдохновение, вселение надежды», «отсутствие надежды», «разрушение надежды».

БОЛЬШАЯ НАДЕЖДА

Английский язык

Great white hope – «большая надежда».

And so, the fact he survived and the lifestyle that he carried and his greatness in the sport are – term *the great white hope* was invented for Jack Johnson when he beat Tommy Burns and won the heavyweight championship in 1908 (BNC, 2018). И так, тот факт, что он выжил и образ жизни, который он вел и его величие в спорте – это то, что для Джека Джонсона был придуман термин *большая надежда*, когда он обыграл Томми Бернс и выиграл чемпионат в тяжелом весе в 1908 году. Надежда как часть имиджа и пиар кампании.

Watching Danny play *the great white hope* negotiating with Asian crime bosses is painful (BNC, 2018). Смотреть, как Дэнни играет в *большую надежду*, ведя переговоры с азиатскими криминальными боссами, больно... В контексте надежда пересекается с ведением переговоров. Надежда как приложение усилий, стараний, а не пустая бездеятельность. Идиома употреблена как объект, дополнение.

A ray of hope – «маленькая надежда», «луч надежды».

If there is *a ray of hope* for voting rights advocates... (BNC, 2017). Если есть *луч надежды* для защитников избирательных прав... Надежда на честность и справедливость.

From the shadows of the cave, this indelible image, *a ray of hope* beamed around the globe (BNC, 2018). Из теней пещеры, этого незабываемого изображения, по всему земному шару сиял *луч надежды*. Образное описание надежды как неотъемлемой части жизни людей. В данном контексте также наблюдается игра слов – использование выражения в его прямом значении – «луч надежды сиял».

A flicker of hope – «маленькая надежда».

Maybe he wants to keep *a flicker of hope* alive that he's still alive, even if it's entirely farfetched (BNC, 2016). Может быть, он хочет сохранить *проблеск надежды*, что он все еще жив, даже если это совершенно надуманно.

Hope springs eternal (поговорка) – «люди никогда не перестают надеяться», этимология восходит к высказыванию Александра Поупа – «надежда сопровождает всю жизнь и не покидает даже в час смерти». Встречается в контекстах политического характера, в связи с установлением санкций, ограничений, реформ.

Since *hope springs eternal*, some now believe that the answer lies in more punishing sanctions (BNC, 2012). Поскольку *надежда умирает последней*, некоторые теперь считают, что ответ заключается в ужесточении санкций.

Hopefully, we can go to conference on these budgets and *hope springs eternal* in my mind. Senators Graham and Ayotte and other Republicans have said they're open to new revenue if the President is willing to do significant entitle reform (BNC, 2013). Надеюсь, мы сможем пойти на конференцию по этим бюджетам и *еще не все потеряно* в моем сознании. Сенаторы Грэм и Айотт и другие республиканцы заявили, что они открыты для новых доходов, если президент готов сделать значительную реформу субсидий.

Русский язык

Подавать надежды – «обнаруживать какие-либо задатки, проявлять способности к чему-либо». Надежда на улучшения, изменения, вера.

Нельзя же только *подавать надежды*. Надо их и оправдывать (Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999)).

Надежда умирает последней (афоризм) – «надеяться до последнего».

Я подозревал, что так весело уже нигде не будет. Но *надежда умирает последней*. Моя надежда еще дергалась в конвульсиях, когда я направился на собеседование в фирму «Юпитер» (Дмитрий Ульянов. Инопланетяне (2007) // «Волга», 2012). Наблюдается игра слов.

— Что говорят врачи?... *Надежда умирает последней*. Надо только собраться с мужеством и не унывать (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)).

А попробовать всегда можно. *Надежда умирает последней!* (Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум) (2004)). Надежда дает силы пробовать и не опускать руки.

ВДОХНОВЕНИЕ / ВСЕЛЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Английский язык

Build up / raise sb's hopes – «заставлять кого-то чувствовать надежду на что-то или убеждать их, что что-то хорошее должно произойти».

Our findings *raise hopes* that the emerging paradigm for the treatment of rare epilepsies, where therapies are targeted to the precise genetic cause of disease, may also extend to a proportion of common epilepsy syndromes... (BNC, 2017). Наши результаты *дают надежду* на то, что формирующаяся парадигма лечения редких эпилепсий, где терапия нацелена на точную генетическую причину заболевания, также может распространяться на долю общих синдромов эпилепсии... В контекстах надежда на лечение, поиск лечения.

Русский язык

Питать надежду – «рассчитывать, что вырастет, приобретет необходимые или ценные качества».

Хотелось бы *питать надежду*, что формирующаяся многопартийность, межпартийная дискуссия в перспективе помогут отбирать и выдвигать более образованных, порядочных, принципиальных, верно и самоотверженно служащих интересам Отечества лидеров (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Подавать надежды – «показывать потенциал, способность к достижению успеха».

Читателям уже известно, как он при первых опытах дирижирования начал было *подавать надежды* (Московские письма (1903) // «Российская музыкальная газета», 2003.04.09).

ОТСУТСТВИЕ НАДЕЖДЫ

Английский язык

Not have a hope in hell (неофициально) – «не иметь шанса вообще». Идиома употребляется в сочетании с предлогом *of* с причастием настоящего времени. Отсутствие надежды / шанс, если же шанс есть, то при выполнении каких-либо условий, требований.

And if you want *a hope in hell* of getting into this sorority, you better get it together (BNC, 2015). И если вы хотите *получить шанс* попасть в это сообщество, вам лучше сделать это вместе.

There's not *a hope in hell*, for instance, as a great flu expert told me, of predicting the nature and timing of the next influenza pandemic (BNC, 2012). *Нет надежды*, например, как сказал мне великий эксперт по гриппу, предсказать природу и сроки следующей пандемии гриппа.

If either of these cash-rich companies want to have *a hope in hell* of building a social business, they'll take a deep breath and write the check (BNC, 2012). Если какая-нибудь из этих богатых компаний хочет *иметь шанс* на строительство социального бизнеса, они сделают глубокий вдох и выпишут чек.

Русский язык

Терять надежду – «не надеяться больше». В контекстах в отрицательных предложениях как увещевание быть терпеливым, верить в лучшее.

Развивай в себе умение с юмором относиться к временным неудачам, не *терять надежду* на лучшее (Срочно требуется организатор досуга // «Лиза», 2005).

Теперь, по прошествии почти четырех лет с того времени, мы убедились, что самое главное в жизни каждого – это суметь сохранить свое достоинство и не *терять надежду*... (Захарий Грузин. Крестоносцы XX века // «Вестник США», 2003.10.29).

РАЗРУШЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Английский язык

Dash sb's hopes – «разрушать чьи-то надежды сделать что-то или получить что-то».

It seemed to *dash hopes* that much progress has been made in unraveling the systemic conditions that produce and perpetuate inequity in the technology industry. That includes increasing the distribution of women and minorities in technical jobs, equalizing pay, breaking the glass ceiling, and improving the quality of life in workplaces that sometimes resemble frat houses more than

businesses (BNC, 2017). Казалось это *разрушало надежду* на то, что был достигнут значительный прогресс в устранении системных условий, которые порождают и увековечивают неравенство в технологической отрасли. Это включает в себя увеличение распределения женщин и меньшинств на технических работах, выравнивание заработной платы, разрушение стеклянного потолка и повышение качества жизни на рабочих местах, которые иногда больше напоминают братские дома, чем предприятия.

Hope against hope (that...) – «продолжать надеяться на что-то, даже если это кажется бессмысленным или глупым».

The question isn't whether playing the game is dangerous to brains or not, though the evidence seems clear it is. The question is why any parent today would allow a child to play football. To do so is to *hope against hope* that the link between football and long-term brain damage is fiction or that your child will be lucky enough to go unscathed (BNC, 2017). Вопрос не в том, опасна ли игра для мозга или нет, хотя очевидно это так. Вопрос в том, почему любой родитель сегодня разрешил бы ребенку играть в футбол. Для этого нужно *продолжать надеяться*, что связь между футболом и долгосрочным повреждением мозга является выдумкой или что вашему ребенку посчастливится остаться невредимым.

Разрушение надежды видится как противоречие, разочарование, отсутствие прогресса, движения вперед.

Русский язык

Разбитые надежды – «потерять надежду, не надеяться». В русском языке разбитые надежды – это отсутствие мечты.

И страшно было, что так же, как у его героев, ничего у меня не выйдет, останутся одни *разбитые надежды*, несбывшиеся мечты (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).

Какая прелесть бездумно плыть по их волнам, цепляясь, как за обломки кораблекрушения, за *разбитые надежды*! (Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)).

Таким образом, надежда в английском языке может быть большой, маленькой, вечной, отсутствие надежды связано с религиозным представлением о том, что в аду нет шансов на реабилитацию, в русском языке надежда ассоциируется с молодостью, моральной и психологической поддержкой, а разрушение надежды с потерей мечты, с несбывшейся мечтой. В контекстах наблюдается влияние образной основы на значение, что также проявляется в ситуациях языковой игры.

Список литературы

1. Буренкова О.М., Гилязева Э.Н. Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Международный научно-исследовательский журнал № 08 (62) Часть 1 Екатеринбург, 2017, С. 40-43.
2. Маслова В. Концептуализация и категоризация в языке с позиции лингвокультурологии // Studia Rossica Gedanensia, 5/2018, 40–47, ISSN 2392-3644 (online), ISSN 2449-6715 (print) <https://doi.org/10.26881/srg.2018.5.02>
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944с.
4. Пименова М.В. Возвращение к вопросу о методе описания концептуальных структур // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. №16, 2014. С.101-109.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. и с посл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.
6. <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>
7. <https://ruscorpora.ru/new/>
8. Oxford idioms Dictionary for learners of English. Oxford University Press 2006. 470p.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Р. Хуснулина, Ван Кэсюй
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КИТАЙСКИМ ПЕРЕВОДЧИКОМ
ТАЙВАНЯ ЦЮ ГУАНОМ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ключевые слова: перевод, интерпретация, образ, развитие,
переводчик, поведение.

У тайваньца Цю Гуана, воспитанного в японской манере перевода, в силу исторического развития Тайваня, сложился свой особый взгляд на трактовку героя. Цю Гуан считает, что главный герой русских романов - это душа. Поэтому читатели его поколения с интересом переосмысливают наследие Достоевского, в том числе повесть «Белые ночи». Образ Мечтателя является одним из самых волнующих центральных персонажей произведений Ф.М. Достоевского. С одной стороны, одиночество Мечтателя происходит из-за отчуждения межличностных отношений, вызванного развитием промышленности и городской цивилизации; с другой стороны, его собственный темперамент, считает переводчик, определяет его поведение.

И.С. Леонов
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ
МИССИОНЕРСКОЙ ПРОЗЫ

Ключевые слова: православная художественная литература,
миссионерская проза, духовная природа человека, нравственная
эволюция героя, кризис-ситуация, выбор-ситуация.

Статья посвящена художественной специфике миссионерской прозы как течению православной художественной литературы XXI века. Основное внимание уделяется религиозно-философским истокам ее зарождения и последующего формирования. С опорой на труды, В.В. Зеньковского, С.Н. Булгакова рассматриваются основные содержательные категории творчества писателей-миссионеров: духовная эволюция, встреча и примирение с Творцом, обожение.

Е.П. Лынова
ВЛИЯНИЕ РОМАНТИЗМА НА РАЗВИТИЕ ТЕМЫ
ДВОЙНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ключевые слова: двойничество, романтизм, реализм,
«маленький» человек, расколотое сознание, действие
социальной среды.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и развитием темы двойничества в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» под влиянием романтических идей Э. Т. А. Гофмана и Э. По. Автор попытался показать, что разработка темы двойничества у реалиста Ф.М. Достоевского явилась более глубокой по сравнению с романтическим видением проблемы. Приведены мнения ведущих критиков реалистического направления в трактовке данной темы в творчестве Ф.М. Достоевского.

Чжан Хуайминь
БОРЬБА МЕЖДУ «АПОЛЛОНОМ» И «ДИОНИСОМ»:
АНАЛИЗ ОБРАЗА ДОЛОХОВА В РОМАНЕ «ВОЙНА И МИР»
Ключевые слова: дух Аполлона, дух Диониса, Ницше, Долохов,
Лев Толстой.

В характере Долохова переплетены противоречия между духом Аполлона и духом Диониса. Однако Долохов – пример не трагической жизни, а жизни сильного человека без страха перед несправедливой судьбой. Статья посвящена анализу этого образа через призму идеи Ф. Ницше, изложенной в книге «Рождение трагедии», и на интерпретацию уникального эстетического значения, которое Лев Толстой придал этому персонажу.

R.R. Khusnulina, Wang Kexu
INTERPRETATION OF THE NOVEL "WHITE NIGHTS"
(1848) BY F. M. DOSTOEVSKY BY THE CHINESE
TRANSLATOR OF TAIWAN QIU GUANG

Keywords: translation, interpretation, an image, development,
translator, behavior.

The Taiwanese Qiu Guang, brought up in the Japanese manner of translation, due to the historical development of Taiwan, has developed his own special view of the interpretation of the hero. Qiu Guang believes that the main character of Russian novels is the soul. That is why, the readers of his generation rethink Dostoevsky's legacy, including the story "White Nights". The image of the Dreamer is one of the most exciting central characters in the works of F.M. Dostoevsky. On the one hand, the loneliness of the Dreamer is due to the alienation of interpersonal relationships caused by the development of industry and urban civilization; on the other hand, his own temperament, the translator believes, determines his behavior.

I.S. Leonov
RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ORIGINS OF
MISSIONARY PROSE

Keywords: Orthodox fiction, missionary prose, spiritual nature of
man, moral evolution of the hero, crisis-situation, choice-
situation.

The article is devoted to the artistic specifics of missionary prose as a trend of Orthodox fiction of the XXI century. The main attention is paid to the religious and philosophical foundations of its origin and subsequent formation. Based on the works of V. V. Zenkovsky, S. N. Bulgakov, the author considers the main content categories of the work of missionary writers. They are spiritual evolution, meeting and reconciliation with the Creator, deification.

E.P. Lynova
THE INFLUENCE OF ROMANTICISM ON THE
DEVELOPMENT OF THE THEME OF DUALITY IN THE
WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

Keywords: duality, romanticism, realism, the "little" person, split
consciousness, the action of the social environment.

In the article the questions connected with the formation and development of the theme of duplicity in Dostoevsky's "The Double" is influenced by romantic ideas of E. T. A. Hoffmann and E. Po. The author tried to show that the development of the theme of duplicity the realist Dostoevsky was deeper than romantic vision of the problem. The opinions of the leading critics of the realistic direction in the interpretation of this topic in the works of F. M. Dostoevsky are given.

H. Zhang
STRUGGLE BETWEEN "APOLLO" AND "DIONYSUS":
ANALYSIS OF DOLOKHOV'S IMAGE IN THE NOVEL
"WAR AND PEACE"

Keywords: Spirit of Apollo, Spirit of Dionysus, Dolokhov,
Leo Tolstoy.

In the novel "War and Peace" in the character of Dolokhov contradictions and the struggle between the spirit of Apollo and the spirit of Dionysus are intertwined. However, for Dolokhov we saw not a tragic life, but the life of a strong man without fear of an unjust fate. This article is aimed at analyzing the image of Dolokhov with the spirit of Apollo and the spirit of Dionysus, set forth by Nietzsche's book "The Birth of Tragedy", and at the interpretation of the unique aesthetic meaning that Leo Tolstoy gave to this character.

А.У. Кинябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Р. Юнусова,
В.Д. Чистонов, В.А. Перминова, А.В. Зайнуллин,
Г.Р. Мустафина, Ф.Б. Рахматова, С.Р. Ханнанов
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗАСЛУЖЕННОГО
РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ И ОТЛИЧНИКА
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ВЕНЕРЫ БАЯНОВНЫ КАРАМЫШЕВОЙ

Ключевые слова: журналистика, медицина, общественное
здоровье, газета.

С 2015 года в Министерстве здравоохранения Республики Башкортостан учреждена премия имени журналиста В.Б. Карамышевой. Четверть века проработала журналист В.Б. Карамышева в газете «Вечерняя Уфа» и вела рубрику «здоровоохранение». Впервые в республике заслуженному работнику культуры Республики Башкортостан была вручена ведомственная награда Министерства здравоохранения «Отличник здравоохранения Республики Башкортостан» за огромный вклад за просветительскую деятельность в области оздоровления населения. Венера Баяновна Карамышева — одна из организаторов медицинской журналистики в Республике Башкортостан.

А.К. Малаховский, Банифадель Мотаз
ПАЛЕСТИНСКИЕ СМИ ПОСЛЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ
ВОЙНЫ 1967 Г.: ДИСКУРС СОПРОТИВЛЕНИЯ

Ключевые слова: палестинские СМИ, израильская оккупация,
палестинские радиостанции, Организация освобождения
Палестины, агентство новостей, палестинская пресса.

В статье рассматриваются особенности функционирования палестинских СМИ в условиях оккупации палестинских земель Израилем после войны 1967 г. Авторы приводят конкретные примеры функционирования радиовещания, информационного агентства и прессы, главными целями которых было выработка единой информационной политики и апелляция в арабскому и мировому общественному мнению. Делается вывод о дискурсе сопротивления, доминирующем в СМИ Организации освобождения Палестины.

Ю.В. Шуйская, Е.Л. Малышева, И.В. Чеснокова
КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ТОК-ШОУ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ
ФАКТОР ЖАНРА

Ключевые слова: журналистика, ток-шоу, коммуникативная
неудача, английский язык

Статья посвящена намеренно организуемым коммуникативным неудачам как системообразующему фактору жанра ток-шоу. Разобраны примеры намеренно организованных неудач в англоязычных ток-шоу, показаны способы их преодоления героями шоу. Проанализированы стратегии поведения ведущих и героев в практике спонтанного говорения на английском языке.

О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, Е.Ю. Тупицына
ЭФФЕКТИВНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРЕПОДАВАНИИ МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: педагогическая технология, инновационные
образовательные технологии, обучение, русский язык,
морфология, коммуникативно-диалоговые технологии, прием
«волебный стул», проблемно-поисковые технологии,
акродиктант, кластер

Данная статья посвящена исследованию проблеме использования инновационных образовательных технологий при изучении морфологии на уроках русского языка. В работе рассматриваются понятия «инновации в образовании», инновационные методики, а также новые приемы организации учебно-познавательной деятельности учащихся на уроках изучения морфологических тем, характеризуются коммуникативно-диалоговые и проблемно-поисковые технологии, описываются приемы «волебный стул»,

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.R. Yunusova,
V.D. Chistonov, V.A. Perminova, A.V. Zainullin,
G.R. Mustafina, F.B. Rakhmatova, S.R. Hannanov
CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF
JOURNALISM OF THE HONORED WORKER OF CULTURE
AND EXCELLENT HEALTH CARE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN VENERA BAYANOVNA
KARAMYSHEVA

Keywords: journalism, medicine, public health, newspaper.

Since 2015, the Ministry of Health of the Republic of Bashkortostan has established a prize named after journalist V.B. Karamysheva. For a quarter of a century, the journalist V.B. Karamysheva in the newspaper "Vechernyaya Ufa" and led the heading of health care. For the first time in the Republic of Bashkortostan, the Honored Worker of Culture of the Republic of Bashkortostan was awarded the departmental award of the Ministry of Health "Excellence in Healthcare of the Republic of Bashkortostan" for his enormous contribution for educational activities in the field of improving the population. Venera Bayanovna Karamysheva is one of the organizers of medical journalism in the Republic of Bashkortostan.

A.K. Malakhovsky, Banifadel Motaz
PALESTINIAN MASS MEDIA AFTER 1967 ARAB-ISRAELI
WAR: RESISTANCE DISCOURSE

Keywords: Palestinian mass media, Israeli occupation,
Palestinian radio stations, Palestine Liberation Organization,
news agency, Palestinian press.

The article studies specificity of Palestinian mass media functioning under Israeli occupation of Palestinian land after 1967 war. The authors concentrate on concrete samples of radio broadcasts, information agency and press pursuing their goals such as to establish unified information policy and to appeal to Arab and world public opinion. The authors conclude that resistance discourse dominated Palestinian mass media supporting Palestine Liberation Organization.

Yu.V. Shuyskaya, E.L. Malysheva, I.V. Chesnokova
COMMUNICATIVE FAILURES IN TALK SHOWS IN
ENGLISH AS A BACKBONE FACTOR OF THE GENRE

Keywords: journalism, talk shows, communication failure,
English.

The article is devoted to deliberately organized communication failures as a system-forming factor of the talk show genre. Examples of deliberately organized failures in English-language talk shows are analyzed, ways of overcoming them by the characters of the show are shown. The strategies of behavior of the leaders and heroes in the practice of spontaneous speaking in English are analyzed.

O.A. Astafieva, T.A. Koloskova, E.Yu. Tupitsyna
EFFECTIVE INNOVATIVE METHODS
OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING
THE MORPHOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: pedagogical technology, innovative educational
technologies, teaching, Russian language, morphology,
communication and dialogue technologies, priyem «magic chair»,
problem-search technologies, acrodicant, cluster.

This article is devoted to the study of the problem of using innovative educational technologies in the study of morphology in Russian language lessons. The paper considers the concepts of "innovations in education", innovative methods, as well as new methods of organizing educational and cognitive activities of students in the lessons of studying morphological topics, characterizes communicative-dialog and problem-search technologies, describes the techniques of "magic chair", acrodicant, cluster based on the material of studying parts of speech. The authors conclude that innovative pedagogical

акродиктант, кластер на материале изучения частей речи. Авторами делается вывод о том, что инновационные педагогические технологии необходимо использовать в преподавании морфологии, чтобы развивать интерес учащихся к русскому языку.

Н.Н. Быкова

МИР ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Ключевые слова: детство, ребёнок, образ, А.П.Чехов, «Степь». Для художественной литературы характерна демонстрация антагонистических отношений при передаче взаимодействия мира ребёнка с миром взрослых людей. В произведениях детство часто рассматривается через призму восприятия взрослого человека. При этом в некоторых случаях данное понятие обесценивается. В статье рассматривается вопрос репрезентации концепта «детство» на материале повести А.П.Чехова «Степь».

К.В. Еленская

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ НАСИЛИЕ)

Ключевые слова: языковая картина мира, насилие, неологизмы. В статье рассмотрены и классифицированы неологизмы иноязычного происхождения, репрезентирующие новые и пока не всегда очевидные для носителя русского языка формы насилия. Эти лексемы заполняют лексические лакуны в русском языке, что свидетельствует о происходящих изменениях в русской языковой картине мира и внутренней потребности сделать проблему насилия видимой.

Е.Н. Ильина, А.В. Крюкова, М.И. Леготина УСТНЫЕ РАССКАЗЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ О ТРУДЕ: КОГНИТИВНЫЙ, ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Ключевые слова: диалектология, когнитивная лингвистика, лингвистическая персонология, лингвистическое краеведение. В статье анализируются устные рассказы о труде, записанные со слов носителей вологодских говоров. На материале этих рассказов описываются типологические черты диалектной языковой картины мира, создается речевой портрет рассказчиков, а также определяются перспективы использования этих рассказов в практике лингвистического краеведения.

Е.Н. Ильина, М.А. Паничева СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХЭШТЕГОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: медиалингвистика, словообразование, хэштег. В статье комментируется лингвистический статус и словообразовательная структура хэштегов. Материалом для наблюдений служит корпус хэштегов электронной коммуникации Вологодского государственного университета (официальный сайт, корпоративная страница ВКонтакте и др.).

О.А. Казакевич

КОМПИЛЯТИВНЫЕ ЖАНРЫ ДЕЛОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ НА ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ XVII В.

Ключевые слова: ведомость как жанр, Китай, XVII в., литература путешествий.

В статье представлены результаты анализа вторичных жанров делового письма, таких как дорожник (или путник) и ведомость. На примере различных дорожников XVII в. и «Ведомости о Китайской земле и о глубокой Индеи» П.И. Годунова выявлены и описаны компилятивный характер и лингвистическая содержательность данных жанров, а также намечены пути их дальнейшего развития и трансформации.

technologies should be used in teaching morphology in order to develop students' interest in the Russian language.

N.N. Bykova

THE CONCEPT OF «CHILDHOOD» IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV: A LOOK FROM THE XXI CENTURY

Keywords: childhood, child, image, A. P. Chekhov, «Steppe». Fiction is characterized by the demonstration of antagonistic relations in the transmission of the interaction of the child's world with the world of adults. In the works, childhood is often viewed through the prism of the perception of an adult. At the same time, in some cases, this concept is devalued. The article deals with the representation of the concept of «childhood» based on the material of the novel «Steppe» by A. P. Chekhov.

K.V. Yelenskaya

CHANGES IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF NEOLOGISMS REPRESENTING VIOLENCE)

Keywords: language picture of the world, violence, neologisms. The article considers and classifies neologisms of foreign language origin that represent new forms of violence that are not always obvious to a native speaker of the Russian language. These lexemes fill in the lexical gaps in the Russian language, which indicates the ongoing changes in the Russian language picture of the world and the internal need to make the problem of violence visible.

E.N. Ilyina, A.V. Kryukova, M.I. Legotina ORAL STORIES OF RURAL RESIDENTS ABOUT LABOR: COGNITIVE, PERSONOLOGICAL AND PRAGMATIC ASPECTS OF ANALYSIS

Keyword: dialectology, cognitive linguistics, linguistic personology, linguistic study of local lore. The article analyzes oral stories about work, recorded from the words of the speakers of Vologda dialects. The material of these stories describes the typological features of the dialect linguistic picture of the world, creates a speech portrait of storytellers, and also defines the prospects for using these stories in the practice of linguistic local history.

E.N. Ilyina, M.A. Panicheva WORD FORMATION OF HASHTAGS IN THE FRAMEWORK OF MEDIA LINGUISTICS

Keywords: media linguistics, word formation, hashtags. The paper considers the linguistic status and word-formation structure of hashtags. The material for study is the corpus of hashtags used for electronic communication by Vologda State University (via its official website, its page in the Russian social network VKontakte, etc.).

O.A. Kazakevich

COMPILATION GENRES OF BUSINESS WRITING BASED ON THE TRAVEL LITERATURE IN THE XVII CENTURY

Keywords: statement as a genre, China, XVII century, travel literature.

The article presents the results of the analysis of secondary business writing genres, such as road diary (or traveler) and statement. The compilation character and linguistic content of these genres are identified and described, and the ways of their further development and transformation are outlined using examples from various road diaries of the 17th century and "Vedomosti about the Chinese land and about deep Indya" by P.I. Godunov.

С.С. Камшук, А.А. Немыка, Е.Н. Рожик
**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
 ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ
 ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Ключевые слова: научный дискурс, учебный текст, средства речевой выразительности, лингвокультурологический комментарий.

Актуальность данного исследования связана с важностью поднимаемых в нем вопросов изучения учебного научного текста, с необходимостью выявления соответствующих метаязыковых форм и функциональной специфики их воплощения в определенных видах учебного текста. Превалирует обращение с новых методологических позиций к изучению важнейшего объекта филологии – отдельного текста, характеризуются лингвистические свойства учебного текста определенного жанра как структурно – семантического и лингвометодического континуума. В статье авторы обращаются к историческому тексту, ориентированному на широкую аудиторию, в силу своей лингвокультурной значимости и несомненной ценности, и детально анализируют его семантический и функциональный потенциал. Исследование выполнено в русле современных языковедческих работ, изучающих научные и учебные научные тексты как с собственно лингвистической, так и методической точек зрения. Системный подход к проблематике позволяет проанализировать специфику исторического учебного текста, сделать выводы о том, что его функциональные параметры обусловлены двумя основными факторами: характером содержания и способом изложения – с учетом языковых особенностей, отличающих его от других учебных научных текстов.

V.V. Karpova

**МУЛЬТФИЛЬМ «МАЛЕНЬКАЯ ВАСИЛИСА» (2007):
 КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвофольклористика, волшебная сказка.

Статья посвящена проблемам лингвокогнитивного анализа медийных текстов с фольклорной прецедентной основой. Материалом для наблюдений служит персонажный и закадровый текст мультипликационного фильма «Маленькая Василиса» (2007).

Д.А. Борисов, Н.В. Жарёнова, Ю.Н. Зинцова
**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА
 GRÖLEN В СОВРЕМЕННОМ ШВЕЙЦАРСКОМ
 ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ключевые слова: глагол, лексическая единица, лексико-семантический вариант, синонимический ряд, публицистический дискурс, семантический потенциал, прагматический потенциал.

В статье рассмотрена специфика глагола «grölen» с точки зрения описания особенностей его семантической структуры и характера функционирования в швейцарском газетном дискурсе. Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что языковая единица, не являющаяся многозначной и характеризующаяся достаточно невысокой частотностью использования, тем не менее, в процессе экспликации в текстах публицистического типа, обладает способностью к реализации разнообразных лексических и стилистических компонентов значения.

В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк
**РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
 В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ**

Ключевые слова: фразеологический интенсификатор, нарративный дискурс, событийная модель, речемыслительная деятельность, градуальность, континуальность.

В научной статье рассмотрены актуальные проблемы филологической науки, такие как нарративный дискурс и фразеологические интенсификаторы. Исследована роль

S.S. Kamshuk, A.A. Nemyka, E.N. Rozhik
**FUNCTIONING OF THE MEANS OF ARTISTIC
 EXPRESSION IN THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF
 THE HISTORICAL TEXT**

Keywords: scientific discourse, educational text, means of speech expression, linguoculturological commentary.

The relevance of this study is associated with the importance of the issues raised in it of studying the educational scientific text, with the need to identify the corresponding metalanguage forms and the functional specifics of their implementation in certain types of educational text. The prevailing appeal from new methodological positions to the study of the most important object of philology – a separate text, characterizes the linguistic properties of the educational text of a certain genre as a structural-semantic and linguo-methodological continuum. In the article, the authors turn to a historical text aimed at a wide audience, due to its linguocultural significance and undoubted value, and analyze in detail its semantic and functional potential. The study was carried out in line with modern linguistic works that study scientific and educational scientific texts from both the linguistic and methodological points of view. A systematic approach to problems allows one to analyze the specifics of a historical educational text and draw conclusions that its functional parameters are determined by two main factors: the nature of the content and the way of presentation, taking into account the linguistic features that distinguish it from other educational scientific texts.

V.V. Karpova

**CARTOON “SMALL VASILISA”: COGNITIVE BASE AND
 LANGUAGE PECULIARITIES**

Keywords: cognitive linguistics, lingvofolcloristics, fairy-tale
 This paper presents the results of the study of concept miracle based on the text of Russian fairy-tales and its further interpretations in visual images (cartoons). The comparison of two forms of folklore communication is given. The language peculiarities are analyzed.

D.A. Borisov, N.V. Zharenova, Yu.N. Zintsova
**SEMANTIC-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE VERB
 GRÖLEN IN MODERN SWISS PUBLIC DISCOURSE**

Keywords: verb, lexical unit, lexical-semantic variant, synonymous row, publicistic discourse, semantic potential, pragmatic potential.

The article examines the specificity of the verb “grölen” from the point of view of describing the features of its semantic structure and the nature of its functioning in the Swiss newspaper discourse. The analysis of the research results allows us to conclude that a linguistic unit, which is not ambiguous and is characterized by a rather low frequency of use, nevertheless, in the process of explication in publicistic texts, has the ability to implement a variety of lexical and stylistic components of meaning.

V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk
**THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL
 INTENSIFIERS IN NARRATIVE DISCOURSE**

Keywords: phraseological intensifier, narrative discourse, eventive outline, verbal and cognitive activity, gradality, continuity.

The article deals with the current problems of philological science such as narrative discourse and phraseological intensifiers. The authors consider the role of the phraseological

фразеологического интенсификатора в речевом акте нарративного дискурса. Подробно рассмотрены примеры, в которых фразеологические контексты – это Макрособытия, протекающие во времени и описывающие последовательные события. По результатам проведенного исследования сделан вывод о ключевой роли интенсификаторов в процессе событийной модели мыслительной деятельности.

А.В. Гуркова

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: категория времени, художественное время, фактическое время, диктема, художественный текст.

Данная статья посвящена вопросу воплощения времени в художественном тексте. Автор рассмотрел способы воплощения времени в художественном тексте фантастического жанра и взаимодействие времени художественного, читательского, фактического, авторского и сюжетного.

И.А. Дини, С.Б. Цолоева, А.В. Арепьев НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: речевое поведение, мужчина, политический дискурс, английский язык, гендер.

Настоящая статья посвящена описанию специфики гендерно обусловленного речевого поведения мужчин. Отмечается, что политический дискурс представляет собой зону мужской ответственности. Более того, политическая арена позволяет мужчинам создавать образ сильной личности, поддерживать его, уничижительно относиться к женщинам посредством ироники, не допуская последних к политической сфере.

Л.Е. Корнилова

ФОНОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КИТАЙСКИХ КСЕНОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ)

Ключевые слова: китайские ксенонимы, латинизация, фонографическая ассимиляция заимствований, культурно-языковые контакты.

В статье рассматривается фонографическая вариативность китайских ксенонимов в немецком языке; затрагивается вопрос о существующих системах латинизации китайских заимствований и различиях этих систем, приводящих к возникновению дублетов, и проблема фонографической ассимиляции китайских слов в немецком языке. Материалом исследования послужили произведения современных китайских писателей на немецком языке. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью китайских заимствований и их роли в современном немецком языке.

Б.А. Мхитарян, И.В. Уварова, А.М. Бальян, А.А. Бекетова ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ИРОНИИ В СЕМАНТИКЕ АТРИБУТИВНО-НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЯДЕРНОЙ ЛЕКСЕМОЙ "IRONY"

Ключевые слова: коммуникативный эффект иронии, лексема "irony", узкая контекстуальная дистрибуция, атрибутивно-номинативные словосочетания.

Данная статья посвящена описанию коммуникативного эффекта иронии на основании данных логико-семантической классификации атрибутивно-номинативных словосочетаний с ядерной лексемой "irony", извлеченных методом сплошной выборки из текстов Британского национального корпуса английского языка. В работе аналитически доказывается превалирование негативного коммуникативного эффекта, связанного с отрицательными эмоциями, возникающими в связи с применением данной фигуры речи, а также несоответствие преобладающего коммуникативного эффекта общепринятым признакам текстов юмористического дискурса.

intensifier in the speech act of narrative discourse. The article examines examples in which phraseological contexts are Macro events that take place over time and describe successive events. The authors conclude that the phraseological intensifiers play a major role in the process of the event model in the thinking activity.

A.V. Gurkova

CATEGORY OF ART TIME

Keywords: time category, artistic time, actual time, artistic text. This article is devoted to the question of the embodiment of time in a literary text. The author considered the ways of embodying time in the fiction text of the fantasy genre and the interaction of the artistic, reader's, factual, author's and plot time.

I.A. Deeney, S.B. Tsoloeva, A.V. Arepjev SOME FEATURES OF MEN'S SPEECH BEHAVIOR IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Keywords: speech behavior, man, political discourse, English, gender.

This article is devoted to the description of the specifics of gender-based speech behavior in men. It is noted that political discourse is a zone of male responsibility. Moreover, the political arena allows men to create an image of a strong personality, to support it, to demean women through irony, preventing the latter from entering the political sphere.

L.E. Kornilova

PHONOGRAPHIC VARIATION OF CHINESE XENONYMS IN GERMAN (BASED ON THE WORKS OF MODERN CHINESE AUTHORS)

Keywords: Chinese xenonyms, phonographic varieties, phonographic assimilation of borrowings, cultural and linguistic contacts, Roman writing.

The article examines phonographic varieties of Chinese words in German as a result of cultural and linguistic contacts between Germany and China, transmission into German of the Chinese xenonyms occurring in literary works of modern Chinese writers, phonographic assimilation of the Chinese borrowings into German. The article focuses also on the coexisting different systems of romanization of Chinese borrowings conducive to the emergence of confusing doublets. The relevance of this study is determined by the insufficient research on Chinese borrowings and their role in modern German.

B.A. Mkhitarjan, I.V. Uvarova, A.M. Balyan, A.A. Beketova REFLECTION OF THE COMMUNICATIVE EFFECT OF IRONY IN THE SEMANTICS OF ATTRIBUTIVE- NOMINATIVE WORD COMBINATIONS WITH THE SUPERORDINATE LEXEME "IRONY"

Keywords: communicative effect of irony, lexeme "irony", narrow contextual distribution, attributive-nominative word combinations.

The article is devoted to the description of the communicative effect of irony based on the data of the logical-semantic classification of attributive-nominative word combinations with the superordinate lexeme "irony", extracted by continuous sampling from the texts of British National Corpus. The paper analytically proves the prevalence of negative communicative effect associated with negative emotions arising in connection with the use of this figure of speech, as well as the discrepancy between the predominant communicative effect and generally recognised features of humorous discourse texts.

М.В. Репина, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НАЗВАНИЙ
СПОРТИВНЫХ ПИЩЕВЫХ ДОБАВОК)

Ключевые слова: реклама, лингвистические единицы, пищевые добавки, спортивное питание.

В работе представлены результаты исследования языковых средств, которые способствуют привлечению внимания к тому или иному рекламируемому продукту. Авторами был проведен анализ наименований препаратов спортивного питания, в которых имеется сочетание нескольких лексических единиц и нескольких приемов воздействия на покупателя. Основное внимание было уделено обзору информационных и эмоционально-экспрессивных лексических единиц, использование которых способствует узнаваемости продукта и повышению уровня доверия к нему со стороны потенциального потребителя.

А.С. Рыбакова
ОДНОКОМПОНЕНТНЫЕ И МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА В СФЕРЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеология, идиомы, структурные особенности фразеологизмов, лексика сферы компьютерных технологий.

Эпоха всеобщей глобализации затрагивает язык, который отражает разнообразные изменения в жизни современного общества. В данной статье предпринята попытка рассмотреть понятие «фразеологизм», а также рассмотреть его структурные особенности на примере лексических единиц, относящихся к сфере информационных технологий.

О.А. Хабибуллина
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ
«ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: фразеологические единицы, количественные и порядковые числительные, семантика, способы перевода.

В статье анализу подверглись английские фразеологизмы, в состав которых входят количественные и порядковые числительные. В ходе исследования было обнаружено свойство числительных выражать не только числовое, но и нечисловое значение в составе фразеологизмов, что уже создает некоторые трудности при переводе на другие языки. Значимым открытием исследования стало понимание того, что семантика фразеологизма имеет оценочный, образно-мотивационный и эмотивный компоненты.

М.С. Харченко, М.Н. Палеха, Е.С. Глухова
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОНСТРУКЦИЙ,
ОБРАЗОВАННЫХ АНГЛИЙСКИМ ГЛАГОЛОМ TO HAVE
Ключевые слова: прототип, конструкция, прототипическая ситуация, прототипическая конструкция.

В статье с позиций семантического синтаксиса анализируется развитие конструкций, образованных английским глаголом to have, с момента первого упоминания в историческом словаре (888 г.) до наших дней. Описываются элементы, входящие в состав have-конструкций.

С.С. Шумбасова
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: культура, фразеологическая единица, национальный компонент, концепт.

В настоящей статье представлены фразеологические единицы немецкого языка, в состав которых входит национально-культурный компонент, то есть слово, одно из семантических значений которого непосредственно связано с языковой картиной мира. Именно фразеология является транслятором

M.V. Repina, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova
LEXICAL MEANS OF LANGUAGE INFLUENCE OF
COMMERCIAL ADVERTISING (IN THE MATERIAL OF
THE ENGLISH NAMES OF SPORTS FOOD SUPPLEMENTS)

Keywords: advertising, linguistic units, nutritional supplements for sports nutrition.

The paper presents the results of a study of language means that help to attract attention to a particular advertised product. The authors analyzed the names of sports nutrition products, in which there is a combination of several lexical units and several methods of influencing the consumer. The main attention was paid to the review of informational and emotionally expressive lexical units, the use of which contributes to the recognition of the product and an increase in the level of trust in it from the potential consumer.

A.S. Rybakova
SIMPLE AND COMPOUND PHRASEOLOGICAL UNITS OF
IT-SPHERE

Keywords: phraseological units, phraseology, idioms, structural peculiarities of phraseological units, IT-lexicon.

Globalization is a complex process that influences languages and thus reflects changes in the life of modern society. This article deals with a complex notion as 'phraseological unit' and dwells upon its structural peculiarities giving as an example words from IT sphere.

O.A. Khabibullina
FEATURES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL
UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE WITH THE
COMPONENT «NUMERAL» INTO RUSSIAN

Keywords: phraseological units, cardinal and ordinal numerals, semantics, translation methods.

The article analyzes the English phraseological units, which include cardinal and ordinal numerals. In the course of the research, the property of numerals was found to express not only numerical, but also non-numerical value in phraseological units, which already creates some difficulties in translation into other languages. A significant discovery of the research was the understanding that the semantics of phraseological units has evaluative, figurative-motivational and emotive components.

M.S. Kharchenko, M.N. Palekha, E.S. Glukhova
IN RELATION TO THE DEVELOPMENT OF THE
CONSTRUCTIONS FORMED BY THE ENGLISH VERB TO
HAVE

Keywords: prototype, construction, prototype situation, prototype construction.

The article from the standpoint of semantic syntax describes the development of constructions formed by the English verb to have, from the first mention in the historical dictionary (888) to the present day. The elements that make up the have-constructions are described.

S.S. Shumbasova
NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF PHRASEOLOGICAL
UNITS OF THE GERMAN LANGUAGE

Keywords: culture, phraseological unit, national component, concept.

This article presents the phraseological units of the German language, which include a national-cultural component, that is, a word, one of the semantic meanings of which is directly related to the linguistic picture of the world. It is phraseology that reflects cultural features and national character, concentrating

культурных особенностей и национального характера, концентрируя в себе компоненты, имеющие концептуальное значение для носителей немецкого языка, в котором отчетливо прослеживаются определенные тематические группы фразеологизмов.

Г.В. Галавова

ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ

Ключевые слова: язык, спорт, лексика, наука, спортсмены, язык науки.

Статья посвящена вопросам применения языка науки в жизни спортсменов. В ходе научных исследований и написанных публикаций не только осуществляется разработка и реализация комплексных программ подготовки по определенным видам спорта на всех этапах становления, развития и реализации высшего спортивного мастерства, но и обеспечивается научно-теоретическое изучение механизмов, двигательной деятельности спортсменов, их диагностика и контроль. Основные требования по решению проблем физической культуры и спорта, обусловлены не столько способностью передавать различные знания и умения слушателям, сколько способностям наиболее эффективно использовать эти знания для достижения совершенно конкретных целей и задач.

Ю.А. Дубовский Т.Б. Заграевская, С.М. Заграевская
АНГЛО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗНАКИ

Ключевые слова: двоеточие, бизнес-дискурс, Интернет, тире, функция.

Статья посвящена сопоставительному анализу характера функционирования пунктуационных знаков двоеточия и тире в русском и английском бизнес-дискурсах Интернет-пространства.

З.И. Евлоева, А.М. Льянова

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: термины родства, морфологический анализ, отец, мать, родственник, ребенок.

Статья освещает морфологический анализ терминов родства во французском и ингушском языках. В центре структуры родственных отношений, отраженных в терминологии родства, всегда находится одно условное лицо – «говорящий». Особую популярность в лингвистических исследованиях термины родства получили в связи с зарождением и применением метода компонентного анализа значений слов.

М.А. Егорова

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: категория интертекстуальности, имя собственное, цитата, аллюзия, код, когнитивное пространство.

Статья посвящена категории интертекстуальности, где данная категория рассматривается в качестве способа восстановления индивидуального когнитивного пространства. На основе признаков интертекстуальности, выявленных в произведениях одного автора, можно восстановить знания, которые входили в его индивидуальное когнитивное пространство.

П.А. Магомедова, М.У. Магомедова
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
«БЕРТИН/РИГЬИН» В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: аварский язык, концептосфера, лингвокультурный анализ, когнитивная семантика, фрейм,

components that have a conceptual meaning for native speakers of the German language, in which certain thematic groups of phraseological units are clearly traced.

G.V. Galavova

LANGUAGE AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN ATHLETES

Keywords: language, sport, vocabulary, the science, athletes, language of science.

The article is devoted to the application of the language of science in the life of athletes. In the course of scientific research and written publications, not only the development and implementation of comprehensive training programs for certain sports at all stages of the formation, development and implementation of higher sportsmanship is carried out, but also provides a theoretical and theoretical study of the mechanisms, motor activity of athletes, their diagnosis and control. The basic requirements for solving the problems of physical culture and sports are determined not so much by the ability to transfer various knowledge and skills to students, as by the ability to most effectively use this knowledge to achieve completely specific goals and objectives.

Yu.A. Dubovsky, T.B. Zagrayevskaya, S.M. Zagrayevskaya
ANGLO-RUSSIAN PARALLELS IN INTERNET-COMMUNICATION: PUNCTUATION MARKS

Keywords: colon, dash, discourse, Internet, function.

The article presents the results of a comparative analysis of colons and dashes functioning as punctuation marks in the Internet English and Russian business discourses.

Z.I. Evloeva, A.M. Lyanova

THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF KINSHIP TERMS IN FRENCH AND INGUSH LANGUAGES

Keywords: kinship terms, morphological analysis, father, mother, relative, child.

The article deals with the morphological analysis of kinship terms in French and Ingush languages. There is always a relative person, speaker, in the center of kinship structure. The great popularity of kinship terms is connected with the origin and application of the component analysis method of words meaning.

M.A. Egorova

THE CATEGORY OF INTERTEXTUALITY AS THE BASIS FOR THE RECONSTRUCTION OF INDIVIDUAL COGNITIVE SPACE

Keywords: the category of intertextuality, proper name, quote, allusion, code, cognitive space.

The article is devoted to the category of intertextuality. In the article, this category is considered as a way of reconstruction of individual cognitive space. It is possible to reconstruct the knowledge, which was the foundation of author's individual cognitive space based on the signs of category of intertextuality in his works.

P.A. Magomedova, M.U. Magomedova
THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT
"BERTIN/RIHIN" IN THE NATIONAL LINGUOCULTURE
(BASED ON THE AVAR LANGUAGE)

Keywords: Avar language, conceptosphere, linguocultural analysis, cognitive semantics, frame, slot.

The article presents a linguocultural and cognitive-semantic

слот.

В статье представлен лингвокультурный и когнитивно-семантический анализ концептосферы «бертин/риггин» (свадьба/брак), являющийся одним из ценных элементов социально-культурного знания этноса. Исследуемый концепт релевантен в системе социальных понятий и ценностей, во многом он определяет содержание других базовых концептов национального языкового сознания. В исследовании интегрированно использованы компонентный, лингвокультурный и фреймовый анализ базовых лексем, фразеологических и паремнологических единиц аварского языка, репрезентирующих концептосферу «бертин/риггин».

Н.О. Орлова, О.Ю. Богданова, О.Л. Крамаренко, Ю.В. Мошкина
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ АМЕРИКАНСКОГО
И РУССКОГО СЛЕНГА

Ключевые слова: сленг; сленгизмы; современный молодёжный сленг; лексико-семантическое поле, вербализация «картины мира».

В статье рассматриваются лексико-семантические поля американского и русского сленга в сопоставительном аспекте. Актуальность данной работы обусловлена активным использованием носителями языка сленгового лексикона, который пополняется новыми словами и выражениями, и является достоверным источником информации о языковых факторах. Дается краткий обзор основных направлений исследования данного феномена. Делается вывод о том, что в целом лексико-семантические поля сленговой лексики российского и американского общества совпадают, несмотря на разницу культур.

С.М. Юсупова
КОНЦЕПТ «НАДЕЖДА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: идиомы, надежда, контексты, внутренняя форма, значение.

В статье рассматривается концепт НАДЕЖДА во фразеологии английского и русского языков, раскрывается специфика внутренней формы и значения идиом, особенности функционирования идиом в контекстах. Надежда ассоциируется с ясностью, светом, вечностью, а отсутствие надежды с наказанием и адом. В английском языке надежда измеряется и может быть маленькой и большой, в русском языке выступает как психологическая сторона, необходимость для душевного спокойствия. В контекстах часто встречается использование языковой игры.

analysis of the conceptosphere "bertin / rihin", which is one of the valuable elements of the socio-cultural knowledge of the ethnos. The concept under study is relevant in the system of social concepts and values, and in many respects it determines the content of other basic concepts of national linguistic consciousness. The study uses integrated component-semantic, linguocultural and frame analysis of the basic lexemes, phraseological and paremiological units of the Avar language, representing the conceptosphere "bertin/rihin".

N.O. Orlova, O.Y. Bogdanova, O.L. Kramarenko, Y.V. Moshkina
LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF AMERICAN
AND RUSSIAN SLANG

Keywords and phrases: slang; slangisms; modern youth slang; lexico-semantic field, "world picture" verbalization.

The article examines the lexical and semantic fields of American and Russian slang in a comparative aspect. The relevance of this work is due to the active use of slang vocabulary by native speakers, which is replenished with new words and expressions, and is a reliable source of information about linguistic factors. A brief overview of this phenomenon research main directions is given. It is concluded that, in general, the lexico-semantic fields of the slang vocabulary of Russian and American society coincide, despite the difference in cultures.

S.M. Yusupova
THE CONCEPT "HOPE" IN PHRASEOLOGY (ON THE
MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN
LANGUAGES)

Keywords: idioms, hope, contexts, inner form, meaning.

The article deals with the concept of HOPE in phraseology of the English and Russian languages, reveals the specificity of the inner form and meaning of idioms, the peculiarities of functioning of the idioms in contexts. Hope is associated with clarity, light, eternity, and lack of hope with punishment and hell. In English, hope is measured and can be small and large, in Russian it acts as a psychological side, a necessity for calmness. In the contexts a language game is often met.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№5 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 22.06.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 22.06.2021

8,9 усл.печ.л. 9,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4190.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»